SOVREMENNIK 12 3

СОВРЕМЕННИКЪ.

15

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Е. Фишера.
1839.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Е. Фишера.

1839.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK

Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509 271/69 – 2088

ХРОНИКА РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ*.

$\frac{\text{19 Апрѣля}}{\text{1 Маія}}$ 1839. Сегодня празднуютъ Филиппа: въ первый разъ еще (по крайней мѣрѣ, сколько я помню) солнце свѣтитъ и грѣетъ въ этотъ день Парижанъ. Все вокругъ меня въ движеніи: я живу между булеваромъ и Тюлерійскимъ садомъ. Народъ радъ случаю погулять и пображничать. На Елисейскихъ-поляхъ и въ другихъ кварталахъ выставлены театры, но я когда-то уже описывалъ эти народныя увеселенія: и теперь все тоже, хотя съ 1830 года

* См. Современ. Т. X., стран. 74, *второй нумераціи.*

такъ называемая *чернь*, которая здѣсь въ *синихъ* балахонахъ, сдѣлала нѣкоторые успѣхи въ благопристойности. Изъ досчатыхъ стѣнъ балагановъ не льется уже вино, и толпы не рвутся уже за колбасами и окороками.

Завтра пять академій собираются въ ротондѣ института; но я не успѣю уже отдать вамъ отчета въ чтеніяхъ. Жалѣю, что не описалъ вамъ послѣднихъ чтеній Шатобріановыхъ *Загробныхъ записокъ* (d'outre-tombe). Въ нихъ современная исторія не одной литературы. Статья о смерти герцога д'Энгіенскаго написана перомъ Тацита-Боссюэта. Много новыхъ откровеній объ участіи нѣкоторыхъ лицъ въ сей кровавой *ошибкѣ* Наполеона. Съ правосудіемъ историка, съ высокимъ безпристрастіемъ христіанина, судитъ авторъ генерала Гюлена — предсѣдателя судей-губителей, Савари—слѣпаго исполнителя приговора, Талерана — совѣтника Наполеонова, и самаго Наполеона. Онъ сообщаетъ нѣсколько словъ изъ письма ***, кои удалось ему упомнить. Шатобріанъ, послѣ этаго политическаго злодѣянія, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ южную Францію. Онъ нашелъ въ Ліонѣ Баланша и съ нимъ посѣтилъ древній монастырь ордена *Молчанія* (ordre du Silence), la Chartreuse близъ Гренобля, гостилъ въ Колетѣ у m-me Сталь и прекрасно описалъ ея тоску по Парижскимъ салонамъ въ ссылкѣ на Женевскомъ озерѣ: «mais elle aimait le monde! L'exil lui était impossible! Quel malheur: d'avoir de la gloire et la vue des Alpes! Elle

conservait sa royauté et sa couronne, tandis que sont devenues les filles des rois, etc. etc. Il en est des douleurs comme des patries: chacun a la sienne!» Въ этомъ же чтеніи познакомилъ онъ насъ съ своей умершей сестрою и прочелъ намъ нѣсколько изъ ея прелестныхъ писемъ, глубокимъ чувствомъ проникнутыхъ. Въ нихъ «вся душа ея слышна.» Она скончалась въ аббатствѣ, въ Парижѣ, въ произвольномъ заточеніи. Ее похоронили съ *бѣдными* — и Шатобріанъ не могъ отыскать ея могилы, не знаетъ и теперь, гдѣ скрытъ прахъ ея. «Dieu saura reconnaître ma soeur.» Въ ея эмбеммѣ и въ девизѣ—вся жизнь ея: «une lune dans le nuage,» съ надписью: «souvent obscurcie, jamais ternie. Вотъ послѣднія слова въ статьѣ Шатобріана о сестрѣ: «Soyons doux, si nous voulons être généralement regrettés.»

Вотъ еще новое явленіе въ документальной исторіи Франціи. Martin Boisy издалъ рукопись Лудвига XVIII. Въ предисловіи говорится о политической жизни короля до обнародованія хартіи 1814 г. Оригиналъ сей рукописи, рукою короля писанный, хранится въ здѣшней публичной библіотекѣ, для всѣхъ доступной. Fac-simile, въ изданной книгѣ, совершенно сходно съ тѣми собственноручными рукописями короля Лудвига XVIII, которыя самъ я видѣлъ въ Московскомъ архивѣ, въ разрядѣ: Affiares des princes. Нельзя сомнѣваться и легко удостовѣриться въ истинѣ (authenticité) этой рукописи. Въ-слѣдствіе поверхностнаго

обозрѣнія мнѣ показалось, что нѣкоторыя изъ нихъ читалъ я также въ Московскомъ архивѣ. Эта рукопись должна разочаровать либераловъ на счетъ Людвига XVIII. «Le manuscrit que nous publions, говоритъ издатель, apporte un document inattendu à l'histoire: il vient renverser les versions écrites et les traditions les plus accréditées sur le compte de Louis XVIII.»

Не вхожу въ область политики и возвращаюсь къ невиннымъ поэтамъ. «Les recueillemens poëtiques» Ламартина вамъ уже извѣстны; по – крайней – мѣрѣ строго–добродушный S-te Beuve познакомилъ васъ съ ними въ Revue des deux mondes. Разборъ его огорчилъ, кажется, Ламартина; но кто не согласится съ критикомъ въ его упрекахъ поэту–депутату за презрѣніе къ первой славѣ его, по–крайней–мѣрѣ къ первой виновницѣ славы его — къ поэзіи? A propos de la Revue des deux mondes: читаете ли вы *Кесарей* Шампаньи, умнаго сына бывшаго Наполеоновскаго министра? Укажу еще на примѣчательныя литературныя явленія. *Туркети* — преимущественными поэтъ католицизма; *Роншо*, пѣвецъ первыхъ впечатлѣній и природы: съ своими думами и съ планомъ поэмы онъ уединился, на границѣ Швейцаріи, въ Вогезскія-горы; *Фудра*, новый баснописецъ. Въ романахъ—m-me *Ансело;* въ поэтическихъ легендахъ m-me d'Haute-feuillée, авторъ «Le lys d'Israël:» она, кажется, забыла, что Св. есть предметы, которыя должны быть и въ исторіи неприкосновенными— цвѣты поэзіи блекнутъ передъ

простотою Евангельскаго повѣствованія. Въ философіи: *Психологія* аббата *Ботеня;* примѣчательно въ немъ разсмотрѣніе разныхъ, такъ называемыхъ, системъ философіи, въ XVIII и XIX в. господствовавшихъ, отъ Шотландской школы до мнимаго эклектизма Кузеня и проч. (Двѣ части, а послѣ выйдутъ и другія). *Лакордеръ* издалъ: «Sur l'ordre des precheurs, который онъ намѣренъ возстановить во Франціи, принявъ благословеніе папы въ Римѣ, куда онъ недавно отправился. NB. Въ протестантскомъ журналѣ «Le semeur» надобно прочесть разсмотрѣніе de Lys d' Israël de m-me d'Haute-feuillée, и брошюры Лакордера о Доминиканскомъ братствѣ: audiatur et altera pars, особливо въ исторіи!

$\frac{20\ \text{Апѣрля}}{2\ \text{Маія}}$ 1839. Вчера въ Тюлерійскомъ саду любовался я фейерверкомъ, бывшимъ на другой сторонѣ Сены. Народъ толпился въ освѣщенномъ саду: слабый отблескъ огней Петергофскихъ! Издали дворецъ казался мрачнымъ.... Министерство еще не сложилось; герцогъ Монтебелло успѣлъ дать министерскій обѣдъ Европейскимъ и Азіатскимъ дипломатамъ. Блестящіе экипажи пословъ и министровъ, національная ливрея Греческаго посланника, или Турецкаго (точно не знаю), обращали вниманіе булеварныхъ гулякъ.

Спѣшу въ академію слушать отчетъ предсѣдателя, ораторовъ и поэтовъ пяти отдѣленій института.

Недавно увлекъ меня Шатобріанъ въ Сорбону, на лекціи *Ленормана*, заступающаго мѣсто Гизо на исторической каѳедрѣ. Онъ проходитъ *Средніе-вѣки;* говорилъ объ Абельярѣ, объ Арнольдѣ Брешіанскомъ и о другихъ реформаторахъ того времени, оправдывая гоненія противъ нихъ Римской церкви, и особенно благочестивую ревность св. Бернара, и другихъ, которые въ неприкосновенности церкви видѣли цѣлость политическихъ обществъ. Но развѣ не костры Арнольда и Гуса освѣтили и проложили путь Лютеру?

Отъ прошедшаго перейдемъ къ *будущему:* наблюдатель Америки и демократизма, *Токевиль* скоро издаетъ новую книгу; а *Рейналь,* племянникъ *Жубера,* приготовляетъ новое изданіе его *Мыслей* и переписки съ Фонтаномъ, Моле, и др. Вчера познакомился я съ симъ новымъ сокровищемъ. Будутъ и стихи: какая прелесть! Мнѣ обѣщали ихъ вмѣстѣ съ автографомъ Жубера. *Ребуль*, поэтъ-хлѣбникъ, печатаетъ свою поэму: «Le dernier homme.»

Сейчасъ возвратился изъ института. Всѣ трибуны и амфитеатръ были полны. Ровно въ два часа явились члены пяти академій: немногіе изъ нихъ были въ своихъ шитыхъ свѣтлозеленымъ шелкомъ кафтанахъ—l'habit aux palmes vertes. Многихъ знаменитостей академическихъ не было. Мѣсто президента занималъ Chevreuil; въ числѣ секретарей и *Араго. Шеврель* открылъ засѣданіе рѣчью, коей предметъ былъ

почти тотъ же, какъ и рѣчи президента въ прошломъ году: о связи наукъ и изящныхъ искуствъ между собою. Пользу тѣсной связи между науками и слѣдовательно единства въ академіяхъ чувствовали первые ихъ учредители. Бѣконъ, въ Англіи, указалъ на сію пользу; во Франціи мужи государственные и ученые соединились для приведенія въ дѣйство мысли ученаго канцлера. *Кольберъ* въ 1666 г. оказалъ сію услугу Франціи и наукамъ. Но въ тогдашней Франціи не было еще необходимыхъ условій для достиженія цѣли, въ сей связи предполагаемой. Въ 1794 году національная конвенція совершенно измѣнила уставъ академіи, въ слѣдствіе чего науки дружились съ изящными искуствами. «Les sciences remerciaient les lettres de leur avoir cédé Fontenelle; d'Alambert devenait l'organe de l'academie Française; Buffon devint un des quarante.» Съ новымъ порядкомъ вещей возникъ во Франціи *институтъ* наукъ и искуствъ. «La loi qui regne fut datée par notre confrère,» сказалъ ораторъ; но немногіе одобрили рукоплесканіями сей комплиментъ члену академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, *Лаканалю*, въ лоно Франціи и академіи послѣ 1830 года возвращенному изъ Америки! Я не замѣтилъ его на скамьяхъ академическихъ, но почти всякую субботу вижу его въ частныхъ засѣданіяхъ академіи *нравственныхъ* наукъ. Президентъ могъ бы обойтись безъ этаго комплимента праздному и никакою ученою или литературною дѣятельностію не отличающемуся собрату. Онъ прибавилъ еще нѣс-

колько словъ въ честь гражданскихъ заслугъ Лаканаля, и заключилъ похвалу ему тѣмъ, что конечно тотъ, кто произнесъ о себѣ: «l'état — c'est moi,» не учредилъ бы института по плану, нынѣ принятому. Но въ наше время, сказалъ онъ, «le pouvoir a eu la conviction qu'il avait un appui dans les hommes de la science.» Учрежденію *пяти* академій способствовалъ духъ времени, «à une époque où des disgressions sur l'histoire, l'économie politique, la législation, etc. ne compromettaient personne;» когда ученый и художникъ имѣли равное право на общее уваженіе, и братски подавали другъ другу руку въ центрѣ всѣхъ талантовъ, всѣхъ наукъ и всѣхъ изящныхъ художествъ; въ центрѣ, коего назначеніе было: «ameilorer la soiété en l'éclairant.» Симъ словомъ заключилъ химикъ–ораторъ рѣчь свою. Послѣ него, другой секретарь академіи наукъ, Flourens прочелъ печатный рапортъ о конкурсѣ для сочиненія отвѣта на филологическій запросъ академіи, по задачамъ Вольнея. Изъ четырехъ сочиненій только два одобрены, но ни одно не признано достойнымъ назначенной награды. За симъ, сребровласый старецъ – поэтъ, Lemercier читалъ сочиненную имъ поэму на изобрѣтеніе *Дагера,* объяснивъ въ предисловіи планъ и сюжетъ поэмы и названія миоологическихъ лицъ, которыя дѣйствуютъ въ его поэмѣ, намекнувъ о важныхъ слѣдствіяхъ Дагеровскаго открытія, «qui feront faire aux sciences et aux arts des progrés incalculables, mais déjà pressentis!» Я не могъ вслушаться порядочно въ названія миоологическихъ лицъ

этой поэмы; но замѣтилъ улыбку многихъ, когда поэтъ, по законамъ природы теряющій съ лѣтами зрѣніе, сравнилъ себя по сему случаю съ Гомеромъ. En parlant du docte pinceau de Dagueres, поэтъ сказалъ о предметахъ, освѣщаемыхъ солнцемъ: «Sa fuite les efface et l'ombre les recèle.» Искуство сіе можетъ «braver des monumens, la masse et les détails.» Поэтъ, какъ мнѣ показалось, величаетъ Дагера: «favori du soleil, époux de la lumière» и обѣщаетъ ему удивленіе и благодарость «des nations à naître et du monde à venir.» На этотъ разъ я даже не замѣтилъ въ Лемерсье и стиховъ à retenir. Поэма холодна, утомительна, иногда надута; даже описаніе недавно бывшаго пожара, истребившаго Дагерову діораму, не растевелило слушателей, хотя между ними конечно были и очевидцы.

Вотъ, что говоритъ одинъ журналистъ о поэмѣ *Непомуцена Лемерсье:* «Можетъ быть, еще помнитъ «кто-нибудь, что знаменитый пѣвецъ Pinto et Frédégonde сочинилъ свою миѳологію, и что, олицетворяя отвлеченныя истины, открытыя Ньютономъ, «онъ, простой смертный, новыми богами населилъ новый Олимпъ. Г. Лемерсье, къ-сожалѣнію, явился «немножко поздно для подобнаго дѣла, и совсѣмъ «уже невремя вызывать къ бытію неизвѣстныя божества, когда и Греческіе боги, которыхъ чтили «столько вѣковъ, не видятъ ониміаму на своихъ жертвенникахъ. Когда одни боги покидаютъ землю, за-

«чѣмъ создавать другихъ? И въ *Атлантидѣ* безсмер-
«ные не прожили болѣе человѣческаго вѣка. Нель-
«зя не пожалѣть, что поэтъ вздумалъ изобрѣсти сво-
«ихъ боговъ, когда рѣшился воспѣть чудесное изобрѣ-
«теніе Дагера. Г. Лемерсье воображаетъ, что худож-
«никъ, влюбленный въ одну изъ дочерей солнца, *Лам-
«пелію,* пользуясь счастливою взаимностію чувствъ, по-
«хищаетъ всѣ тайны *Геліоса,* божества свѣта. *Пори-
«физа,* сестра Лампеліи, пришедши въ негодованіе отъ
«слабости сестры своей и отъ дерзости смертнаго, ко-
«торый узналъ то, что оставалось сокровеннымъ отъ
«глазъ всѣхъ смертныхъ, восклицаетъ: «C'est un vol au
«soleil, c'est trahir nos mystères! Гнѣвъ Порифизы не
«ограничивается тщетными укорізнами: чтобы от-
«мстить художнику за его святотатство, она объем-
«летъ пламенемъ его діораму.» Я согласенъ съ жур-
налистомъ: «что намъ до этихъ созданій воображе-
«нія, которыхъ мы ни представить, ни понять не
«можемъ; у которыхъ не только-что нѣтъ земной
«жизни, сообщаемой поэтами существамъ, однороднымъ
«съ нами, но даже нѣтъ и жизни небесной, этаго
«бытія, созидаемаго воображеніемъ и только вѣками
утверждаемаго?»

За поэзіей слѣдовала историческая проза фило-
софа Шотландской школы *Жуфруа:* «Fragmens d'une
histoire de la revolution Grecque.» Онъ описалъ пер-
вую войну Грековъ за народную независимость, воз-
мущеніе Пелопонеза и взятіе Триполицы, порывъ

Грековъ Іоническихъ острововъ на помощь братьямъ-
героямъ—и холодную Англійскую политику *Метлан-
да* (Maitland): «malgrès leur parlement les Ioniens n'étai-
ent point libres;» подвиги Андрея Метаксы, началь-
ника Іонической экспедиціи, и грознаго *Кіяю*, Турец-
каго военачальника, засѣвшаго въ Триполицѣ съ бѣ-
жавшими отъ Грековъ, унесшими Турками ихъ сокро-
вища; побѣду Грековъ и народныя пѣсни Іонійцевъ, при-
ближавшихся къ единовѣрцамъ своимъ. Битва при
Варнаци (?) рѣшила участь Пелопонеза и едва ли
не всей войны. Греки догадались, что они на полѣ
брани не уступаютъ Туркамъ. Послѣ чтенія я спро-
силъ Жуфруа: къ какому сочиненію относится сей
отрывокъ? Онъ отвѣчалъ, что пишетъ исторію осво-
божденія Грековъ отъ Турецкаго ига, но не надѣет-
ся кончить ее за недостаткомъ матеріаловъ. Я ска-
залъ ему, что я богатъ ими, что покойный братъ
мой, въ Константинополѣ, началъ уже не только со-
бирать офиціальные и другіе матеріалы для исторіи
войны освобожденія, но что онъ, возвратившись въ Рос-
сію, на-досугѣ составилъ уже обозрѣніе всѣхъ глав-
ныхъ происшествій, и частію описалъ ихъ Въ числѣ
слушателей сего отрывка былъ и Турецкій посолъ
съ секретаремъ своимъ: мнѣ казалось, что онъ слу-
шалъ съ большимъ вниманіемъ, и устремилъ глаза
на читателя при имени Екатерины!... Турокъ въ
Парижѣ слушаетъ исторію освобожденія Грековъ,
не въ чалмѣ, а въ синемъ сертукѣ, подъ краснымъ

колпакомъ. Novus ab integro nascitur ordo—и не для одной Европы.

Кто это, разряженный и унизанный крестами академикъ въ шитыхъ бѣлыхъ панталонахъ? Это *Сантини,* возвратившійся изъ Италіи — отвѣчали мнѣ. На академическій праздникъ явился и Женевскій ботаникъ *Декандоль*, великій номенклаторъ и регистраторъ прозябаемаго царства, воспѣтый въ юности своей Делилемъ, пѣвцомъ садовъ и природы, за какое-то важное открытіе въ физіологіи растеній. Онъ, с помощію сына, продолжаетъ заниматься внесеніемъ въ свой ботаническій каталогъ всѣхъ и повсюду от крываемыхъ растеній, и очень доволенъ корреспонде томъ своимъ на Кавказѣ. Сынъ его ѣдетъ скоро в Англію, чтобы оттуда снова обогатить отцовскій *трав никъ* новыми растеніями изъ-за океана. Я когда-т замѣтилъ уже, что для составленія *системы природ Линнею* достаточно было около *семи* тысячь растеній, тогда извѣстныхъ. Теперь Женевскій ботаническій ка бинетъ Декандоля и каталогъ его вмѣщаютъ уже д *семидесяти* тысячь описанныхъ имъ растеній!... Эт цифры краснорѣчивы. Декандоль напоминаетъ *Кювь* любезностію въ обществѣ и всеобъемлющею свое ученостію. Но недавно, разговаривая со мной о своем другѣ и сотрудникѣ въ изученіи и описаніи природы онъ признался, что съ глазу-на-глазъ Кювье прив дилъ его всегда въ нѣкоторое замѣшательство, и что встрѣчаясь съ нимъ весьма часто и не смотря на дру

жескія съ нимъ сношенія, наединѣ, въ кабинетѣ великаго испытателя природы и возстановителя *допотопныхъ* созданій, онъ приходилъ въ какую-то неодолимую робость. Можетъ быть, велерѣчіе однаго многоглаголиваго Гумбольда не подвержено было всему вліянію.

Простите. Въ Тюлерійскомъ саду кипять толпы народа подъ вешнимъ солнцемъ, которое стоитъ нашего лѣтняго.

Замѣтьте, что вчера, подъ Тюлерійскимъ балкономъ, съ котораго король кланялся народу, опять гремѣла музыка *Марсельскій-гимнъ* и *пѣсню-Парижанку* (la Parisienne).

КРИТИКА.

МАКБЕТЪ ШЕКСПИРА.

Макбетъ, Лиръ, Отелло и Гамлетъ обыкновенно считаются главными трагедіями Шекспира *Лиръ* занимаетъ первое мѣсто по глубокой силѣ страсти; *Макбетъ* по дикости воображенія и быстротѣ дѣйствія; *Отелло* по интересу, безпрестанно возрастающему, и по сильнымъ измѣненіямъ ощущеній; *Гамлетъ* по утонченному развитію мыслей и чувствованій. Могущество генія, проявляющееся въ каждомъ изъ сихъ произведеній, и разнообразіе ихъ — удивительны. Они всѣ походятъ на различныя творенія одного ума, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ остальнымъ. Такая отличительность и оригинальность могутъ точно назваться необходимыми послѣд-

ствіями истины и природы. Кажется, только геній Шекспира владѣетъ источниками природы. Онъ — «*вашъ единственный трагикъ.*» Пьесы его дѣйствуютъ на умъ нашъ какъ событія. То, что представляетъ онъ, входитъ въ сердце какъ происшествіе, собственно съ нами случившееся, впечатлѣвается въ памяти, какъ будто мы знали мѣста, людей и предметы, о которыхъ говоритъ онъ. Макбетъ походитъ на памятную записку о сверхъестественномъ и трагическомъ событіи. Онъ соединяетъ въ себѣ суровую строгость старинной хроники со всѣмъ тѣмъ, что воображеніе поэта можетъ привнть къ повѣрью, дошедшему до него по преданію. Замокъ Макбета, вокругъ котораго *воздухъ вѣетъ приманчиво,* и гдѣ *вьетъ гнѣздо свое летающій въ храмы стрижъ*, подлинно существуетъ въ умѣ нашемъ; сестры-вѣщуньи лицемъ къ лицу встрѣчаютъ васъ на *страшномъ вересковомъ полѣ*; *рисующійся въ воздухѣ кинжалъ* медленно двпжется предъ вашими глазами; *привѣтливый Дунканъ*, *обрызганный кровью Банко* стоятъ передъ вами; все, что происходило въ умѣ Макбета, повторяется въ вашемъ до малѣйшей точки. Все, что могло дѣйствительно случиться, и все, что возможно только для человѣческаго понятія, что было сказано и что было сдѣлано, дѣйствія страсти, очарованія волшебства — все это перенесено предъ взоры ваши съ одинаковою, въ полной мѣрѣ совершенною истиною и живостію. Шекспиръ всегда превосходно начиналъ пьесы свои; въ Макбетѣ это замѣтнѣе, нежели гдѣ-нибудь. Дикость сцены,

внезапное измѣненіе положеній и характеровъ, суматоха, возбужденныя ожиданія — равно необыкновенны. Съ первымъ выходомъ вѣдьмъ и описаніемъ ихъ при встрѣчѣ съ Макбетомъ:

> «Кто эти, такія чахлыя, такъ дико наряженныя, непохожія на жителей земли, а все-таки ходящія по ней?»

мы уже приготовлены ко всему, что слѣдуетъ потомъ.

Эта трагедія отличается также возвышенностью вымысла и шумною стремительностію дѣйствія, и первая сдѣлана побудительною причиною второй. Поразительный натискъ сверхъестественнаго дѣйствія гонитъ съ удвоенною силою стремленіе страсти человѣческой. Самъ Макбетъ, кажется, увлеченъ жестокостію судьбы своей, подобно кораблю, гонимому бурею; онъ шатается туда и сюда, какъ человѣкъ опьянѣлый; онъ колеблется подъ тяжестію собственныхъ намѣреній и внушеній другихъ; онъ противится своему собственному положенію; и отъ суевѣрнаго страха и ужасающаго недоумѣнія, въ которое повергаютъ его сообщенія съ сестрами – вѣщуньями, онъ спѣшитъ съ дерзновенною нетерпѣливостію удостовѣриться въ ихъ предвѣщаніяхъ и нечестивою и окровавленною рукою сорвать покрывало, скрывающее отъ него неизвѣстность будущаго. Онъ неравный соперникъ въ борьбѣ его съ судьбою и совѣстію. Онъ то *употребляетъ каждое вещественное орудіе для страшнаго подвига*, то

опять сердце его погружается въ сомнѣніе, и онъ устрашается и стыдится успѣха своего. «*Дѣла, столько же какъ и одни покушенія, смущаютъ его.*» Духъ его истерзанъ угрызеніями совѣсти и полонъ *сверхъестественными убѣжденіями*. Рѣчи его и бесѣды съ самимъ собою суть мрачныя загадки о человѣческой жизни, насмѣшливо ускользающія отъ рѣшенія и запутывающія его въ лабиринтѣ своемъ. Не довѣряя себѣ, онъ разсѣянъ и встревоженъ мыслями; онъ скоръ и отчаянъ въ поступкахъ. Сила его происходитъ отъ тоски и волненія души его. Слѣпое стремленіе его къ предметамъ его честолюбія и мщенія, или неожиданное отступленіе отъ нихъ, равно изобличаютъ томительное состояніе души его. Эта черта его характера прекрасно выставляется столкновеніемъ съ характеромъ леди Макбетъ, которой ожесточенная сила воли и мужеская твердость даютъ превосходство надъ колеблющеюся добродѣтелью мужа. Ухватясь однажды за случай, представившійся къ исполненію вожделѣннаго для нея и великаго подвига, она никогда не отступала ни на шагъ отъ цѣли своей до тѣхъ поръ, пока не достигла ея. Величіе намѣренія почти покрываетъ величіе вины ея. Она злая женщина, которую мы ненавидимъ, но которой мы болѣе боимся, нежели ненавидимъ ее. Она не возбуждаетъ отвращенія и ужаса нашего въ такой степени, какъ Регана и Гонерила. Она злодѣйствуетъ только для того, чтобы достичь великой цѣли — и, можетъ быть, отличается менѣе суровостью сердца и не-

достаткомъ природной нѣжности, нежели присутствіемъ повелительнаго духа и непреклонною волею, не допускающею ее уклоняться отъ дурнаго намѣренія, однажды принятаго, и прибѣгать къ слабому и приличному женщинѣ сожалѣнію. Впечатлѣніе, производимое гордою рѣшительностію ея на душу Макбета, хорошо выражено въ восклицаніи его:

«Раждай однихъ сыновъ! Твой безстрашный духъ долженъ производить только мужей!»

Сильно возбужденное честолюбіе ея округляетъ стальными ребрами *бока его замысла,* и она сама завлекается въ исполненіе своего гибельнаго намѣренія съ тою же непреклонною твердостію, которая при другихъ обстоятельствахъ вѣроятно была бы терпѣніемъ въ страданіяхъ. Обдуманное пожертвованіе всѣми другими видами достиженію *на будущіе дни и ночи верховнаго могущества и власти* умерщвленіемъ Дункана величественно выражается въ воззваніи ея въ ту минуту, когда она услышала о *его прибытіи въ замокъ ея.*

«Придите всѣ вы, духи-помощники смертныхъ мыслей, возмите отъ меня нѣжность пола моего; наполните всю отъ темени до подошвы ногъ лютѣйшею жестокостью; сгустите кровь мою; заступите доступъ и дорогу угрызеніямъ совѣсти, чтобы никакой укоризненный намекъ природы не поколебалъ моего свирѣпаго намѣренія, не сдружилъ дѣйствія его

съ ощущеніемъ своимъ. Посланники убійства, незримые по существу своему, гдѣ бы ни сторожили вы злодѣйства, слетитесь къ женской груди моей и замѣните въ ней молоко желчью! Приди, темная ночь! обвейся мрачнѣйшимъ дымомъ ада, чтобы острой ножъ мой не видѣлъ ранъ, имъ сдѣланныхъ, чтобы небо, проглядывая сквозь покрывало мрака, не возопило мнѣ: «остановись! остановись!»

При первомъ извѣстіи о томъ, что Дунканъ будетъ ночевать въ замкѣ ея, она такъ поражена этою новостью, превосходящею всѣ ожиданія ея, что отзвѣчаетъ вѣстнику: «*Ты не въ умѣ, что говоришь это!*» Получивъ письмо, въ которомъ мужъ разсказываетъ ей о предвѣщаніи вѣдьмъ, и зная непостоянство намѣреній его, и то, что присутствіе ея необходимо для побужденія его къ достиженію обѣщаннаго ему величія, она восклицаетъ:

«Спѣши сюда! я волью въ слухъ твой мое мужество; я доблестью слова моего уничтожу все, что отдаляетъ тебя отъ золотой короны, которою, кажется, уже вѣнчали тебя судьба и силы сверхъестественныя!

Эта напыщенная восторженность, эта необузданная пылкость предвкушенія, которая какъ-будто расширяетъ весь составъ и овладѣваетъ всѣми способностями ея, это вѣрное и ощутительное разложеніе страсти по тѣлу и крови, представляютъ разитель-

ную противоположность съ холодною, отвлеченною, рабскою злобою вѣдьмъ, которыя служатъ только орудіями къ увлеченію Макбета за судьбой его, изъ одной любви къ злу, изъ однаго безкорыстнаго стремленія къ наслажденію уродливостію и жестокостію. Онѣ вѣдьмы зла, постыдныя прислужницы нечестія, коварныя отъ своей неспособности къ наслажденію, страстныя къ разрушенію, потому-что онѣ сами невещественны; онѣ выкидыши, пользующіеся жизнію только вполовину, и достигающіе величія своимъ изъятіемъ отъ всѣхъ человѣческихъ сочувствій и своимъ презрѣніемъ ко всѣмъ человѣческимъ дѣламъ. Это же самое величіе дѣлается доступно для леди Макбетъ по одной силѣ страсти. Вина ея происходитъ, кажется, отъ преувеличенія твердаго правила своекорыстія и семейственнаго возвышенія, неподлежащаго обыкновеннымъ чувствамъ состраданія и справедливости, и бывшаго столь отличительною чертою варварскихъ народовъ и временъ. Однаго мимолетнаго размышленія о сходствѣ спящаго короля съ отцемъ ея достаточно было, чтобы удержать ее отъ умерщвленія Дункана собственною рукою.

Говоря о характерѣ леди Макбетъ, мы не должны умолчать о томъ, какъ въ Англіи г-жа Сиддонсъ исполняла эту роль. Нельзя вообразить себѣ ничего болѣе величественнаго. Въ ней видѣли что-то превышавшее природу. Казалось, будто существо высшаго рода спустилось съ выспренней сферы сво-

ей, чтобъ удивить міръ величіемъ своего явленія. Могущество покоилось на челѣ ея, страсть лилась изъ грудп: превосходная актриса была олицетворенною трагедіею. Съ наступленіемъ сцены, во время которой она ходитъ сонная, глаза ея были открыты, но чувство ихъ закрыто. Она была какъ-будто внѣ-себя; она не имѣла понятія о томъ, что дѣлала. Губы ея шевелились не по ея желанію — всѣ тѣлодвиженія были невольны и машинальны. Она скользила взадъ и впередъ по сценѣ, подобно привидѣнію. Видѣть ее въ этой роли значило присутствовать при событіи, незабвенномъ въ жизни каждаго.

О драматической красотѣ характера Дункана, возбуждающей уваженіе и состраданіе въ самыхъ убійцахъ его, уже много разъ говорено было. Она составляетъ особенную картину. Шекспиръ умѣлъ придавать изумительное дѣйствіе самому обыкновенному размышленію, что можно видѣть въ рѣчи Дункана, жалующагося на свое ошибочное мнѣніе о Танѣ Кавдорѣ въ минуту изъявленія безграничной довѣренности къ вѣрности и заслугамъ Макбета:

«Нѣтъ искуства узнать по лицу расположеніе души: я имѣлъ къ нему полную, совершенную довѣренноотъ. (Обращаясь къ Макбету). Достойный родственникъ! грѣхъ неблагодарности и теперь еще лежалъ тяжело на мнѣ и проч.

Другимъ доказательствомъ того, какъ Шекспиръ не упускаетъ изъ вида ничего, могущаго какимъ бы то ни было образомъ возвысить предметъ его, служитъ разговоръ Банко съ Флеансомъ за нѣсколько минутъ до умерщвленія Дункана.

Банко. Давно ли ночь, мой сынъ?

Флеансъ. Луна ужъ закатилась: я не слыхалъ часовъ.

Банко. Она заходитъ въ двѣнадцать.

Флеансъ. Я думаю теперь позже.

Банко. Возьми мою шпагу. Небо бережливо сегодня: ни одной свѣчки не видать на немъ! Тяжкая дремота лежитъ на мнѣ какъ свинецъ, а уснуть не хотѣлось бы. Милосердый Боже, удержи меня отъ злыхъ мыслей, такъ легко возбуждающихся во снѣ.

Такимъ же образомъ прекрасная идея слита съ сумерками, наступающими въ вечеръ убіенія Банко.

«Свѣтъ меркнетъ, и вороны летятъ въ обманчивый лѣсъ.»

* * *

«Теперь спѣшитъ къ ночлегу запоздалый путникъ.»

Макбетъ, вообще говоря, основанъ на сильнѣйшемъ и болѣе выдержанномъ правилѣ противоположности, нежели какая-нибудь другая изъ пьесъ Шекспира. Эта пьеса движется какъ-бы по краю бездны и представляетъ безпрестанную борьбу жизни съ смертію. Дѣйствіе отчаянно, а противодѣйствіе ужасно. Это смѣсь лютыхъ крайностей, смертный бой противоположныхъ природъ. Все здѣсь имѣетъ или жестокій конецъ, или жестокое начало. Тѣни и свѣтъ положены смѣлою рукою; переходы отъ торжества къ отчаянію, отъ высочайшей степени ужаса къ спокойствію смерти внезапны и разительны; каждая страсть вливается въ другую, противную ей, и мысли слетаются и сталкиваются одна съ другою, какъ будто окруженныя мракомъ. Вся пьеса — непокорный хаосъ странныхъ и запрещенныхъ вещей, гдѣ земля колышется подъ ногами. Геній Шекспира паритъ здѣсь полными взмахами крыльевъ, и носится по отдаленнѣйшимъ границамъ природы и страсти. Отъ этаго обстоятельства происходитъ крутость и сильныя противоположности слога, трудности въ выраженіи, особенно тамъ, гдѣ надобно обратить недостатки въ красоты. Напримѣръ: «*Я не видалъ никогда такаго прекраснаго и отвратительнаго дня.*» и проч. «*Такія пріятныя и непріятныя вѣсти.*» «*Кажись цвѣткомъ невиннымъ, но будь змѣей, скрывающейся подъ цвѣтами.*» Сцена передъ воротами замка слѣдуетъ за явленіемъ вѣдьмъ на вересковомъ полѣ, а послѣ нея совершается полуночное убійство. Дунканъ рано убитъ

соединенными силами измѣны и колдовства, а Макдуфъ былъ преждевременно вынутъ изъ чрева матери, чтобы отмстить его смерть. Макбетъ, послѣ убіенія Банко, въ странныхъ выраженіяхъ желаетъ его присутствія: «*Мы пьемъ за здоровье его и всѣхъ*»; а когда тѣнь его показывается, онъ кричитъ: «*Прочь съ глазъ моихъ!*» и *приходитъ въ себя*, когда она исчезаетъ. Макбетъ рѣшается избавиться отъ Макдуфа, чтобы «*имѣть возможность спать, не боясь грома*» и согласно замышляя умерщвленіе Банко, такъ ободряетъ жену свою: «*Веселись же; прежде-нежели летучая мышь понесется въ пустынный облетъ свой; прежде-нежели черепокожный жукъ на зовъ мрачной Гекаты прожужжитъ свою ночную пѣсню—свершится дѣло страшное!*» Въ словахъ леди Макбетъ: «*если бы онъ сонный не походилъ на отца моего, я сама бы кончила*» сливаются вмѣстѣ убійство и дочерняя любовь; а уговаривая мужа на убіеніе беззащитнаго короля, она мысленно не щадитъ крови ни младенчества, ни старости. Описаніе вѣдьмъ исполнено такихъ же противорѣчій: «*онѣ радуются, когда течетъ кровь добрыхъ королей; онѣ не отъ земли и не отъ воздуха, но соединяютъ въ себѣ эти оба вещества; онѣ должны быть женщинами, но по бородамъ не—женщины;* онѣ всѣми возможными средствами стараются возбудить въ высочайшей степени честолюбіе Макбета, только для того, чтобы обмануть его печальнѣйшими послѣдствіями, и показавъ ему всю пышность искуства своего, восхищаются его обманутыми ожиданіями и обнару-

живаютъ это восхищеніе горькою насмѣшкою: «*Что жъ ты стоишь такъ уныло, Макбетъ?*» Мы могли бы найти еще гораздо болѣе такихъ примѣровъ.

Главнѣйшія черты въ характерѣ Макбета довольно разительны, и составляютъ то, что сначала можно бы принять за смѣлый и грубый Готическій очеркъ. Сравнивая его съ другими характерами того же автора, нельзя не замѣтить совершенной истины и тождества, сохраняемыхъ имъ посреди самаго головоломнаго круженія и самаго быстраго теченія происшествій. Макбетъ Шекспира, во всѣхъ переворотахъ судьбы своей и во все бурное время страсти, не болѣе теряетъ тождества характера, сколько бы Макбетъ настоящій потерялъ тождества лица своего. Геній Шекспира проявлялся равно, какъ въ утонченностяхъ и художническихъ отличіяхъ, такъ и въ силѣ и разнообразіи характеровъ. Различіе въ тѣхъ характерахъ, которыхъ общія черты и очевидная наружность имѣли наиболѣе сходства, сохраняется съ такимъ же совершенствомъ, какъ и въ тѣхъ, которые наиболѣе противоположны одинъ другому. Замѣчено было очень справедливо, что ни одной изъ рѣчей его нельзя вложить въ уста другаго лица, кромѣ того, которому онъ далъ ее, и что такая перестановка—если бы можно было рѣшиться сдѣлать ее—всегда обнаружилась бы отъ какаго-нибудь обстоятельства, заключающагося въ самомъ переставленномъ мѣстѣ. Если *писать согласно съ природою* есть истин-

ное свойство гепія, то Шекспиръ обладаетъ этимъ качествомъ болѣе, нежели кто-либо изъ писателей. Его можно назвать сотрудникомъ природы и творцомъ собственнаго вымышленнаго міра, имѣющаго полный видъ и истину дѣйствительности. Умъ его, покоряя владычеству своему сильнѣйшіе порывы страсти, постигалъ во всемъ совершенствѣ самыя легкія побужденія и самые слабые оттѣнки характера и чувствъ. Великія отличія и главнѣйшія основанія человѣческой природы представлены не въ отвлеченныхъ, но въ непосредственныхъ и безконечныхъ примѣненіяхъ ихъ къ различнымъ лицамъ и вещамъ. Мѣстныя подробности, особенные случаи отличаются историческою вѣрностію, ни сколько не теряя своего общаго дѣйствія.

Поэзія и всѣ произведенія вымысла должны представлять намъ родъ посредствомъ лица. Иначе не было бы случая къ упражненію воображенія, безъ котораго описанія живописца и поэта безжизнены, несущественны, бездушны. Если нѣкоторые изъ новѣйшихъ критиковъ правы съ своими очищенными общими мѣстами и неопредѣленными отвлеченностями, то Шекспиръ кругомъ виноватъ. У Французскихъ драматиковъ представляется всегда только классъ, и никогда—лице: ихъ короли, герои и любовники всегда одни и тѣ же и всегда Французы, т. е. они ничто иное, какъ люди, которымъ даны рты, чтобы они реторически говорили о любимыхъ и обы-

кновенныхъ предметахъ нравственности и страстей. Лица Шекспира не декламируютъ какъ школьные педанты, но говорятъ и дѣйствуютъ какъ люди, поставленные въ обстоятельства невымышленныя, какъ люди съ настоящими, бьющимися въ груди ихъ сердцами изъ плоти и крови. Вы не найдете двухъ изъ его характеровъ, сходныхъ между собою болѣе, нежели сколько это можетъ быть въ природѣ. Тѣ, которые наиболѣе походятъ другъ на друга, различаются положительными отличіями, сопровождающими и измѣняющими главныя основанія характера на всемъ развѣтвленіи его, воплощающими привычки, тѣлодвиженія и почти самые взоры. Эти легкіе оттѣнки природы часто такъ многочисленны и такъ мелки, что нельзя полагать, чтобы поэтъ могъ внятно предвидѣть все дѣйствіе пружинъ, которыми воображеніе его было настроено къ работѣ: и не смотря на это, каждое послѣдствіе выведено съ такою истиною и ясностію, какъ будто бы все изученіе его обращено было на этотъ особенный очеркъ характера, или на эту второстепенную связь ощущеній.

Такимъ-образомъ Макбетъ и Ричардъ III, король Генрихъ VI и Ричардъ II—характеры, которые въ общемъ описаніи, и въ обыкновенныхъ рукахъ, и даже въ рукахъ всякаго другаго поэта, были бы просто повтореніями одной и той же общей идеи, болѣе или менѣе увеличенной — отличаются чертами столько же точными, хотя конечно не столь силь-

ными, какъ тѣ, которыя раздѣляютъ Макбета съ Генрихомъ V, или Ричарда III съ Ричардомъ II. Шекспиръ, съ удивительною вѣрностью и безъ малѣйшихъ усилій, разнообразитъ сходство въ слабоуміи и женоподобіи обоихъ сверженныхъ монарховъ. Еще болѣе сильными и искусными чертами означилъ онъ различные виды честолюбія и жестокости, дѣйствующіе на различныя расположенія въ различныхъ обстоятельствахъ, въ Макбетѣ и Ричардѣ III. Они оба тираны, похитители престола, убійцы, оба наслѣдственны и честолюбивы, оба мужественны, жестоки, вѣроломны. Но Ричардъ жестокъ отъ природы и сложенія своего. Макбетъ дѣлается такимъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Ричардъ отъ рожденія своего уродливъ тѣломъ и душой, и естественно неспособенъ къ добру. Макбетъ мягкосердеченъ, откровененъ, любитъ общество, великодушенъ. Онъ увлеченъ къ совершенію преступленія своего удобнымъ случаемъ, внушеніями жены своей, и пророческими предсказаніями. «*Судьба и силы сверхъестественныя* сговорились на погибель его добродѣтели и вѣрности. Напротивъ-того, для Ричарда, не нужно наустителей: онъ проходитъ цѣлый рядъ преступленій и достигаетъ цѣли своего честолюбія по внушенію неукротимой силы страстей своихъ и неугомонной любви къ злу. Онъ веселъ только тогда, когда предпринимаетъ какое-нибудь злодѣйство или успѣваетъ въ немъ; Макбетъ ужасается мысли убить Дункана; съ трудомъ могутъ склонить его на это, и

страшны мученія его по совершеніи преступленія. Ричардъ, въ составѣ своемъ, не имѣетъ никакой примѣси обыкновеннаго человѣколюбія, никакаго уваженія къ родству или потомству; онъ не признаетъ никакаго сотоварищества съ другими: *онъ одинъ съ собою.* Макбетъ не совсѣмъ лишенъ ощущеній сочувствія; онъ доступенъ жалости, даже нѣкоторымъ образомъ вводится въ обманъ своимъ женолюбіемъ: потерю друзей, потерю любви своихъ товарищей и подчиненныхъ, и потерю добраго имени своего онъ поставитъ въ числѣ причинъ, поселившихъ въ немъ отвращеніе къ жизни, и сожалѣетъ, что онъ похитилъ корону несправедливыми средствами, потому-что не можетъ передать ее своему потомству.

«Для дѣтей Банко погубилъ я душу свою; для нихъ я умертвилъ добраго Дункана, чтобы сдѣлать ихъ королями, дѣтей Банко — королями.»

Посреди волненія мыслей своихъ онъ завидуетъ тѣмъ, кого отправилъ на вѣчный покой. «Дунканъ въ могилѣ; послѣ причудливой лихорадки жизни онъ почиваетъ спокойно.» Это правда, онъ дѣлается жестокосердѣе, по мѣрѣ того, какъ глубже погружается въ преступленія. *Такимъ образомъ ужасъ роднится съ его убійственными мыслями,* и наконецъ онъ уже предупреждаетъ жену свою въ дерзости и кровожадности замысловъ, въ то самое время, какъ она, не имѣя равнаго побужденія къ дѣйствію, *встревожена мрачно-*

возстающими мыслями, ходитъ сонная, лишается разсудка, и наконецъ умираетъ. Макбетъ старается избѣжать размышленія о своихъ преступленіяхъ, отвергая ихъ послѣдствія, и заглушаетъ угрызенія совѣсти о прошедшихъ злодѣяніяхъ, занимаясь планами о будущихъ. Не таково основаніе жестокости Ричарда: она болѣе походитъ на хладнокровную злобу, на прихотливое коварство врага человѣческой природы, нежели на слабость этой природы. Макбетъ увлеченъ необходимостію къ злодѣйствамъ и мщенію; Ричардъ забавляется пролитіемъ крови. Есть еще и другія, важныя различія. Ричардъ человѣкъ принадлежащій свѣту, злодѣй низкій, коварный, ожесточенный, непомышляющій ни о чемъ болѣе, какъ о своихъ цѣляхъ и средствахъ къ достиженію ихъ. Съ Макбетомъ совсѣмъ иначе. Суевѣрныя понятія вѣка, грубое состояніе общества, мѣстные обычаи и сцены, все это придаетъ дикость и мечтательное величіе его характеру. Отъ странности происшествій, окружающихъ его, онъ полонъ изумленія и страха, и стоитъ въ сомнѣніи между міромъ существенности и міромъ фантазіи. Онъ видитъ незримое для глазъ смертнаго, и слышитъ не земную музыку. Все внутри и внѣ духа его безпорядокъ и волненіе; предпріятія его обращаются на него самаго, разрушаются и уничтожаются; онъ двойной рабъ страстей своихъ и несчастной судьбы своей. Онъ идетъ по краю пропасти, и голова его кружится на этомъ пути. Въ характерѣ Ричарда не выражается воображеніе или чувство патетическое

но одна чистая воля. Въ груди его нѣтъ столкновенія ощущеній противоположныхъ. Видѣнія преслѣдуютъ его только тогда, когда онъ спитъ; онъ не скиветъ во снѣ и не ходитъ сонный, какъ Макбетъ. Въ Макбетѣ ничего нѣтъ натянутаго или затвердѣлаго, ни напряженности фибръ, ни крѣпкой рѣшительности въ формѣ. Онъ конечно имѣетъ довольно силы и твердости души, но онъ также *подверженъ всѣмъ вліяніямъ небесныхъ свѣтилъ*. Онъ не увѣренъ ни въ чемъ. Все зависитъ отъ окончанія. Онъ вступаетъ въ бой съ счастьемъ, и приведенъ въ смущеніе сверхъестественными загадками.

Волненіе духа его походитъ на колебаніе моря въ бурю, или весь онъ походитъ на гордаго, буйнаго, и непокорнаго льва въ сѣтяхъ. Ричардъ, посреди мятежной дѣятельности своихъ замысловъ, никогда не теряетъ присутствія духа, и пользуется каждымъ обстоятельствомъ какъ орудіемъ къ исполненію своихъ намѣреній. Во время послѣдней крайности его мы можемъ только смотрѣть на него, какъ на пойманнаго дикаго звѣря, тогда-какъ участіе наше въ судьбѣ Макбета никакъ не можетъ совершенно истребиться, и онъ вызываетъ все наше сочувствіе къ себѣ этимъ прекраснымъ заключеніемъ задумчивой грусти:

«Жизнь моя все таже, что засохшій, пожелтѣлый листъ; и спутники старости—честь и друзья—не для меня! И вмѣсто нихъ не громкія, но тяжкія

проклятія и лесть, которую сердце желало бы отвергнуть, но не смѣетъ!»

Обыкновенный актеръ сыграетъ сносно роль Ричарда; ни одинъ не представитъ Макбета какъ должно, или не будетъ походить на человѣка, встрѣтившаго вѣщихъ-сестеръ. Всѣ актеры, которыхъ мы видѣли, казалось, встрѣчали ихъ на доскахъ Ковентъ-Гардена или Друри-Лена, а не на вересковомъ полѣ Фориса, и смотря на нихъ, нельзя было думать, чтобы они вѣрили тому, что видѣли. Вѣдьмы Макбета конечно смѣшны на новѣйшемъ театрѣ, но мы сомнѣваемся, чтобъ и фуріи Эсхила не показались такими же. Успѣхи образованности и общежитія имѣютъ вліяніе на театръ, и со временемъ, можетъ быть, уничтожатъ и трагедію и комедію. Мошенничество Фильча въ Beggars? орега уже не можетъ называться такою хорошею шуткою, какою было оно прежде; благодаря полиціи и философіи, убійства Лилло и духи Шекспира вскорѣ выйдутъ изъ употребленія. Однимъ словомъ, настанетъ время, когда ни на театрѣ, ни въ настоящей жизни не останется ничего ни добраго, ни худаго, ни пріятнаго, ни страшнаго. Лембъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ «Specimens of early dramatic poetry» очень хорошо отвѣчаетъ на споръ, возникшій объ оригинальности вѣдьмъ Шекспира.

«Хотя чары въ Макбетѣ походятъ нѣсколько на колдовства въ этой пьесѣ (The Witch of Middleton),

но это сходство повредитъ очень немного оригинальности Шекспира. Его вѣдьмы отличаются отъ вѣдьмъ Миддльтона существенными различіями. Послѣднія суть творенія, къ которымъ каждый и каждая, замышляя какое-нибудь зло, приходятъ за совѣтомъ. Первыя производятъ дѣла кровавыя, побуждаютъ людей ко злу, прежде-нежели люди сами вздумаютъ о немъ. Съ той минуты, какъ глаза ихъ въ первый разъ встрѣтились со взорами Макбета, онъ былъ околдованъ. Эта встрѣча рѣшила судьбу его. Никогда онъ не будетъ въ состояніи разрушить очарованіе. Тѣ вѣдьмы могутъ вредить тѣлу; эти имѣютъ власть и надъ душой. У Гекаты Миддльтона есть сынъ, низкой шутъ; вѣдьмы Шекспира не имѣютъ никакихъ дѣтей, и кажется, сами не происходятъ ни отъ какихъ родителей. Онѣ отвратительныя неправильности, о которыхъ мы не знаемъ ни того, откуда онѣ, ни того, есть ли у нихъ начало и конецъ. Не имѣя страстей человѣческихъ, онѣ, кажется, не имѣютъ и отношеній человѣческихъ. Онѣ являются съ громомъ и молніей и исчезаютъ съ воздушной музыкой. Вотъ все, что мы знаемъ о нихъ. Ни одна изъ нихъ, кромѣ Гекаты, не имѣетъ имени, и это возвышаетъ ихъ таинственность. Имена и нѣкоторыя изъ свойствъ, придаиныхъ Миддльтономъ своимъ вѣдьмамъ, заставляютъ улыбаться. Сестры-вѣщуньи далеки отъ смѣшка. Присутствіе ихъ несовмѣстно съ веселостію. Но въ меньшей степени и вѣдьмы Миддльтона превос-

ходныя созданія. Власть ихъ также, нѣкоторымъ образомъ, простирается и надъ духомъ человѣка. Онѣ возбуждаютъ споръ, ревность, ссоры, и облекаютъ имя *жизнь какъ толстымъ струпомъ.*

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Таблицы Учебныхъ Заведеній *всѣхъ вѣдомствъ Россійской Имперіи, съ показаніемъ отношенія числа учащихся къ числу жителей. Изданы по* ВЫСОЧАЙШЕМУ *повелѣнію отъ* министерства народнаго просвѣщенія. *Въ* 4; *стран. V и* 109. *Съ картою для показанія успѣховъ народнаго обученія въ Россіи.*

«Въ опроверженіе превратныхъ толковъ о степени просвѣщенія въ Россіи, выводимыхъ изъ однаго лишь числа учащихся по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, были собираемы, по Высочайшей волѣ, свѣдѣнія изъ всѣхъ вѣдомствъ о числѣ

учащихся въ 1834 году во ввѣренныхъ имъ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ. Эти свѣдѣнія представляются здѣсь въ четырехъ таблицахъ: 1. *По вѣдомствамъ;* 2. *По губерніямъ;* 3. *По вѣдомствамъ и губерніямъ,* или краткій сводъ обѣихъ предыдущихъ; 4. *По отношенію числа учащихся въ каждой губерніи къ числу жителей.*

«Изъ послѣдней таблицы оказывается, что при народонаселеніи Имперіи, которое, за исключеніемъ Царства-Польскаго и Великаго-Княжества Финляндскаго, простирается (по доставленному отъ министерства внутреннихъ-дѣлъ исчисленію) до 50,585,857, число учащихся въ учебныхъ заведѣніяхъ всѣхъ вѣдомствъ состоитъ изъ 244,993 человѣкъ, и содержится къ числу жителей, какъ 1: 210, слѣдовательно гораздо болѣе, нежели-какъ выводятъ иностранные статистики, основываясь на одномъ числѣ учащихся по министерству просвѣщенія (именно же 1: 700).

«Между-тѣмъ въ предлагаемыя здѣсь таблицы не могли еще по разнымъ причинамъ войти ни число дѣтей, обучающихся въ школахъ, заводимыхъ при церквахъ и монастыряхъ православныхъ, и въ сельскихъ школахъ Остзейскихъ губерній, ни число получающихъ образованіе въ домахъ родителей и родственниковъ, также учащихся грамотѣ и закону Божію у священноцерковнослужителей, наконецъ не

ошли сюда и 3668 Еврейскихъ школъ и 398 Магоме-анскихъ медресовъ, показанныхъ въ отчетѣ министер-ства внутреннихъ-дѣлъ, но безъ означенія числа уча-щихся, которое еще не приведено въ извѣстность.

«Съ другой стороны должно разсудить, что сте-пень народнаго просвѣщенія опредѣляется не однимъ числомъ обучающагося юношества, но вообще числомъ людей грамотныхъ всякаго возраста; у насъ же въ Россіи нынѣ всѣ безъ изъятія духовные, дворяне и купцы, также большая часть мѣщанъ и нѣкоторая часть другихъ состояній должны посправедливости быть отнесены къ числу грамотныхъ. Такимъ обра-зомъ, будутъ къ нему принадлежать, по оффиціальнымъ извѣстіямъ за 1836 годъ, обоего пола: 1) *духовнаго* состоянія, православнаго исповѣданія, 503,805; не-Христіанскихъ, 14,071; 2) *дворянъ*, наслѣдственныхъ, 538,160; 3) *дворянъ личныхъ* и *оберъ-офицерскихъ дѣ-тей* 153,195; 4) изъ *приказнослужителей*, *разночин-цевъ и отставныхъ солдатъ* (которыхъ считается все-го 424,490) полагая примѣрно 50,000; 5) изъ *регу-лярнаго военнаго поселенія*, всѣхъ *казачьихъ войскъ* и проч. (которыхъ 1,932,165) полагая также примѣрно 400,000; 6) *купцевъ* и *почетныхъ гражданъ* 252,061; 7) изъ *мѣщанъ* и *цѣховыхъ* (которыхъ всего 2,773,416) полагая до 1,500,000; 8) *гражданъ западныхъ губер-ній* 14,491; 9) *Нѣжинскихъ Грековъ, Тульскихъ ору-жейниковъ, учениковъ при аптекахъ* и проч., *город-скихъ маклеровъ, состоящихъ въ службѣ городской* и

городскихъ мызъ въ Эстляндской г. 21,822; 10) изъ *крестьянъ удѣльныхъ, государственныхъ* и *помѣщичьихъ* (которыхъ всего 44,826,588) полагая по крайней мѣрѣ до 1,000,000. За-тѣмъ получится примѣрный итогъ *грамотныхъ людей въ Россіи* 4,167,995. Сіе число содержится къ числу всего населенія, какъ 1: 12.

«Но если ограничиться общимъ числомъ учащихся, которое обыкновенно считаютъ мѣриломъ просвѣщенія въ каждомъ государствѣ; то и оно уже по всѣмъ указаннымъ здѣсь соображеніямъ едва ли не превзойдетъ въ-четверо учащихся въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ-что будетъ относиться къ числу жителей, какъ 1: 50. Принимая же въ уваженіе, что послѣ 1834 года учебныя заведенія, въ особенности начальныя, значительно умножились, а число пользующихся общественнымъ образованіемъ возросло до такой степени, что надлежало раздѣлить низшіе классы почти всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній на отдѣленія, можно, кажется, безошибочно заключить, что нынѣ *число учащихся въ Россіи содержится къ народонаселенію, какъ* 1: 45.

«Впрочемъ, желая соблюсти возможную точность, чуждую всякихъ, даже и не подлежащихъ сомнѣнію предположеній, министерство народнаго просвѣщенія, при составленіи общей *карты успѣховъ народнаго обученія въ Россіи за* 1835 *годъ*, руководствовалось одними только оффиціально имъ собранными и

ъ предлагаемой книжкѣ помѣщенными извѣстіями. Въ сей картѣ сравнительное состояніе успѣховъ въ разныхъ губерніяхъ выражено постепенностію тѣней и сверхъ того означено цифрами. Ежели кому покажется страннымъ, что область Омская и губерніи Астраханская, Иркутская и т. п. первенствуютъ здѣсь впередъ многими такими, которыя по общему всѣхъ мнѣнію должны быть гораздо просвѣщеннѣе ихъ; то пусть вспомнятъ, что эта область и поименованныя съ нею губерніи принадлежатъ къ числу самыхъ малолюдныхъ, и что результатъ успѣховъ народнаго обученія въ каждой губерніи основывается не на числѣ находящихся въ ней учебныхъ заведеній и учащихся, а на содержаніи числа учащихся въ каждой губерніи къ числу ея жителей. Нужно еще присовокупить, что на сей картѣ каждая губернія покрывалась приличною ей тѣнью вся, не отличая мѣстъ обитаемыхъ отъ безлюдныхъ: такъ, на примѣръ, губернія Иркутская вся покрыта одною тѣнью; само же собою разумѣется, что въ большей ея части нѣтъ ни училищъ, ни учащихся. Скажемъ наконецъ, что обѣ наши столицы разсматривались отдѣльно отъ своихъ губерній и изображены на картѣ особо, какъ двѣ самыя свѣтлыя точки въ Имперіи; за ними должны слѣдовать тѣ изъ городовъ, въ которыхъ находятся университеты, академіи, лицеи и т. д.»

По этому изложенію видно, какими драгоцѣнными матеріалами еще обогатило статистику Россіи

министерство народнаго просвѣщенія. Его неутомимой дѣятельности мы обязаны новыми свѣдѣніями, которыхъ поучительные и любопытнѣйшіе выводы неисчислимы. Статистика образованія Имперіи, доведенная до этой отчетливости, разрѣшаетъ всѣ важнѣйшія задачи, какія бы ни предложилъ себѣ любознательный умъ государственнаго человѣка. Въ неизмѣримо-обширномъ отечествѣ нашемъ—гдѣ столько нетронутыхъ средствъ къ раскрытію новыхъ источниковъ силы и благосостоянія народнаго, гдѣ, слѣдовательно, такъ важно точное показаніе готовыхъ и способныхъ дѣйствователей — въ этомъ государствѣ изъ каждыхъ *двѣнадцати человѣкъ одинъ* можетъ быть отчисленъ, какъ обладающій первою принадлежностію, необходимымъ условіемъ умственной работы. Въ собственномъ вѣдѣніи Правительства, по его предначертаніямъ, подъ непосредственнымъ его надзоромъ, образуется 245,351 человѣкъ. Для удобнѣйшаго и вѣрнѣйшаго достиженія разныхъ цѣлей, администрація этой обширной государственной части распредѣлена между *шестнадцатью вѣдомствами*. Руководимыя въ главныхъ основаніяхъ одною мыслію и волею, въ тоже время они вносятъ въ свои сферы необходимые оттѣнки умственной дѣятельности, сообразно будущему назначенію ввѣряемаго имъ юношества. Духовныя училища, древнѣйшій разсадникъ образованности въ Россіи, вмѣщаютъ въ себѣ 57,372 челов. Между свѣтскими вѣдомствами первое мѣсто принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія, какъ по много-

численности образующихся въ его училищахъ, такъ еще болѣе потому, что оно одно завѣдываетъ педагогическими институтами; слѣдовательно одно оно прямо и безпрерывно дѣйствуетъ на успѣхи просвѣщенія всего государства. Въ его заведеніяхъ находится 76,883 челов. Въ вѣдомствѣ военнаго министерства образуется 52,536. И–такъ военно-учебныя заведенія, въ наше время столь благотворно преобразованныя и процвѣтающія, числомъ воспитывающихся почти сравнялись съ заведеніями духовнаго вѣдомства. Министерство внутреннихъ-дѣлъ, завѣдывая управленіемъ колонистовъ и иностранныхъ исповѣданій, равномѣрно дѣйствуетъ на одну изъ обширнѣйшихъ частей образующагося юношества. Въ его вѣдѣніи состоитъ 39,715 челов. Общественному воспитанію женскаго пола въ Россіи предоставлено преимущество, которымъ справедливо гордятся соотечественницы наши. Учебныя заведенія для дѣвицъ почти всѣ имѣютъ счастіе находиться въ непосредственномъ вѣдѣніи Государыни Императрицы. Число воспитывающихся подъ Высокимъ управленіемъ Ея Величества простирается до 6,327. Не менѣе любопытны указанія на тѣ мѣста имперіи, гдѣ отношеніе числа учащихся или слишкомъ выгодно, или еще несоразмѣрно съ числомъ жителей. Въ Санктпетербургѣ это отношеніе 1: 19; въ Москвѣ 1: 35; въ Омской области 1: 38; въ Саратовской г. 1: 60; въ Херсонской 1: 61; въ Астраханской 1: 87; въ Таврической 1: 93. Разительная противоположность въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ

Подольской 1: 631; въ Закавказ. обл. 1: 610; въ Кавказской г. 1: 538; въ Вятской 1: 538; въ Волынской 1: 515; въ Полтавской 1: 509. Послѣ всѣхъ такаго рода исчисленій можно пожелать развѣ однаго: чтобы, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ находятся университеты, лицеи и академіи, опредѣлено было отношеніе числа учащихся къ числу жителей въ тѣхъ городахъ, гдѣ оно по чему-нибудь слишкомъ замѣчательно.

❋

2. Матеріалы для статистики Россійской Имперіи, *издаваемые, съ* ВЫСОЧАЙШАГО *соизволенія, при* статистическомъ отдѣленіи совѣта министерства внутреннихъ-дѣлъ. *Въ* 8; *стран.* *V*, 150, 189 275 *и* 44. *Съ таблицами.*

«Матеріалы для статистики Россійской Имперіи, издаваемые, съ Высочайшаго соизволенія, при статистическомъ отдѣленіи совѣта министерства внутреннихъ-дѣлъ, будутъ выходить въ неопредѣленное время отдѣльными томами. Въ нихъ предположено помѣщать: 1) краткія извлеченія изъ отчетовъ мѣстныхъ начальствъ и замѣчательныя свѣдѣнія, доставляемыя губернскими статистическими комитетами; 2) труды членовъ-корреспондентовъ и чиновниковъ самаго отдѣленія.

«Матеріалы для статистики Россійской Имперіи будутъ размѣщены въ четырехъ отдѣленіяхъ.

«Первое займутъ статьи, относящіяся къ Россіи ...ъ ея нераздѣльной цѣлости. Таковы общія замѣчанія ...а производительныя силы природы и образователь...ные труды человѣка — какъ слѣдствіе подробнаго и ...основательнаго знанія отечественныхъ богатствъ и оте...чественной промышленности; общія черты народнаго ...характера—какъ факты, взятые изъ достовѣрныхъ дан...ныхъ нравственной статистики; общіе законы смерт...ности и народонаселенія—какъ выводъ изъ долголѣт...нихъ и многочисленныхъ наблюденій надъ среднею ...жизнію, числомъ раждающихся и умирающихъ; об...щіе взгляды на важнѣйшія отрасли государственнаго ...управленія, на цѣлые края, цѣлые народы, цѣлыя ...сословія — какъ плодъ тщательнаго изученія каж...даго изъ нихъ въ его исторіи, законахъ, постепен...номъ развитіи, совершенствованіи, или упадкѣ.

«Во второе отдѣленіе войдутъ подробныя статис...тическія описанія, или краткія статистическія обо...зрѣнія губерній, областей, уѣздовъ, градоначальствъ, ...по мѣрѣ возможности съ картами и таблицами.

«Третіе отдѣленіе наполнятъ свѣдѣнія объ оте...чественныхъ городахъ (столичныхъ, губернскихъ, ...уѣздныхъ, заштатныхъ); также описанія въ какомъ...нибо отношеніи замѣчательныхъ посадовъ, мѣстечекъ, ...станицъ, селъ и деревень. Къ нимъ, если позволятъ ...средства, будутъ приложены планы и виды.

«Четвертое отдѣленіе назначено для матеріаловъ, которые, по роду своему, не вошли въ составъ трехъ первыхъ отдѣленій. Таковы: сужденія людей знающихъ объ удобствахъ или недостаточности мѣстныхъ водяныхъ сообщеній и сухопутныхъ дорогъ; описанія разныхъ малочисленныхъ племенъ и народовъ, ихъ промысловъ, нравовъ, обычаевъ, пищи и одежды; отрывки изъ дневныхъ записокъ и путешествій по Россіи; обороты многочисленныхъ ярмонокъ, значительныхъ фабрикъ и заводовъ; отдѣльныя замѣчанія по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности городской и сельской; привозъ и вывозъ за границу разныхъ товаровъ въ разныя времена; народное продовольствіе; хлѣбные и другіе запасы; наблюденія надъ воздушными явленіями, климатомъ, температурой и почвою земли, вскрытіемъ и замерзаніемъ главнѣйшихъ рѣкъ, болѣзнями, скотскими падежами и проч. и проч.

«Заимствуя свои данныя изъ источниковъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ и доступныхъ, болѣе или менѣе обильныхъ и достовѣрныхъ, статистическое отдѣленіе не должно и не можетъ ручаться за равную точность свѣдѣній, которыя по-сему ни въ какомъ отношеніи не выдаются за полный, доверш шенный трудъ, а названы только *матеріалами* т. е. пособіемъ для будущихъ, окончательныхъ трудовъ. Не смотря на то, статистическое отдѣленіе постоянно будетъ стараться достигнуть истины, или какъ мож

ю ближе подойти къ ней, обнаруживая сомнѣнія
вои въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ молчаніе походило бы
а легковѣріе, отмѣчая показанія, по новости или
странности требующія подтвержденія, сличая проти-
ворѣчащія мнѣнія, выставляя варіанты и т. д. Всѣ
числа, всѣ факты остаются въ томъ видѣ, въ какомъ
они сообщены сотрудниками, имена которыхъ будутъ
выставлены подъ каждою статьею. Но въ порядкѣ,
расположеніи и слогѣ статей отдѣленіе не желаетъ
уклоняться отъ собственной системы и единожды
принятыхъ правилъ. По-сему оно предоставляетъ себѣ
право дѣлать сокращенія и измѣненія, необходимыя
для того, чтобы, при всемъ разнообразіи трудовъ,
сохранено было единство цѣли и направленія »

Представивъ здѣсь въ подлинникѣ большую часть
вступленія въ эту книгу, мы желали обстоятельнѣе
познакомить читателей нашихъ съ такимъ явленіемъ
въ Русской литературѣ, которое въ высшей степени
любопытно. Это начало драгоцѣнныхъ, общеполез-
ныхъ плодовъ нынѣшняго образованія статистическа-
го отдѣленія. Оно прекрасно приступило къ разработ-
кѣ обширнаго и еще въ немногихъ мѣстахъ тронута-
го рудника. Столь удачное начало радуетъ особенно
тѣми надеждами, которыя теперь несомнѣнны. Въ
изданной книгѣ находится двадцать двѣ статьи. Изъ
нихъ четыре въ первомъ отдѣленіи, пять во второмъ,
три въ третьемъ и десять въ четвертомъ. Каждая изъ
нихъ, въ отношеніи къ своей цѣли, достойна полнаго

вниманія, потому-что рѣшитъ множество вопросовъ, которые занимательны и для государственнаго и для частнаго человѣка. Но справедливость требуетъ замѣтить, что во множествѣ историческихъ и статистическихъ матеріаловъ не являлось еще на Русскомъ языкѣ ничего столь отчетисто, столь ново и столь удовлетворительно изложеннаго, какъ помѣщенная здѣсь статья г. Арсеньева: *Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII столѣтія.* Также большой исполнена занимательности статья г. Глаголева, подъ названіемъ: «*Краткое обозрѣніе древнихъ Русскихъ зданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ.*» Нельзя не пожелать, чтобы авторъ со-временемъ обработалъ этотъ предметъ во всей его цѣлости и расположилъ по какой-нибудь системѣ. Равнымъ-образомъ драгоцѣнны будутъ указанія на всѣ источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои матеріалы.

3. *Статистическое описаніе* Саратовской губерніи, *составленное* Андреемъ Леопольдовымъ. *Двѣ части. Въ* 8; *стран:* 90 *и* 143.

Первая часть содержитъ четыре отдѣленія: 1. О землѣ, 2. О жителяхъ, 3. О промышленности и 4. Объ управленіи. Во второй частныя описанія каждаго изъ уѣздовъ Саратовской губерніи во всѣхъ отношеніяхъ. Уже нѣсколько разъ имѣли мы случай говорить, какую пользу приносятъ подобныя сочиненія, если они не составляютъ безплодныхъ и скучныхъ

компиляцій. Трудъ г. Леопольдова основанъ на оффиціальныхъ показаніяхъ и собственномъ его изученіи предметовъ. Авторъ организовалъ его соотвѣтственно потребностямъ нашего времени и состоянію науки.

4. *Описаніе* Санктпетербурга *и* уѣздныхъ городовъ *Санктпетербургской губерніи.* Ивана Пушкарева. *Съ виньеткою и планомъ Санктпетербурга, исправленнымъ въ комитетѣ гидравлическихъ работъ и городскихъ строеній. Въ* 8, *стран: II,* 505 *и* 51.

Сочинитель предполагаетъ составить со-временемъ описаніе всѣхъ городовъ въ Россіи. Издавъ первой томъ сочиненія, которое предназначено для С. Петербургской губерніи и уѣздныхъ ея городовъ, онъ помѣстилъ въ немъ краткое начертаніе исторіи и топографіи столицы съ указаніемъ на ея достопамятности. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія трудовъ его, потому-что начало составлено прекрасно. Можно сказать, что мы живемъ въ эпоху пробужденія утѣшительной дѣятельности. Всѣ изысканія трудолюбивыхъ людей по большой части сдѣлались спеціальными. Вотъ еще двѣ книги подобнаго содержанія:

5. *Указатель* дорогъ отъ Кремля Московскаго *къ заставамъ и къ границамъ Московскаго уѣзда, съ присовокупленіемъ замѣчаній о рѣкахъ, го-*

рахъ и древнемъ дѣленіи уѣзда Московскаго на волости и станы, также предполагаемомъ нынѣ соединеніи Москвы-рѣки съ Волгою, и проч. Сочиненіе П. Хавскаго. *Въ* 8; *стран.* XI и 79.

6. Почтовая книжка *для жителей Москвы.* Въ 8; стран. 31.

7. Несторъ. *Историческо-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ лѣтописей.* М. Погодина, *профессора Русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Въ* 8; *стран.* 249.

Въ нашу эпоху историческаго скептицизма г. Погодинъ ревностно отстаиваетъ подлинность древнѣйшаго лѣтописца. По этому случаю, въ разное время, написано и напечатано нѣсколько отдѣльныхъ статей профессоромъ. Онъ теперь совокупилъ ихъ и, прибавивъ три новыя, издалъ подъ именемъ *Нестора*. Его статьи, нигдѣ еще ненапечатанныя до появленія разсматриваемой нами книги, называются: 1) Обозрѣніе Несторовой лѣтописи по источникамъ; 2) Сказки въ Несторовой лѣтописи; 3) Достовѣрность извѣстій Несторовыхъ. Нельзя не поблагодарить автора, что онъ такъ ревностно и такъ убѣдительно защищаетъ отечественные памятники словесности отъ покушеній на ихъ подлинность, ни на чемъ не основанныхъ, кро

ѣ безотчетнаго подражанія иностраннымъ писате-
ямъ.

8. Преобразованіе Россіи Петромъ Вели-
кимъ. *Сочиненіе члена мануфактурнаго совѣ-
та, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества
сельскаго хозяйства, и члена-корреспондента
статистическаго отдѣленія совѣта министерства
Внутреннихъ дѣлъ,* Николая Розанова, *издателя
на Русскомъ языкѣ «Сравнительной статистики
Франціи» барона Дюпена. Въ* 12; *стран:* 132
и VI.

Авторъ предположилъ въ сочиненіи своемъ пред-
тавить очеркъ существенныхъ измѣненій, произве-
енныхъ въ Россіи Петромъ Великимъ. Книга
оликова и долголѣтнія собственныя изслѣдованія
очинителя служили основаніемъ его труду. По-этому
го сочиненіе представляетъ съ одной стороны повто-
еніе уже нѣсколько разъ сказаннаго, съ другой мно-
ество любопытныхъ замѣчаній, доказывающихъ его
кивое участіе въ томъ дѣлѣ, которымъ онъ занимал-
я. Но по изложенію книги можно замѣтить, что въ
тдѣлкѣ сочиненія онъ не пріобрѣлъ того навыка и
астерства, безъ которыхъ пишется съ видимымъ за-
рудненіемъ.

9. Медаліоны въ память военныхъ событій
1812, 13, 14 и 15 годовъ, *изобрѣтенные* гра-

фомъ Ѳ. Толстымъ, *выгравированные на стали по способу Бета, П. Мещовымъ. Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія изданы археографическою коммиссіею. Въ 4; V и 42 стран.*

Графъ Ѳ. П. Толстой, Вице-Президентъ Академіи Художествъ, одинъ изъ числа тѣхъ художниковъ, которыми отечество можетъ гордиться, аллегорически представилъ на медаляхъ важнѣйшія событія эпохи незабвенной для Россіи и всей Европы. Изобрѣтеніе медалей, совершенство отдѣлки и чудная поэзія въ каждой картинѣ доставили его произведенію такой успѣхъ, что о немъ съ восторгомъ говорили самые иностранцы, которымъ удалось пріобрѣсти слѣпки. Въ нихъ превосходно олицетворилась исторія дѣлъ великихъ и славныхъ. Медали выгравированы нынѣ по способу, который за десять лѣтъ передъ симъ изобрѣтенъ въ Америкѣ Колласомъ и усовершенствованъ въ Англіи Бетомъ. Оттиски представляютъ съ удивительною вѣрностію всѣ оттѣнки углубленія и выпуклости медалей. Ихъ числомъ двадцать. При каждой приложено описаніе совершенно удовлетворительное.

10. Убіеніе Царевича Димитрія. *Историческое сказаніе. Въ 12; 43 стран.*

11. *Появленіе въ Россіи перваго, ужаснаго самозванца Димитрія,* Григорія Отрепьева, *и его низ*

верженіе. Историческое сказаніе. Соч. И. Г—ва. *Въ* 12; *стран.* 48.

Брошюры безъ всякаго достоинства.

§ 12. *Описаніе* астрономической обсерваторіи *ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго университета. Профессора* И. Симонова. *Въ* 8; 24 *стран. съ рисунками.*

Извѣстія о щедротахъ Монарха на возвышеніе успѣховъ науки и о дѣйствователяхъ на самомъ поприщѣ составляютъ прекрасный запасъ будущей исторіи нашего просвѣщенія. Г. Симоновъ, снискавшій всеобщую извѣстность трудами своими по части астрономіи, оказалъ еще новую услугу учености, сообщивъ намъ исторію знаменитой нынѣ Казанской обсерваторіи.

*

13 Путешествіе *чрезъ южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ, въ* 1836 *и* 37 *годахъ.* Н. С. Всеволожскаго. *Два тома. Въ* 8; *стран.:* 495 *и IV;* 520 *и IV.*

14. Путевыя Записки, *веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Ма-*

лой Азіи и Турціи въ 1835 *году*, Владиміромъ Да- выдовымъ. *Часть I. Въ* 8; 315 *и X стран. Съ* 23 *гравированными и литографированными эстам- пами, въ – листъ.*

15. *Обозрѣніе* Малой Азіи, *въ нынѣшнемъ ея состо- яніи, составлена Русскимъ путешественникомъ* М. В. *Часть I. Въ* 4; *стран.: XVII и* 286.

Три сочиненія, изъ числа самыхъ любопытныхъ самыхъ замѣчательныхъ, какія только вышли на Рус скомъ языкѣ въ нынѣшнемъ году. Они отчасти сбли жаются между собою предметами описанія; но первы изъ путешественниковъ нашихъ совершилъ кругъ не сравненно болѣе, нежели третій и даже второй. Ест впрочемъ много различія въ этихъ путешествіяхъ, ко гда ихъ разсматривать какъ явленіе литературы. П Всеволожскій, въ своихъ разсказахъ, то добродушно шутливыхъ, то наблюдательно-ученыхъ, занимателенъ какъ знатокъ древне-классической литературы и какъ опытный человѣкъ, который по-видимому болѣе по вѣряетъ свои знанія, нежели отдаетъ впечатлѣніямъ Онъ много читалъ, постоянно и долго наблюдалъ по литическіе перевороты; онъ знакомъ съ древностями изъ историковъ и путешественниковъ прежнихъ: удивительно, что въ его взглядѣ на предметы ест что-то уже утвердившееся, что-то общее между учи нымп людьми. Между-тѣмъ онъ на все наводитъ осо бенныя краски своимъ незаимствованнымъ языкомъ

простымъ, выразительнымъ, часто до небрежности оригинальнымъ. Въ наше время могутъ назвать этотъ языкъ анахронизмомъ; но онъ тѣмъ и нравится, что составляетъ особенность въ современной литературѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ автору надобно было дополнить ученыя свѣдѣнія свои новыми заключеніями, онъ еще дѣлается занимательнѣе, потому-что судитъ независимѣе. Г. Давыдовъ путешествовалъ какъ любознательный изыскатель, сопровождаемый антикваріемъ и художниками, въ числѣ которыхъ находился знаменитый нашъ Брюловъ. Для путешественника, съ такими пособіями знаній и талантовъ, все обращается въ богатое поле изслѣдованій, съ котораго онъ собираетъ сокровища для исторіи, статистики, географіи, политики и изящныхъ искуствъ. Избытокъ матеріаловъ, своеобразіе наблюденій и новость выводовъ изумляютъ читателя. Авторъ видимо стѣсненъ обиліемъ предметовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ особенныхъ отмѣтокъ. Не удивительно, что мелочная обработка книги исчезла передъ массивнымъ движеніемъ вещей. Художественно-ученыя предпріятія такаго рода, надлежащимъ образомъ приведены будучи въ исполненіе, представляютъ эпохи. Они освѣжаютъ дѣятельность умовъ и долго содѣйствуютъ послѣдующіе труды на томъ же поприщѣ. Изысканія третьяго изъ путешественниковъ нашихъ обращены были на одну Малую Азію. Его трудъ специальный. За-то и отличается онъ окончательною

обработкою всего, до чего прикоснулся авторъ. Не воспоминанія, не догадки, не отчетъ впечатлѣній представляетъ вамъ книга, но всѣ, что въ настоящую эпоху должно занять вниманіе путешественника съ требованіями положительными. Изданная теперь часть заключаетъ въ себѣ общій очеркъ мѣстности и гражданственности страны.

*

16. Собраніе нѣсколькихъ словъ, *говоренныхъ Санктпетербургской духовной академіи экстраординарнымъ профессоромъ, архимандритомъ* Климентомъ. *Въ* 8; 156 *стран.*

Прочитавъ эту книгу, образецъ краснорѣчія простаго и вмѣстѣ увлекательнаго, мы невольно пожалѣли, что авторъ не издалъ всѣхъ проповѣдей своихъ, произнесенныхъ имъ на разные случаи. Здѣсь только тринадцать Словъ. Они всѣ проникнуты теплымъ чувствомъ религіи, нравственности и истины.

*

17. Объ изяществѣ *въ древнемъ и новомъ мірѣ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго Лицея,* 20 *Іюня* 1838 *года, магистромъ* К. Зеленецкимъ. *Въ* 4; 18 *стран.*

Изящество Древнихъ, по мнѣнію автора, состояло преимущественно въ идеальномъ, а Новѣйшихъ состоитъ въ истинѣ. Это мнѣніе правдоподобно, но можетъ быть оспориваемо. Во всѣ времена истинно-геніальные писатели и художники вездѣ были вѣрны природѣ, то есть, истинѣ. То, что кажется въ нихъ идеальнымъ, естественно происходитъ отъ границъ искуства, которое сообщаетъ созданію своему только моментальную жизнь. Прочія особенности произведеній были слѣдствіемъ различія обстоятельствъ жизни, въ которыхъ дѣйствовали художники и писатели. Но люди, принимавшіеся за искуство безъ истиннаго призванія, вдавались всегда въ ошибочное направленіе, то несогласное съ природою, то ей противорѣчившее — и оправдывали свои отступленія соблазнительнымъ эпитетомъ *идеала*.

*

18. Новогодникъ. *Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ современныхъ Русскихъ писателей. Изданный* Н. Кукольникомъ *Въ* 8; *стран:* 421 *и* II.

Издатель, получивъ отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей по одной пьесѣ, отъ другихъ по двѣ, а отъ иныхъ и болѣе, соединилъ ихъ съ своими также нѣсколькими пьесами и напечаталъ подъ названіемъ *Новогодника*. Мы уже имѣли случай замѣтить, что

подобныхъ изданій нельзя признавать книгами.* Еще менѣе возможности составить и произнести одно мнѣніе о такомъ собраніи. Тутъ есть и хорошее и дурное, а болѣе посредственнаго, какъ всегда бываетъ въ собраніяхъ. Несравненно болѣе было бы пользы для нашей литературы, если бы г. Кукольникъ началъ издавать отдѣльное собраніе собственныхъ своихъ сочиненій—этихъ замѣчательныхъ шаговъ мысли къ фантазіи.

*

19. *О жизни и трудахъ Іеромонаха Аникиты, въ мірѣ* князя Сергія Александровича Шихматова. *Въ* 8; 56 *стран.*

Подробности о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни, находящіяся въ біографіи отца Аникиты, воина поэта и инока, дополняютъ то высокое мнѣніе, которое давно утвердилось между всѣми чтителями его таланта и добродѣтелей. Разсказъ умилительный, какъ самая жизнь праведника.

*

20. Кремневъ, *Русскій солдатъ. Оригинальное драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ.*

* Т. XIV Современ., 29 стран. *первой нумераціи.*

Соч. Русскаго инвалида И. Скобелева. *Въ* 8; 93 *стран.*

Если бы всѣ Русскіе драматическіе писатели, подобно автору Кремнева, такъ сильно были проникнуты національнымъ чувствомъ, такъ близко были знакомы съ нашею народной жизнію, и такъ мѣтко умѣли бы владѣть Русскою рѣчью; безъ сомнѣнія давно бы нашъ театръ благотворно дѣйствовалъ на образованіе нравовъ, на вдохновеніе патріотическаго единодушія, на совершенствованіе самаго драматическаго искуства и даже языка. Мы знаемъ, что никогда на Русской сценѣ не переводились пьесы заимствованныя изъ нашей жизни. Но въ нихъ часто, кромѣ названій и костюмовъ, ничего не было истинно-Русскаго.

Въ продолженіе второй четверти нынѣшняго года вышло нѣсколько стихотвореній отдѣльными книжками. *Нѣкоторыя* изъ нихъ замѣчательны какъ произведенія развивающихся талантовъ съ образованнымъ вкусомъ. Сюда относятся:

21. Борисъ Ульинъ, *повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе* Александра Карамзина. *Въ* 8; *стран. VIII и* 83.

22. Элоа, *Индійская легенда. Стихотвореніе* А. О. *Въ* 12; 45 *страни.*

23. Мысль о безсмертіи. *Соч.* Сергѣя Мысовскаго-Свѣтогорскаго. Въ 8; 15 стран.

24. Ау! *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ* 8; 115 *стран.*

Другія (впрочемъ въ этомъ разрядѣ мы только ни встрѣтили одно стихотвореніе), свидѣтельствуя о талантѣ, носятъ на себѣ слѣды страннаго безвкусія. Вотъ оно:

25. Аграфенапда. *Комикоэпическая поэма въ двухъ пѣсняхъ. Сочиненіе П—Н. В—В. Въ* 12; 43 *стран.*

Наконецъ *третьи* ничего не выражаютъ собою, кромѣ отсутствія и таланта и вкуса. Ихъ заглавія:

26. Красное яичко, *или свѣтлодневный подарокъ Москвичамъ.* І. Д. Въ 32; 56 стран.

27. Стихотворенія Карманова. *Въ* 12; 36 *стран.*

*

28. Мужъ-эгоистъ, Н. Невѣрина. *Двѣ части. Въ* 12; *стран:* 168 *и* 182.

Какъ въ исторіи отражается политическій бытъ какаго-нибудь народа; такъ въ романѣ (исторіи нра-

овъ и семейныхъ сценъ) долженъ отражаться част-
ный, домашній бытъ людей избранной авторомъ эпо-
ки. Черты самыя рѣзкія, господствующія въ нравахъ,
составляютъ собственную принадлежность, законное
достояніе писателей и художниковъ. Въ разсматри-
ваемомъ нами романѣ выведена женщина, которой
приписывается избытокъ мечтательности, страсти къ
чтенію, словомъ, что составляетъ болѣе исключеніе,
нежели преобладающую черту въ нашихъ нравахъ.
Сочинитель долженъ былъ всѣ положенія и краски
картинъ своихъ выдумывать. Такаго рода произведе-
нія, при самыхъ блестящихъ качествахъ автора, не
пользуются совершеннымъ успѣхомъ. Мы желаемъ,
чтобы сочинитель, показавшій столько гибкости и
строты ума въ первомъ своемъ произведеніи, обра-
тилъ все свое вниманіе на дѣйствительную жизнь и
воспользовался бы истинными сокровищами поэзіи.

29. *Дѣвица Всеволожская, или* Картины Русскаго быта въ XVII вѣкѣ. *Сочиненіе* Василія Мирошевскаго. *Въ* 12; 189 *стран. Съ нотами.*

Въ книгѣ г. Мирошевскаго такая же занима-
тельность, какъ въ современныхъ запискахъ какой-
нибудь эпохи. Сочинитель только переложилъ мѣста-
ми на нынѣшнее нарѣчіе собранные имъ матеріалы,
оставивъ между-прочимъ многое въ оригиналѣ, чтобы
живѣе перенести читателя въ изображаемый имъ

вѣкъ. Что касается до событія, оно само по себѣ
такъ любопытно и трогательно, что конечно никто
не прочтетъ повѣсти безъ участія.

30. Деревенскій староста *Миронъ Ивановъ. На-
родная быль для Русскихъ простолюдиновъ. Сочи-
неніе* Борпса Волжина. *Въ* 8; 334 *стран.*

«Не хочу скрывать истины и скажу, что пер-
«вую мысль къ составленію этой книги (говоритъ
«авторъ въ предисловіи, напечатанномъ особою бро-
«шюрою) мнѣ подала одна Французская книга.
Французская ли книга причиною, или некорот-
кое знакомство г. Волжина съ простонароднымъ Рус-
скимъ бытомъ, только, читая его сочиненіе, не
чувствуешь себя дѣйствительно тамъ, куда бы
должно было перенести происшествіе. Все движется
на какихъ-то поддѣльныхъ колесахъ мнимыми пру-
жинами: нѣтъ истинной жизни; характеры, страсти
выдуманы. Чтобы зажпвить рану, надобно прикла-
дывать лекарство прямо къ ней, а не на здоровое
мѣсто. Если бы г. Волжину понадобился образецъ,
какъ описывать простонародный бытъ; мы указали
бы ему повѣсть: *Дѣлай добро, и тебѣ будетъ добро.*
Вотъ, что, по нашему мнѣнію, истина жизни, истина
красокъ и всѣхъ требованій искуства. Безъ сомнѣнія
не живши долго въ деревнѣ, не наблюдая тамошнихъ
характеровъ вблизи, трудно по наслышкѣ составить

* Т. XIV Современ., 1—60 стран. *третьей нумераціи.*

ьрное ихъ описаніе. По крайней мѣрѣ сочинитель
гогъ бы очистить свой разсказъ отъ тяжелой кон-
струкціи, отъ иностранныхъ оборотовъ и отъ этой
непріятной смѣси изысканнаго высокаго языка съ
просторѣчіемъ также изысканнымъ. У насъ, какъ
справедливо замѣчаетъ сочинитель, мало писали для
простаго народа. По-этому, можно надѣяться, что и
го книга, написанная съ прекрасною цѣлію и при
томъ изъ первыхъ опытовъ, не останется безъ чита-
телей. Г. Волжинъ представилъ списокъ приготовляе-
мыхъ имъ къ печати новыхъ книгъ въ семъ же ро-
дѣ. Нельзя не ожидать, что въ дальнѣйшихъ опы-
тахъ онъ сдѣлается строже къ своимъ трудамъ, ко-
торые достойны всеобщаго одобренія. Только мы не
совѣтуемъ г. Волжину перекладывать на простона-
родное нарѣчіе прекраснаго сочиненія дѣвицы Ишим-
совой: *Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей*. Подъ
го перомъ совсѣмъ поблекнетъ этотъ прелестный цвѣ-
токъ современной словесности нашей. При томъ же
мы знаемъ, что сочинительница желаетъ сама обра-
ботать свою книгу для простонароднаго чтенія.

31. Приключенія съ моими знакомыми. *Повѣсть* Ивана Ваненко. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 12; *стран.* 180 *и* 148.

Въ книгѣ г. Ваненка есть истинная веселость, признакъ таланта къ комизму. Но съ шуткою надобно обращаться какъ можно осторожнѣе. Ею легче всего

навести скуку, если не остановитесь во-время. Весе лость должна быть неистощима въ разнообразіи. В *Приключеніяхъ* многое можно бы сократить, разска зать проще и ближе къ натурѣ. Но главное: книг не достаетъ оригинальности; ея комизмъ еще не при нялъ ни формъ самобытныхъ, ни самобытнаго ха рактера.

Отдѣленіе новыхъ книгъ повѣствовательнаго со держанія, подобно отдѣленію сочиненій по хозяйству бываетъ всегда самое обильное. Мы указали на повѣ сти и романы, которые можно не-шутя разбирать Что касается до прочихъ, о которыхъ приличнѣ молчать, выписываемъ для любопытныхъ читателей одни названія.

32. Святочные вечера. *Написаны* Николаемъ Ку нацкимъ. *Изданы дядею его Григоріемъ Рацкимъ Изданіе не первое и не второе. Двѣ части. В* 12; *стран:* 162 *и* 215.

33. *Повѣсти изъ событій* Русской старины. Че *тыре части. Въ* 12; *стран:* 142, 100, 126 *и* 86.

34. Вечерніе разсказы. В. Невскаго. *Часть пер вая. Юлій Танскій. Русскій въ Италіи. Въ* 12 275. *стран.*

35. *Повѣсть* Вечеславъ и Елена. В. П. *Въ* 12; 131 *стран.*

36. Дочь разбойника, *или любовникъ въ бочкѣ. Въ* 12; 89 *стран.*

37. Пародія. *Романъ. Въ трехъ частяхъ. Въ* 12; *стран:* 100, 106 *и* 84.

38 Вѣчевой колоколъ. *Русскій романъ XV столѣтія. Три части. Въ* 12; *стран:* 123, 96 *и* 120.

39. Я рисовалъ очерки. *Разсказы улана. Въ* 12; 315 *стран.*

40. Черное время, *или нѣкоторыя сцены изъ жизни Емельки Пугачева. Историческій романъ XVIII вѣка. Сочиненіе* Петра С....нова. *Двѣ части. Въ* 12; *стран:* 124 *и* 104.

*

41 Философскій взглядъ на міръ. *Сочиненіе* П. К. *Въ* 8; 31 *стран.*

42. Нынѣшній *способъ познанія.* Ѳеофилакта Гайдебурова. *Часть первая. Въ* 8; 123 *стран.*

Оба сочиненія подтверждаютъ одну истину, что невозможно изложить того для другихъ съ ясностію о чемъ у насъ самихъ сбивчивыя понятія.

*

Разборъ новыхъ сочиненій, посвященныхъ педагогической части, мы начнемъ книгами, составляющими продолженіе курсовъ для Военноучебныхъ Заведеній.

43. Живописный міръ, *или взглядъ на природу, науки, искуства и человѣка. На Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ составленъ по Нѣмецкому образцу Гайлера* Ѳедоромъ Кони. *Часть I. Въ* 8; 246 *стран. Съ* 148 *рисунками.*

Въ этой книгѣ вы найдете систематическое размѣщеніе предметовъ, особенно необходимыхъ для первоначальнаго изученія. Каждый изъ нихъ описанъ со всѣми его принадлежностями, хотя коротко, но безъ важныхъ пропусковъ. Подлѣ описываемыхъ вещей приложены изображенія ихъ. Въ рукахъ благоразумнаго наставника эта книга можетъ служить руководствомъ для составленія фразъ на безчисленное множество случаевъ, которые безъ книги не всегда могутъ притти на память, и особенно не предстаятся они въ такой строгой системѣ, какая соблюдена въ сочиненіи.

44. *Учебныя руководства для военноучебныхъ заведеній. Часть первая, заключающая въ себѣ* Фортификацію Полевую. *Составилъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ* Аркадій Теляковскій. *Въ* 8; 265 *стран. Съ* 54 *чертежами.*

До сихъ поръ у насъ не было еще по этой части руководства, которое бы строгою системою науки, незыблемостію главныхъ положеній, полнотою нижнѣйшихъ предметовъ и сочетаніемъ теоріи съ практикою такъ удовлетворяло всѣмъ требованіямъ безпристрастной критики, какъ сочиненіе г. Теляковскаго.

Прочія учебныя книги суть слѣдующія:

45. *Учебное руководство къ* Архитектурѣ, *для преподаванія въ горномъ инст., главномъ инжен. училищѣ гражданскихъ инженеровъ, кондукторской школѣ путей сообщенія, морскомъ учебномъ экипажѣ, технологическомъ инст., въ школѣ земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ графини Строгоновой, и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ* 8; 190 *стран.*

46. *Начальныя основанія* Общей грамматики, *приспособленныя къ понятіямъ начинающихъ обучаться частнымъ грамматикамъ.* И Тито. *Въ* 8; 176 *стран.*

47. Армяно-Русскій Словарь, *составленный по лексикону, изданному въ Венеціи, умноженному вновь введенными словами* Александромъ Худобашевымъ. *Двѣ части. стран:* 613, 530 *и III.*

48. *Учитель* Русскаго и Армянскаго *языковъ или руководство къ познанію Русскаго языка въ пользу Армянскаго юношества, и Армянскаго языка для любителей восточной словесности. Издалъ Армянскій протодіаконъ* Григорій Сукіасовъ. *Часть I. Русско-Армянская Азбука. Въ* 8; *стран:* 11 *и II.*

*

Педагогическая литература представляетъ ещ отдѣленіе, болѣе занимательное и требующее с авторовъ не однаго знанія науки, но и талан Мы разумѣемъ здѣсь книги, назначаемыя для дѣ скаго чтенія, которое должно безъ пособія наст никовъ питать умъ юнаго поколѣнія, развивать понятія и дѣйствовать на образованіе вкуса и серд Эти книги рѣдко удается видѣть въ надлежащ ихъ совершенствѣ; потому-что немногіе изъ писат съ истиннымъ талантомъ посвящаютъ труды свои тературѣ дѣтской. На Русскомъ языкѣ въ наше вр ничего не было въ этомъ родѣ лучше книгъ, изданны *г – жею Зонтагъ* и *дѣвицею Ишимовой*. Въ прошед три мѣсяца появилось для дѣтскаго чтенія шесть

ыхъ книжекъ. Къ-счастію *четыре* изъ нихъ надобно нести къ разряду хорошихъ. Вотъ онѣ:

49. *Русская азбука, приспособленная къ дѣтскимъ понятіямъ; для* ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБУЧЕНІЯ ЧТЕНІЮ. *Въ* 16; 224 *стран.*

Здѣсь помѣщено нѣсколько разсказовъ и описаній ненъ умно составленныхъ и счастливо приноровленыхъ къ первому возрасту.

50. *Новое* ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ, *издаваемое, подъ руководствомъ и смотрѣніемъ* Н. Греча, *иждивеніемъ книгопродавца Льва Жебелева. Ч. I. Въ* 8; *стран:* 176. *Съ картинкой.*

51. НЕДѢЛЯ У БАБУШКИ НА ДАЧѢ. *Сочиненіе дѣвицы* Эсбе. *Въ* 12; 355 *стран.*

52. ФРИДРИХЪ II ВЕЛИКІЙ, КОРОЛЬ ПРУССКІЙ. *Повѣствованія, разсказанныя самими дѣтьми и заключающія въ себѣ очеркъ важнѣйшихъ того времени происшествій въ Европѣ. Въ* 12; 141 *стран.*

Слѣдующія двѣ книжки нельзя назвать хорошими. ъ первой изъ нихъ какой-то пестрый выборъ, безъ алѣйшей системы, съ примѣсью не дѣтскихъ, но

ребяческихъ замѣчаній. Вторая еще хуже. Ихъ названія:

53. Настольная дѣтская книга. *Издана* Иваномъ Колосовымъ. *Въ* 8; 260 стран.

54. Гостинецъ милымъ малюткамъ *на новый годъ, или собраніе нравоучительныхъ дѣтскихъ басень и сказокъ съ картинками. Въ* 32; 70 стран.

*

Отъ сказокъ дѣтскихъ и азбукъ переходимъ къ азбукамъ взрослыхъ.

55. Канцелярскій самоучитель, *или краткое руководство къ познанію дѣлопроизводства присутственныхъ мѣстъ, съ прибавленіемъ формъ переписки и канцелярскихъ документовъ. Сочинилъ* Оедоръ Русановъ, *Рязанской губ. Зарайской двор. опеки протоколистъ. Въ* 8; 191 *стран.*

Много есть молодыхъ людей, очень свѣдущихъ и отлично образованныхъ, которые часто будутъ заглядывать въ эту азбуку. Къ ихъ счастію, книга такъ исправна, что за каждую справку не откажутъ они въ истинной благодарности смиренному автору.

56. Таблицы для вычисленія процентовъ, *какъ по займамъ по залогу имѣній, такъ и по*

внесенныхъ капиталамъ въ банкахъ, сохранныхъ казнахъ опекунскаго совѣта, коммисіи погашенія долговъ, и по частнымъ расчетамъ. Составлены С. Усовымъ. *Въ* 16; *стран. IV*, 70 *и* 56.

57. *Способъ* ОПРЕДѢЛЕНІЯ ДОЛГОТЫ МѢСТЪ, *по наблюденію прохожденія луны и звѣздъ чрезъ меридіанъ. Изложеніе флота-лейтенанта* С. Зеленаго. *Издано ученымъ комитетомъ морскаго министерства. Въ* 8; 52 *стран.*

Труды г. Зеленаго по части астрономіи обратили на себя вниманіе людей, свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ—и ученый комитетъ морскаго министерства оказалъ нашей литературѣ истинную услугу, издавъ книгу, лучшую въ своемъ родѣ.

58. *Лексиконъ* ЧИСТОЙ И ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ, *составленный* В. Буняковскимъ. *Томъ I. А—Д. Въ* 4; *X и* 462 *стран. Съ рисунками.*

Люди, занимающіеся математикою, съ благодарностію должны принять начало труда огромнаго и прекраснаго. Здѣсь соединено будетъ все, что въ наше время сдѣлано для науки.

58. *Извлеченіе изъ* ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ Н. Павлова, *читанное* 30 *апрѣля* 1839 *въ общемъ собраніи* *ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго экономическаго общества. Въ* 8; 16 *стран.*

Послѣ путешествія своего въ Пруссію и сѣверную Германію, чтобы познакомиться на мѣстѣ съ тамошнимъ сельскимъ хозяйствомъ, г. Павловъ представилъ брошюру, въ которой говоритъ о средствахъ, какъ усилить урожай хлѣба.

59. *О мѣрахъ принятыхъ въ Россіи къ* ПООЩРЕНІЮ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЮ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА *вообще. Соч. професора Харьковскаго университета* И. Платонова. *Въ* 8; 121 *стран.*

60. *Новый портфель для сельскихъ хозяевъ, заключающій описанія, чертежи, планы и фасады* ГОРОДСКИХЪ И СЕЛЬСКИХЪ ДОМОВЪ, ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ПОСТРОЕКЪ *и проч., и проч. Въ* 4; 22 *стран. Со* 100 *чертежами.*

Это самое полное собраніе плановъ и можетъ удовлетворить прихотливѣйшее воображеніе домостроителей.

61. *О новомъ устройствѣ* ПЕЧЕЙ, *и проч., и проч. Съ четырьмя большими изображеніями устройства*

печей. Сочиненіе Евграфа Корженовскаго. *Въ* 16; 94 *стран.*

162. *Новый способъ* СБЕРЕГАТЬ И ЗАМѢНЯТЬ ДРОВЯНОЙ МАТЕРІАЛЪ, *и проч., и проч. Въ* 12; 24 *стран.*

Двѣ новости, которыя никому не принесутъ ной пользы.

163. *Описаніе новой машины для* ДѢЛАНІЯ КИРПИЧА, *изобрѣтенной во Франціи* г. Террасономъ Фужеромъ. *Въ* 8; 16 *стран.*

Французской негоціантъ Іосифъ Пенжонъ полулилъ изъ нашего министерства финансовъ на шесть тъ привиллегію употреблять введенную имъ здѣсь машину Террасона Фужера. Выигрывая время, посредствомъ этой машины, съ меньшимъ числомъ людей можно приготовлять кирпичи за нисшую цѣну, такъ:то 36,000 кирпичей, стоившихъ прежде 198 р., теерь обходится въ 18 р.

64. *О производствѣ* СТЕАРИНОВЫХЪ СВѢЧЪ. *Сочиненіе* Александра Троіе. *Въ* 8; 24 *стран.*

Очень ясное и удовлетворительное изложеніе процесса, занимающаго теперь столько хозяйственныхъ оловъ.

*

65. *Краткое наставленіе*, какъ обходиться съ умалишенными, *доколѣ они не будутъ помѣщены въ заведеніе, устроенное для больныхъ этого рода; необходимость и польза помѣщенія ихъ въ оное. Изданное лейбъ-медикомъ* Рюлемъ. *Въ* 8; 23 *стран.*

Наставленіе, самое благодѣтельное, доказывающее человѣколюбивую заботливость врача, которого надзору ввѣрены страждущіе.

*

Въ дополненіе обзора новыхъ сочиненій обращаемъ вниманіе читателей на три книги, изданныя на Малороссійскомъ языкѣ. Онѣ своимъ внутреннимъ достоинствомъ не только равняются съ лучшими произведеніями собственно-нашей литературы, но и превосходятъ многія. Тѣмъ не менѣе не отказываемся мы отъ прежняго своего мнѣнія, что нарѣчіе, составляющее достояніе нисшаго класса людей въ одной области государства, не признаемъ столь выгоднымъ орудіемъ для изображенія помысловъ и творческихъ думъ высоко-образованнаго человѣка, какъ языкъ, принадлежащій всему огромному его отечеству. Славянскія области, находящіяся посреди Нѣмецкихъ или Турецкихъ владѣній, поддерживаютъ литературу своихъ нарѣчій по естественной причинѣ: въ ихъ землѣ нѣтъ другаго языка, понятнаго всѣмъ сословіямъ, кромѣ

своего наречія. Но кто же изъ грамотныхъ и даже неграмотныхъ Малороссіянъ не понимаетъ Русской рѣчи? Другое дѣло сберечь остатки простонародной Малороссійской литературы. Это драгоцѣнные памятники исторіи. Въ этомъ случаѣ мы Русскіе дорожимъ и Бѣлорусскими, и Польскими, и Чешскими письменами наравнѣ съ своими старинными сокровищами. Но странно было бы, если бъ кто изъ насъ, оставивъ современное свое наречіе, вздумалъ сочинять на Русскомъ языкѣ XII или даже XVI столѣтія.

66. Думки и пѣсни *та ще де-що*, Амвросія Могилы. *Въ* 12; *VIII и* 210.

67. Украинскія Баллады Іереміи Галки. *Въ* 12; 43 *стран.*

68. Сава Чалый, *драматическія сцены на южнорусскомъ языкѣ. Сочиненіе* Іереміи Галки. *Въ* 8; 114 *стран.*

II.

Продолженіе прежде-начатыхъ сочиненій.

69. Разсказы старушки, *изданные* Александрою Ишимовой. *Часть вторая. Въ* 16; 305 *стран. Съ двумя картинками.*

Мы увѣрены, что вторая часть Разсказовъ Старушки еще болѣе первой принесетъ пользы и удовольствія маленькимъ читательницамъ и читателямъ, еще скорѣе разлетится по всѣмъ краямъ Россіи. Что за увлекательное чтеніе представляютъ эти двѣ книжки! Здѣсь все жизнь, все краски, все истина, трепещущая новостью созданія и граціи. Кто не имѣлъ счастія видѣть въ Петергофѣ прелестной *Александріи*, ея Готической церкви, ея очаровательнаго дворца и всего, что приводитъ тамъ въ умиленіе посѣтителей; тотъ долженъ прочитать *Разсказы Старушки:* онъ пробудетъ въ Александріи лучшіе часы, и даже увидитъ самую церковь—это легкое, едва касающееся до земли произведеніе А. Брюлова.

*

70. *Пантеонъ знаменитыхъ* современниковъ послѣдняго шестидесятилѣтія *съ ихъ портретами, издаваемый* Ѳ. Веймаромъ. *IV. V. VI. VII. VIII и IX. Въ* 4; 32—91 *стран.*

71. Русскіе простонародные праздники *и суевѣрные обряды. Выпускъ IV (окончательный). Въ* 8; 200 *и* 40 *стран. Съ картинкой.*

72. Пѣсни Русскаго народа. *Часть III, IV и V. Въ* 16; *стран:* 528, 494, 477, *X и XVI.*

*

73. Исторія философіи. *Архимандрита* Гавріила. *Часть вторая. Въ* 8; 161 *стран.*

*

74. Были и Небылицы. *Казака* Владиміра Луганскаго. *Книжка четвертая. Въ* 8; 198 *стран.*

*

75. *Народное руководство въ* сельскомъ хозяйствѣ. *Сочиненіе* Дмитрія Шелехова, *помѣщика Тверской губерніи. Часть вторая. Въ* 8; 382 *стран. Съ тремя чертежами машинъ и орудій.*

73. Сельскій хозяинъ XIX вѣка, *и проч., и проч. Составилъ* В. Пановъ. *Издалъ А. Ширяевъ. Часть II. Въ* 12; *стран: XVI и* 706. *Съ рисунками.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

1. *Ежедневная* ПИЩА ДЛЯ ХРИСТІАНЪ, *и проч. С*
Англійскаго, съ двадцатаго изданія, переведен
преосвященнымъ Ааpономъ, *епископомъ Архангел*
скимъ и Холмогорскимъ. Въ 8; 190 *стран.*

Благочестивый читатель конечно поблагодаритъ
переводчика за трудъ. Въ книгѣ прибрано на каж-
дый день по нѣскольку приличныхъ текстовъ, межд
которыми вставлены коротенькія стихотворенія, соот
вѣтствующія текстамъ.

❊

2. ТЕЛЕМАКЪ. *Сочиненіе Фенелона. Новый перевод*
Ѳедора Лубяновскаго. *Двѣ части. Въ* 8; 330
310 *стран.*

Въ книгѣ Фенелона, подобно-какъ въ произведе-
іяхъ древне-классической литературы, нѣтъ фразы,
аже нѣтъ слова, которое бы не составляло необхо-
имаго звѣна золотой цѣпи рѣчей его. Можно гово-
ить много противъ красокъ мѣстности, противъ изоб-
женія нравовъ и другихъ условій времени; но сила
раснорѣчія, основаннаго на ясности и строгомъ ло-
ическомъ теченіи мыслей, на точности выраженій,
а гармоническомъ, неподражаемомъ слогѣ, всегда
удетъ привлекать вниманіе знатоковъ къ этому па-
ятнику литературы, незыблемому, прочному. Давно
ы нуждались въ переводѣ, достойномъ этаго творе-
ія, въ переводѣ, который бы, подобно подлиннику,
глитъ былъ весь въ чистыя и вѣрныя формы языка
очнаго и мужественно-краснорѣчиваго. Литераторъ
пытный, долго изучавшій безсмертную книгу Фене-
она, наконецъ ее представилъ намъ въ надлежащемъ
идѣ на Русскомъ языкѣ.

3. Полина. *Сочиненіе Александра Дюма. Перевелъ съ Французскаго* Егоръ Байбузенковъ. *Въ* 8; *стран. III.*

Ничтожное сочиненіе, переведенное достойнымъ
бразомъ.

4. Честный человѣкъ. *Нравственное поученіе Генриха Берту. Перевелъ съ Французскаго.* Е. Вероникинъ. *Двѣ части. Въ* 8; *стран:* 207 *и* 197.

Вотъ рѣдкое явленіе между современными Фран-
цузскими романами. Если бы выборъ переводчиковъ
нашихъ всегда падалъ на столь нравственныя и за-
нимательныя сочиненія; если бы и обязанности свои
такъ хорошо исполняли переводчики, какъ г. Верони-
кинъ: то мы радовались бы при каждой книгѣ, вновь
переведенной.

*

5. *Живописное путешествіе по Азіи, составленное на*
Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйрі-
(Eyriès) *и украшенное гравюрами. Переводъ* Е
Корша. *Изданіе А. Ширяева. Томъ первый Въ* 8
стран: III и 290.

Одна изъ тѣхъ книгъ, которыя наиболѣе чи-
таются. Всѣ благодарны будутъ г. Коршу за этотъ
трудъ. Его переводъ легокъ и точенъ. Одна невыго-
да для изданія, что книга начинается описаніемъ
Русскихъ земель. Иностранцы, для которыхъ недо-
ступны источники наши, обыкновенно, говоря о Рос-
сіи, впадаютъ въ ошибки. Это обстоятельство можетъ
подать невыгодное мнѣніе о цѣломъ сочиненіи.

*

6. Разговоры отца съ дѣтьми. *Переводъ съ Ан-*
глійскаго. Двѣ части. Въ 12; *стран: V и* 260
VI и 264 *Съ картинками. Изданіе А. Ширяева*

По содержанію своему книга принадлежитъ къ разряду самыхъ наставительныхъ для дѣтей. Въ ней изъясняются предметы, ближайшіе къ намъ въ природѣ и общежитіи. Вездѣ господствуетъ религіозное направленіе. Въ переводѣ мы желали бы видѣть болѣе отдѣлки.

7. Сказки моей бабушки. *Шесть новыхъ повѣстей для дѣтей. Съ 6 раскрашенными картинками. Въ* 16; *стран:* 44, 44, 48, 42, 48 *и* 54.

Въ этомъ изданіи ни выборъ не удался, ни переводъ.

*

8. Философія исторіи человѣчества. *Переводы и извлеченія изъ* Аста, Штуцмана *и другихъ Нѣмецкихъ писателей историческихъ. Томъ I. Въ* 8; 349 *стран.*

Новѣйшая Нѣмецкая философія направлена особенно къ тому, чтобы доказать присутствіе и господство однихъ и тѣхъ же законовъ въ естественной исторіи, въ физикѣ, въ гражданской исторіи и въ эстетикѣ. Ежели не всѣ явленія физическаго и нравственнаго міра свободно и точно размѣщаются по принятымъ въ философіи категоріямъ, тѣмъ не менѣе занимательно и полезно ближайшее знакомство съ этими всеобщими формулами, въ которыхъ новѣйшіе филосо-

фы созерцаютъ все во вселенной. Для насъ Русскихъ привыкнувшихъ отъ Французскаго вліянія къ однимъ частнымъ взглядамъ на вещи, особенно необходимъ сосредоточенность мышленія. По-этому «Философіи исторіи человѣчества» книгу, въ которой соединенъ все лучшее изъ Нѣмецкой новѣйшей философіи, мы должны принять съ признательностію, тѣмъ болѣе что въ переводѣ языкъ чистъ и ясенъ, сколько позволялъ достигнуть этаго предметъ, еще не усвоенный литературѣ нашей.

*

9. *Морская служба въ Англіи, или* руководство для морскихъ офицеровъ *всякаго званія на судахъ Его Королевскаго Величества. Сочиненіе капитана королевскаго флота Гласкока. Переводъ съ Англійскаго, флота капитана* 2 ранга В. Карнилова.. *Двѣ части. Въ* 8; *стран.* 270 и 311.

По сущности своей, эта книга совершенно специальная. Она содержитъ описаніе должностей разныхъ флотскихъ чиновъ, съ замѣчаніями автора касательно морской службы въ Англіи. Но сочинитель такъ занимательно говоритъ о своемъ дѣлѣ, которому посвятилъ себя совершенно, такъ любопытно слѣдовать за нимъ, что безъ сомнѣнія и не-моряки будутъ читать эту книгу съ истиннымъ удовольствіемъ. Переводчикъ

прибавилъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній, которыя были необходимы для Русскихъ читателей — что еще болѣе увеличило занимательность сочиненія, переведеннаго отлично хорошо.

0. Бухгалтеръ, *или искуство научиться въ самое короткое время простой и двойной бухгалтеріи во всѣхъ ея частяхъ. Сочиненіе профессора торговыхъ наукъ* Карла Куртина. *Переводъ съ 8 изданія Въ* 8; *стран. IV и* 54. *Съ двумя листами таблицъ.*

Переводчикъ, называя книгу свою *искуствомъ*, вѣроятно хотѣлъ сказать *руководство*. Дѣйствительно въ этой книгѣ помѣщены правила бухгалтеріи; только воспользоваться ими не всякій можетъ: они не всѣ достаточно развиты для начинающихъ, такъ-что имъ передъ чтеніемъ книги необходимо запастись предварительными свѣдѣніями, или прибѣгнуть къ изъясненіямъ опытнаго наставника.

1. *Начертаніе* Технологіи, *составленное профессоромъ* Гермбштедтомъ. *Переведено съ Нѣмецкаго, по приказанію г. министра финансовъ. Двѣ части. Въ* 8; *стран.* 389 *и* 612. *Съ пятью чертежами.*

Въ первой части сочиненія Гермбштедта изложены *механическія* производства, напримѣръ: пряденіе, тканье и т. п.; во второй *химическія*, какъ-то: мыловареніе, дубленіе и проч. Это впрочемъ раздѣленіе недоста-

точно для того, чтобы всѣмъ фабричнымъ производ-ствамъ назначить въ книгѣ надлежащее мѣсто, гдѣ каждому читателю можно бы ихъ навѣрное найти для справки или повѣрки. У насъ такъ мало книгъ по части технологіи, что мы должны быть благодарны просвѣщенному начальнику, который старается предупредить всѣ нужды покровительствуемаго имъ класса людей.

12. *Новый, вѣрнѣйшій способъ* лечения геморроя *холодной водою, составленный докторомъ* Риттером. *Переведено съ Нѣмецкаго. Въ* 8; 24 *стран.*

На новый способъ г. Риттера согласиться всего легче: если онъ (за что и сочинитель конечно не всегда можетъ ручаться) и не *вѣрнѣйшій*, по крайней мѣрѣ *невинные* и дешевлѣ нельзя ужъ изобрѣсть.

II.

13. *Военная Библіотека, съ* ВЫСОЧАЙШАГО *соизволенія посвященная Россійской арміи, издаваемая подъ руководствомъ генерала барона Н. В. Медема и О. И. Сенковскаго, И. И. Глазуновымъ, на* 1838 *годъ. Томъ III.* Исторія войнъ въ Европѣ съ 1792 года, *вслѣдствіе перемѣны правленія во Франціи. Переводъ* В. И. Карлгофа. *Въ* 8; *стран. XXVI и* 389. *Съ* 5 *планами.*

*

Библіотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ путешествій, *издаваемая книгопродавцемъ* Н. Глазуновымъ *и комп. Томъ XVII. Въ* 12; 100 *стран.*

Библіотека романовъ, повѣстей и путешествій, *издаваемая книгопродавцемъ* Н. Глазуновымъ. *Выпускъ второй. Томъ первый. Въ* 12; 340 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. Русская Грамматика, для Русскихъ, *напечатанная по ВЫСОЧАЙШЕМУ соизволенію.* В. Половцова. Третье *исправленное изданіе. Въ* 12½ 195 *стран.*

2. Русская Грамматика Александра Востокова, *по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Изданіе* четвертое. *Въ* 8; 417 *стран.*

3. Ариѳметика, *служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ двухъ частяхъ вновь разсмотрѣнная и исправленная Кол. Ас.* Петромъ

Кузминскимъ. *Изданіе* одиннадцатое. *Въ* 12; 187 *стран.*

Краткая Священная исторія *Ветхаго и новаго завѣта, изд. Андреевскаго собора священникомъ* Василіемъ Полянскимъ. *Изданіе* второе, *исправл. и дополн. Въ* 8; 75 *стран.*

Всеобщій Французско-Русскій Словарь, *составленный по изданіямъ Раймонда, Нодье, Буаста и Французской академіи, Д. С. С. и К.* Иваномъ Татищевымъ. *Изданіе* Третіе, *вновь дополненное и исправленное. Томъ I отъ A до G. Издали Селивановскій и Ширяевъ. Въ* 4; *стран. II и* 651.

*

Дѣянія Петра Великаго, *мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе* И. И. Голикова. *Томъ IX. Изданіе* второе. *Въ* 8; *стран. VIII и* 548.

Балакирева *полное собраніе анекдотовъ шута бывшаго при дворѣ Петра великаго. Изданіе въ пяти частяхъ. Въ* 12; 123 *стран.*

*

8. Послѣдній Новикъ, *или завоеваніе Лифлянд*
въ царствованіе Петра великаго. Историческій р
манъ. Сочиненіе Ивана Лажечникова. *Издан*
третіе *со втораго* 1833 *года. Четыре части.*
12; *стран.* 225, 251, 219 *и* 207.

9. Разгулье купеческихъ сынковъ *въ Мары*
ной рощѣ, или: поваливай! наши гуляютъ! Истор
но-сатирическая повѣсть 1835 *года, съ Цыганск*
ми пѣснями. Изданіе третіе, *исправленное.*
12; *стран. IV и* 24.

10. Дѣйствительное Путешествіе въ Вор
нежъ. Ивана Раевича. *Изданіе* второе. *Въ* 1
108 *стран.*

11. *Исторія о славномъ и сильномъ витязѣ* Еруслан
нѣ Лазаревичѣ, *и проч. Печатано съ издан*
1836 *года. Въ* 12; 80 *стран.*

*

12. *Басни и Сказки* И. И. Хемницера. Въ 3 ч
стяхъ. Съ описаніемъ его жизни. Пятнадц
тое *изданіе. Въ* 12; *стран. V, X и* 139.

*

13. Урочныя положенія *на всѣ вообще работы*
производящіяся при крѣпостяхъ, гражданскихъ
зданіяхъ и гидротехническихъ сооруженіяхъ. Изд

ніе ВТОРОЕ, *исправленное по замѣчаніямъ департаментовъ военнаго министерства: инженернаго и и военныхъ поселеній, и главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Въ* 8; *стран. XIII и* 413.

. *Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. Соч.* В. А. Крейсига. *Перевелъ съ Нѣмецкаго и пополнилъ примѣчаніями членъ разныхъ обществъ* С. М. Усовъ. *Изданіе* ВТОРОЕ, *съ прибавленіемъ правилъ сельскаго счетоводства. Въ* 8; *стран. XX и* 470.

II.

. *Полное собраніе сочиненій* А. Марлинскаго. *Въ* 12. *Изданіе* ТРЕТІЕ. *Послѣднія шесть частей: VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОПРОДОЛЖЕНІИ СОВРЕМЕННИКА.

Въ 1840 году *Современникъ* будетъ издаваться на прежнемъ основаніи нынѣшнею же Редакціею, которая такъ благосклонно поддерживается сотрудничествомъ опытныхъ и уважаемыхъ Публикою литераторовъ.

Подписка на Современникъ принимается, какъ и въ прошедшіе годы во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, въ Газетной Экспедиціи С. П. бургскаго Почтамта, и у самаго издателя Дѣй. Ст. Сов. Петра Александровича Плетнева у Обухова моста въ домѣ Сухаревой.

Цѣна за годовое изданіе 25 р., а съ доставкою на домъ, или съ пересылкою въ другіе города 30 р. ассигнаціями.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПАРТИЗАНОВЪ ПИРЕНЕЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА*.

V.

Одежда. Оружіе. Знамена. Музыка.

Чѣмъ необразованнѣе народъ, тѣмъ больше важности придаетъ онъ хорошей одеждѣ. И въ этомъ отношеніи Испанцы остались въ Среднихъ-вѣкахъ, когда баронъ, сбираясь на войну или на свадебный пиръ, закладывалъ Еврею свои кубки, свои земли, чтобъ пышнѣе убрать себя и своего коня. Испанской дилижансъ часто останавливается передъ въѣздомъ въ городъ, и путешественники переодѣваются въ лучшее платье, даже и въ такомъ случаѣ, когда не думаютъ остановиться въ городѣ. Послѣ этаго не удивительно, что Испанцы стыдились въ худомъ платьѣ явиться на сборныя мѣста Герильясовъ, какъ въ годовой

* См. Современ. Т. XIII, стран. 81, *первой нумераціи.*

праздникъ притти въ церковь. Не одинъ Испанецъ былъ увѣренъ, что въ глазахъ непріятеля и своихъ союзниковъ уронитъ онъ достоинство Испанца, если выйдетъ на войну худо одѣтымъ; даже вѣрилъ, пока опытъ не убѣдилъ его въ противномъ, что своимъ хорошимъ платьемъ отнимаетъ онъ мужества у непріятеля. Въ каждой области своя народная одежда, не подвластная модѣ, но безпрестанно измѣняемая прихотливымъ воображеніемъ народа, у котораго больше поэзіи въ домашнемъ быту, нежели въ книгахъ. Если бъ вы увидѣли Герильясовъ въ одеждѣ, обличающей двойное происхожденіе Испанцевъ отъ Готѳовъ и Мавровъ, въ одеждѣ, разнообразной какъ страницы изящнаго альбома, еще не покрытой красною пылью Испанскихъ дорогъ, еще не потертой на бивакахъ—вы бы сказали, встрѣтя Герильясовъ въ долинѣ, что они такъ нарядились для того, чтобъ походить на цвѣты, которыми Испанское солнце украсило долину; вы бы сказали, провожая глазами толпу Герильясовъ, взбирающихся на гору, что это тянется разноцвѣтная лента, усѣянная блестками. Андалузецъ является передъ вами въ полукафтаньѣ съ шелковымъ шитьемъ по швамъ, съ серебряными запонками вмѣсто пуговицъ, съ шелковымъ поясомъ яркаго цвѣта, въ конической шляпѣ, обернутой бархатомъ; погонщикъ муловъ изъ Ламанчи въ платьѣ изъ буйволовой кожи, въ платьѣ, которое своимъ покроемъ напоминаетъ тунику Римскихъ воиновъ, въ красномъ колпакѣ, падающемъ на плечо какъ у лазаро-

ни; Валенціанецъ съ головой, обернутой пестрымъ платкомъ по обычаю Мавровъ, въ платьѣ, обложенномъ голубыми и красными шнурами; Кастильянецъ въ своей полурыцарской одеждѣ, нѣкогда любимой государями Западной-Европы, въ яркополосатомъ плащѣ, съ волосами, обернутыми длинной шелковой сѣтью, которой никогда не забываетъ актёръ, представляющій Испанца, и живописецъ, изображающій явленіе изъ Испанскаго быта; Каталонскій горецъ съ дикимъ взглядомъ, съ поступью Альбанца, въ круглой кожаной шляпѣ съ перомъ фазана, отличительнымъ признакомъ воспитанника горныхъ пещеръ Каталоніи, прозваннаго Французами Испанскимъ Башкиромъ, то преслѣдующаго разбойниковъ, то выходящаго съ ними на добычу. Снимите Англійскія ружья съ плечъ Эстремадурцевъ, и тогда ничто не помѣшаетъ вашему воображенію представить себѣ толпу конкистадоровъ: на Эстремадурцахъ тѣ шляпы, та одежда, въ которыхъ живописцы изображаютъ Кортеца и Пизарро; даже длинная Пизаррова шпага подарена женщиной, послѣдней отраслію Пизарро, одному изъ начальниковъ Эстремадурскихъ Герильясовъ. Житель Гуэрты, то трудолюбивый земледѣлецъ, то хищный бедуинъ въ мирное время, герой и палачь въ каждую междоусобную смуту, съ волосами, падающими на плечи какъ у Готѳскихъ воиновъ, босоногій, въ шараварахъ съ синимъ поясомъ, въ бѣломъ полотняномъ полукафтаньѣ, напоминаетъ и лицемъ и одеждой поселянина изъ окрестностей Феца.

Пастухъ, ежегодно съ мериносами совершающій путешествіе съ долинъ Эстремадуры къ пажитямъ Сіэрра-Морены, ведущій жизнь патріархальныхъ временъ, когда рабы пасли верблюдовъ на поляхъ Месопотаміи, но всегда вооруженный какъ Арабы, надзирающіе за степнымъ табуномъ, одѣтъ съ головы до ногъ въ необдѣланныя кожи своихъ мериносовъ, шерстью вверхъ, такъ-что его, въ шляпѣ изъ той же кожи, не легко путешественнику отличить отъ стада мериносовъ. Монахи всѣхъ орденовъ, въ черныхъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ рясахъ; женщины и дѣвушки, за исключеніемъ немногихъ, одѣвшихся въ мужское платье, наряжались на войну какъ для прогулки въ своемъ аламедѣ *, какъ для условленнаго появленія на балконѣ; у однѣхъ кружева, закрывая лобъ до рѣсницъ, падали съ головы на плеча, то развѣвались по волѣ вѣтра, то были отбрасываемы назадъ легкимъ движеніемъ головы; у другихъ мантильи чернаго или фіолетоваго цвѣта, наброшенныя на высокій гребень, закрывали шею и плеча, но позволяли видѣть лице и талью. Иногда мантильи были вышиты золотомъ такъ искусно, что въ Среднихъ-вѣкахъ ихъ приняли бы за рукодѣлье волшебницы Морганы, любившей, по словамъ трубадуровъ, вышивать золотомъ по бархату въ своемъ чудномъ замкѣ. Ни одна Испанка не забыла взять на войну опахала, не-

* Такъ называютъ Испанцы каждый садъ, открытый для публики.

измѣннаго ея помощника въ сердечныхъ дѣлахъ. Многія носили цвѣты на головахъ, приколотые то съ боку, то къ мантильѣ поверхъ гребенки. Французскіе стрѣлки признавались, что нерѣдко эти цвѣты служили цѣлью для ихъ выстрѣловъ, и часто цвѣтокъ еще былъ ярокъ и душистъ, а украсившая имъ свою голову уже не жила. Многія изъ женщинъ и почти всѣ мужчины были съ босыми ногами въ сандаліяхъ, привязанныхъ къ ногамъ лентами или ремнями, какъ у Римлянъ, или какъ у Испанскихъ плѣнниковъ, представленныхъ на Траяновой колоннѣ. Начальники Герильясовъ отличались отъ своихъ подчиненныхъ галунами, нашитыми на плеча.

Почитая войну съ Французами наравнѣ съ Крестовыми-походами, Герильясы пришивали къ груди красный крестъ изъ сукна или матеріи, и этотъ крестъ былъ единственнымъ военнымъ украшеніемъ большей части Герильясовъ. Были отряды, называвшіе себя крестоносцами, напримѣръ, крестоносцы Лобрегата, Тіэтарской долины. Принимая такое названіе, Герильясы, подобно крестоносцамъ Среднихъ-вѣковъ, перекрестя у себя лобъ, ротъ и грудь, произносили передъ алтаремъ обѣтъ: до освобожденія изъ плѣна короля Фердинанда VII не покидать креста Господня ни на землѣ, ни на морѣ, ни въ полѣ, ни въ городѣ. Герильясъ-крестоносецъ, получа изъ рукъ священника или монаха красный крестъ для своей груди, пришивалъ нѣсколько крестовъ изъ сукна или

матеріи къ разнымъ мѣстамъ своей одежды, своего чепрака, и увѣшивалъ металлическими крестами и крестиками сбрую своего коня. Крестоносцы искали заморемъ феодальныхъ баронствъ или черныхъ невольниковъ, рыцарскихъ приключеній или отпущенія грѣховъ; Герильясъ - крестоносецъ сражался на родинѣ за независимость отечества, за освобожденіе законнаго государя — и Англійскій Ричардъ не сорвалъ бы краснаго креста съ груди Герильяса; Римскій первосвященникъ не отказался бы вручить Герильясу пальмовую вѣтвь, какъ тѣмъ пилигримамъ, которые, поклонившись Христову гробу, отдохнувши подъ пальмами Идумеи, подъ оливами, насаженными въ Рамѣ бедуинномъ, заходили въ Римъ за благословеніемъ первосвященника.

Послѣ первыхъ удачныхъ схватокъ съ Французами, Герильясы стали находить первое доказательство храбрости въ томъ, чтобъ быть одѣту въ непріятельскій мундиръ. Обшитая галунами шляпа Французскаго генерала украшала голову босоногаго Каталонца; гусарскій ментикъ висѣлъ на плечѣ погонщика муловъ; богатые эполеты офицера старой гвардіи блестѣли на пастухѣ, одѣтомъ въ овечью кожу. Герильясы набирали Французскихъ орденовъ, срывали съ киверовъ гербы, съ чепраковъ Наполеоновы вензеля, вышитые золотомъ или серебромъ, и долго думали въ нерѣшимости, къ шляпѣ или къ груди, къ плечу или къ спинѣ пришить, прицѣпить свою бое-

вую добычу! Такъ дикари, намѣнявши у мореходцевъ пуговицъ, долго думаютъ, начто употребить ихъ, когда нѣтъ одежды. Англійскіе офицеры сравнивали толпу герильясовъ въ ея разноцвѣтной одеждѣ и воинскихъ украшеніяхъ, отнятыхъ у непріятеля, съ труппой странствующихъ комедіантовъ. Въ началѣ войны нѣкоторые изъ духовныхъ сильно возставали на Герильясовъ за ихъ страсть рядиться въ отнятое у непріятеля; но въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ опоясались Французскимъ шарфомъ и прицѣпили тяжелыя шпоры латниковъ къ сандаліямъ капуциновъ. Герильясы, надѣвши Французскіе мундиры, думали, что имѣютъ полное право смѣяться надъ Испанскими регулярными войсками, одѣтыми въ поношеные мундиры Англійскихъ солдатъ.

Широкій плащъ, называемый саро, замѣняющій Испанцу одѣяло во время сна, скатерть во время обѣда, былъ непзмѣннымъ товарищемъ партизанской жизни Испанца, какъ бурка набѣговъ Кавказскаго горца. Герильясъ, стоя на часахъ, подсматривая занепріятелемъ, въ зной и холодъ, любилъ въ него закутываться, подобно-какъ и въ мирное время, дрожа и кипя передъ балкономъ своей доны, или поджидая путешественника на большой дорогѣ Со временъ Римской тоги не было живописнѣе этой одежды. Ея цвѣтъ, всегда темный, при sombrero, широкопольной шляпѣ, удивительно какъ согласуется съ обыкновенною важностью Испанца, даже съ архитектурой домовъ, оставшейся въ Сре

дпихъ-вѣкахъ, съ уединеніемъ дорогъ и съ суровыми видами въ сіэррахъ. Саро, какъ одежда самая удобная для потаенныхъ убійствъ и любовныхъ приключеній, пользуется худой славой гондолъ прежней Венеціи, когда жертва мщенія, выброшенная изъ гондолы, безъ шума уходила въ тину лагунъ, а гондольеръ спѣшилъ весломъ смѣшать ея кровь съ водой; когда задернутые занавѣсы гондолы, несущейся по каналу, скрывали любовниковъ, не находившихъ на землѣ безопаснаго мѣста отъ глазъ любопытства и кинжала ревности. Филиппъ V, въ первые годы своего царствованія, сочинилъ или приказалъ сочинить Латинскую сатиру противъ Испанской національной одежды, въ особенности противъ саро и sombrero. Придворные, при первомъ слухѣ о содержаніи королевской Латинской сатиры, поспѣшили замѣнить свою національную одежду шитыми кафтанами Версальскаго двора.

Карлъ III въ 1777 году захотѣлъ перемѣнить одежду нисшихъ сословій. Къ сожалѣнію, его первый министръ Сквилачи нашелъ Латинскую сатиру Филиппа V недостаточной для достиженія этой цѣли, и потому вооружилъ алгвазиловъ ножницами съ повелѣніемъ обрѣзывать поля у sombrero и полы у саро. Это послужило поводомъ къ народному мятежу, вслѣдствіе котораго Сквилачи былъ смѣненъ, и теперь—когда фракъ, смѣшная ливрея XIX столѣтія, недостойная народа, носившаго столько вѣковъ одежду

благородную и живописную, вытѣсняетъ изъ Испаніи національное платье, даже появляется въ уединенныхъ городкахъ сіэрръ — Испанцы еще остаются вѣрными своимъ sombrero и саро.

Герильясы вышли на войну съ тѣмъ самымъ оружіемъ, съ которымъ выѣзжали на разбой, ходили на богомолье, искали любовныхъ приключеній, грѣлись на солнцѣ у своихъ воротъ, и съ оружіемъ, взятымъ изъ арміи (такъ называютъ Испанцы собраніе древнихъ оружій при королевскихъ арсеналахъ и въ замкахъ грандецы). Антикварій, историческій живописецъ, подражатель Вальтеръ-Скотта не нарадовались бы этой галлебардѣ, тяжелой, безобразной, созданной молотомъ кузнеца, но которая, по словамъ Баска, почти ровесница его дворянскому гербу; не нарадовались бы этой дубинѣ Сарацина съ царапинами отъ ударовъ, выбивавшихъ пверни съ доспѣховъ наклоняя голову рыцаря на сѣдельную луку, и три вѣка висѣвшей на стѣнѣ собора между тѣми цѣпями, которыми Мавры сковывали христіанскихъ невольниковъ; этой широкой кривой саблѣ, съ стихомъ изъ корана, много христіанскихъ головъ порубившей въ рукахъ Мавровъ и контрабандистовъ, и теперь, можетъ быть, въ первый разъ обнаженной на защиту Испаніи Алпухарахскимъ горцемъ; этому длинному мечу съ крестообразной рукояткой, переходившему въ поколѣніи гидалгоса отъ отца къ старшему сыну съ преданіемъ, что одинъ изъ предковъ первый за Сидомъ съ этимъ мечемъ

ворвался въ Валенцію, что другой предокъ, смертельно раненый въ глазахъ св. Фердинанда-короля на Толедскомъ приступѣ, вонзилъ этотъ мечь въ крѣпостной валъ и умеръ, смотря съ молитвой на крестообразную рукоять. До гидалгоса XIX столѣтія не дошли лѣса и земли, данные королями его предкамъ за ихъ подвиги противъ Мавровъ, не дошло золото, привезенное предками изъ Америки; только по преданіямъ онъ знаетъ, въ какой сіэррѣ дикія козы щиплютъ траву съ развалинъ зàмка его предковъ; еще его отца или дѣда увѣрили монахи, что не предокъ бѣднаго гидалгоса, но предокъ однаго изъ новыхъ грандовъ лежитъ высѣченный изъ камня въ монастырской церкви на каменной постели, съ руками, сложенными на груди, въ латахъ, съ длинымъ мечемъ при бедрѣ, со сворой собакъ и соколомъ въ ногахъ. Этому мечу предка стало нечего защищать, кромѣ чести потомка! Но гидалгосъ съ малолѣтства научился благоговѣть предъ нимъ, какъ передъ лучшимъ украшеніемъ отцовскаго дома, какъ передъ любимымъ предметомъ разсказовъ старика-отца, какъ передъ единственнымъ памятникомъ того, чѣмъ были предки... «Посмотрите, amigos, вотъ молодой гидалгосъ съ дѣдовскимъ мечемъ при бедрѣ ведетъ въ церковь свою невѣсту»!... «Посторонитесь, Герильясы, дайте мѣсто старому гидалгосу размахнуться дѣдовскимъ мечемъ надъ головой Француза!...» «Святой отецъ, помоги смертельно раненому гидалгосу воткнуть въ землю дѣдовскій мечь! Гидалгосъ хочетъ умереть, смотря съ молитвой на

крестообразную рукоять меча, какъ умеръ предокъ на Толедскомъ приступѣ въ глазахъ св. Фердинанда-короля!..» Многіе Герильясы еще сохранили оружіе, добытое ихъ предками на войнѣ за Испанское наслѣдство: длинный широкій палашъ, которымъ, схвативши его въ обѣ руки, рубился тяжелый кавалеристъ Людовика XIV; кривую короткую саблю кавалеріи Старенберга; широкую прямую саблю кавалеріи Галловая. Даже нѣкоторые Герильясы были вооружены тяжелымъ мушкетономъ, выдуманнымъ при Карлѣ V, чтобъ пробивать толстыя тогдашнія латы, и среди войнъ въ Италіи, Фландріи, Германіи до того увеличеннымъ при Филиппѣ II, что въ предохраненіе отъ пуль Испанскаго мушкетона Французская кавалерія и кавалерія Нѣмецкихъ протестантовъ одѣлись въ такія латы, которыя, по словамъ однаго изъ писателей того времени, походили на наковальню.

Но въ войнѣ за независимость, справедливо названной Французами войной плетней и овраговъ, два оружія въ рукахъ Герильясовъ были наиболѣе гибельны для Французовъ: карабинъ и ножъ (na vajo). Въ Испаніи два рода карабиновъ: трабуко, короткій карабинъ, съ дуломъ столь широкимъ, что въ него входитъ отъ двухъ до тридцати пуль; escopetos, длинный карабинъ, нерѣдко съ такимъ узкимъ дуломъ, что Герильясы должны были разрубать пули, доставленныя Англичанами; раны, нанесенныя кусками

пуль, были мучительны и смертельны. Руки большей части Испанцевъ такъ свыклись съ карабинами, какъ руки фешьонеблей съ ихъ палками. Пастухъ, глазами провожая подозрительнаго прохожаго, опирается на карабинъ; морской рыбакъ, приставая съ ловомъ къ берегу, смотритъ, не отсырѣлъ ли порохъ на полкѣ карабина; осторожный путешественникъ, садясь въ дилижансъ, заботится объ исправности кондукторова карабина. Въ горахъ Калабріи и Корсики каждая хорошая жена умѣетъ проворно заряжать ружье своего мужа, когда, въ слѣдствіе давнихъ или недавнихъ грѣховъ, придется ему отстрѣливаться отъ сбирровъ изъ Козенцы, отъ вольтижеровъ изъ Бастіи: но у Испанки-Герпльяса былъ свой карабинъ, котораго дуло она клала на плечо мужа или любовника, и мѣтила въ непріятеля. Въ Испаніи нерѣдки карабины старой формы съ узорчатой насѣчкой изъ серебра или слоновой кости. Иной карабинъ извѣстенъ во всей округѣ по своей добротѣ, потому-что изъ него убитъ разбойникъ, бывшій страхомъ всей округи, или потому, что карабинъ служилъ этому разбойнику. Не одинъ старый Испанецъ оставилъ сыну свой карабинъ съ завѣтомъ не продавать его ни за какія деньги, чистить его каждое воскресенье, и все за одинъ удачный выстрѣлъ, когда-то выплатившій вполнѣ кровавый долгъ Испанца. Нерѣдко Испанецъ, чтобъ не похитили у него карабина, вѣшаетъ его на цѣпи, какъ въ библіотекахъ Среднихъ-вѣковъ вѣшали манускрип-

ты съ яркими, чудными рисунками въ началѣ каждой главы.

Испанія доставляла Римлянамъ мечи такой доброты, что, по мнѣнію однаго древняго писателя, Испанцы ковали свои мечи изъ желѣза, лежавшаго въ землѣ до тѣхъ поръ, пока ржавчина не съѣдала его слабѣйшихъ частицъ. Толеда доставляла Маврамъ лучшія кольчуги и сабли. Толедскіе клики висѣли при бедрѣ придворныхъ Людовика XIV и нобилій Итальянскихъ республикъ. Но въ 1808 году Испанія могла похвалиться только закаломъ своихъ ножей, ужаса путешественниковъ, и которые въ рукахъ Герильясовъ были гибельны для Французовъ не меньше карабина. Альбасетъ, городокъ въ Мурціи, славится по всей Испаніи ножами лучшаго закала. Притомъ Альбасетъ съ такими закоулками, что Испанцу, купившему ножъ, не надо далеко итти, чтобъ безъ опасенія испытать надъ прохожимъ доброту своей покупки. Зайдите къ продавцу ножей. Онъ разложитъ ихъ передъ вами цѣлыми грудами различной длины и ширины, и, если хотите, скажетъ вамъ, какъ употреблять ножъ, сообразно его величинѣ. «Когда caballero «дорого цѣнитъ свою кровь и не хочетъ больше видѣть глазъ своего непріятеля—какаго-нибудь еретика, «*новаго христіанина;* то лучше не надо этаго маленькаго ножа. Правда, онъ немножко больше перочиннаго ножика, но стоитъ только крѣпче схватить «рукоятку и наровить концемъ въ спину между

«плечь: *онъ* не повернетъ головы, чтобъ показать «свои глаза тому, кто не хочетъ видѣть его глазъ. «Этотъ маленькій ножъ точно такой длины, ка- «кая нужна для того, чтобы при ударѣ въ спину «между плечь конецъ дошелъ до сердца.... О! я «вижу, что caballero *старый* христіанинъ, не любитъ «смотрѣть въ спину своему непріятелю. Вотъ ножъ «для удара спереди: только стоитъ его концемъ ко- «снуться груди, повести руку внизъ, и желудокъ у «ногъ caballero! Притомъ этотъ navajo можно спря- «тать за пазуху какъ сигару; но когда у caballero «есть красавица съ слабыми нервами, которой не нра- «вится пазуха съ ножемъ, тогда caballero можетъ «опустить его въ сапогъ правой ноги, разумѣется, «рукояткой вверхъ, чтобъ въ случаѣ надобности сто- «ило только протянуть руку по шву и немножко на- «клониться.... Можетъ быть, caballero хочетъ просла- «виться въ глазахъ Католическаго короля и всѣхъ Ма- «дритскихъ красавицъ: вотъ navajo, который можно «смѣло скрестить съ рогами Андалузскаго быка... «Можетъ быть, caballero не любитъ, чтобъ къ нему на «улицѣ, на дорогѣ подходили слишкомъ близко до- «брые и недобрые люди: вотъ navajo такой величи- «ны, что и *старый* христіанинъ, увидя его рукоятку, «торчащую изъ-за пазухи caballero, скорѣе возметъ въ «сторону, нежели рѣшится посмотрѣть, каковъ клинокъ у такой рукоятки....» Вообще эти ножи худой рабо- ты, но драгоцѣнны по своему закалу; трудно при- тупить конецъ такаго ножа, который прорѣзываетъ

съ однаго раза немелкую серебреную монету. Рукоятка дѣлается изъ кости или твердаго дерева, и убивается металлическими гвоздиками; обыкоовенно на желѣзѣ и на рукояткѣ начертывается ликъ святаго, изрѣченіе изъ священнаго писанія. Лучшіе ножи дѣлаются съ пружиной, которою высовываютъ изъ рукоятки полосу ножа длинную и острую. Французъ, отнявши такой ножъ у гериньяса, съ трудомъ находилъ средство заставить эту полосу уйти въ рукоятку. Полоса казалась языкомъ тигра, который, высунувшись изъ пасти, хочетъ не прежде спрятаться въ пасть, какъ отвѣдавши крови. Каждой Испанецъ съ-малолѣтства привыкаетъ дѣйствовать ножемъ, какъ орудіемъ для него необходимымъ, какой бы образъ жизни онъ ни избралъ, въ какой бы уголъ Испаніи судьба ни забросила его: ножемъ онъ защищаетъ свою жизнь отъ враждебной ему политической партіи; ножемъ онъ доставляетъ себѣ правосудіе, въ которомъ отказали ему законы или судьи; застигнутый ночью на дорогѣ, вынимаетъ свой ножъ, когда при лунномъ свѣтѣ ему привидится Мавръ, вышедшій изъ могилы отдохнуть на развалинахъ своего замка. Испанецъ не отрѣжетъ своимъ ножемъ куска мяса, ломтя хлѣба: онъ бережетъ свой ножъ противъ человѣка, и тому, кто знаетъ, какъ Испанцы въ войну за независимость дѣйствовали ножами, понятенъ Палафоксовъ отвѣтъ Французскому генералу, предложившему сдать Сарагоссу. Война на ножахъ, отвѣчалъ Палафоксъ.

У нѣкоторыхъ изъ герильясовъ въ-замѣну пики лежала на плечѣ каксинопа, толстая, суковатая палка, отъ 6 до 8 футовъ длиною, прославившаяся въ междоусобныя смуты 1820 года, когда Испанскіе ультра-роялисты вооружась ею и гонялись по улицамъ за либералами, какъ жители Лондона при Карлѣ II, во время такъ называемаго католическаго заговора съ дубинами гонялись по улицамъ за католиками. Если Герильясы находили въ какомъ нибудь городѣ пушку, забытую правительствомъ, и съ которой, отъ окончанія войны за Испанское наслѣдство, никто не трудился смахивать пыли; то брали ее съ собой на войну, хоть изъ нихъ никто не умѣлъ зарядить пушки, хоть у нихъ не было пушечныхъ зарядовъ—но Герильясы надѣялись встрѣтить прежде, нежели дойдутъ до Французомъ, такаго смышленаго Испанца, который знаетъ, какъ убиваютъ изъ пушекъ; чтожъ касается до пушечныхъ снарядовъ, то они были увѣрены, что въ первомъ сраженіи отнимутъ ихъ у Французовъ. Въ-послѣдствіи начальники Герильясовъ старались вооружить свои партіи Англійскими ружьями, предпочитая ихъ Французскимъ, которыя, будучи полированы, придаютъ солдатамъ больше воинственнаго вида, нежели Англійскія воронеными; за то вороненыя ружья удобнѣе содержать въ исправности, и при совершеніи скрытыхъ переходовъ они не измѣняютъ своимъ блескомъ, какъ ружья полированныя. Въ лѣтнее время большая часть Герильясовъ носили патроны въ подолахъ рубашекъ. Многіе носили сумки на

груди, чтобъ можно было чаще стрѣлять, и чтобъ въ жару сраженія меньше терять патроновъ. Правда, что патроны въ сумкахъ на груди легко могли во время перестрѣлки загорѣться отъ неосторожности; но люди въ стрѣлкахъ всегда осмотрительнѣе дѣйствуютъ ружьемъ, нежели въ строю, а герильясы почти никогда не сражались строемъ.

Древніе писатели превозносятъ породу Испанскихъ лошадей. На Испанскихъ лошадяхъ Римскіе всадники гонялись за Піктами, выдерживали натиски Парѳянъ. Испанскіе жеребцы ржали передъ тріумфальными колесницами императоровъ. Съ нашествія Мавровъ кровь Арабскихъ бѣгуновъ еще возвысила породу Испанскихъ лошадей. Вильгельмъ-завоеватель при Гастингсѣ сражался на Испанской лошади, имѣвшей еще то достоинство, что подъ какимъ-то рыцаремъ она совершила путешествіе ко гробу св. Іакова Компостельскаго. По окончаніи войнъ съ Маврами Испанскія лошади видимо стали упадать. Это приписывается размноженію муловъ. И потому еще Филиппъ II въ началѣ своего царствованія хотѣлъ ограничить закономъ употребленіе муловъ; слѣдующіе короли не жалѣли усилій возвратить переродившейся породѣ Испанскихъ лошадей ея прежнее благородство и подтверждали помянутый законъ Филиппа II; но побѣда осталась на сторонѣ муловъ: то была побѣда, одержанная вещественными выгодами надъ преданіями о военной славѣ! Мулы замѣнили лошадей въ вер-

ховой ѣздѣ, за плугомъ, въ почтовой гоньбѣ и въ перевозкѣ тяжестей. Одинъ изъ Испанскихъ писателей Среднихъ-вѣковъ говоритъ, что вооруженный всадникъ того времени съ своимъ сѣдломъ вѣсилъ до четырехъ квинтовъ, и подъ такою тяжестію Испанская лошадь совершала усиленные переходы, выдерживала длинныя сраженія; теперь лучшая Андалузская лошадь не вынесетъ этой тяжести. Съ уменьшеніемъ своихъ достоинствъ Испанскія лошади уменьшились и въ числѣ: при Филиппѣ IV Испанія могла вывести въ поле до 70,000 кавалеріи; потерявши свою пѣхоту отъ руки Конде и не умѣя создать новой, еще могла своими конными regimentos равняться съ лучшей кавалеріей того времени. Въ 1808 году вся Испанская армія не превосходила своимъ числомъ кавалеріи Филиппа IV; но военное министерство съ большимъ трудомъ ремонтировало небольшое число кавалерійскихъ полковъ, посаженныхъ на такихъ лошадей, хуже которыхъ не было ни въ одной Европейской кавалеріи 1808 года. Подъ кираспрами были лошади, едва годныя для легкой кавалеріи. Только Андалузская лошадь своей быстротой и огнемъ глазъ напоминаетъ о своемъ происхожденіи отъ Арабскихъ бѣгуновъ; легко свыкается съ своимъ всадникомъ; покорна до того, что боязливыя женщины безъ опасенія ввѣряютъ ей себя и своихъ дѣтей. Это подало случай одному путешественнику замѣтить, что въ Андалузіи лошади образованнѣе людей. Англичане и Французы напрасно перевозили черезъ океанъ и переводили черезъ Пире-

пей Андалузскихъ лошадей: онѣ отъ перемѣны климата и корма въ нѣсколько мѣсяцевъ теряли свои лучшія достоинства.

Уменьшеніе въ числѣ и перерожденіе Испанскихъ лошадей тѣмъ удивительнѣе, что почти каждый достаточный Испанецъ держитъ верховую лошадь; каждый Испанецъ ѣздокъ и предпочитаетъ кавалерійскую службу пѣхотной. Этому предпочтенію находятъ еще другую причину: у Испанской пѣхоты нѣтъ національнаго саро, и Испанскій пѣхотинецъ даже въ знойной день завистливыми глазами провожаетъ кавалериста, закутаннаго въ его саро. Только тотъ изъ герильясовъ былъ пѣшкомъ, у кого не было лошади, мула или осла, съ которымъ справедливо поступилъ Сервантесъ, давши ему видное мѣсто въ своемъ романѣ, какъ первому товарищу и семейной и бродяжнической жизни Испанца. При видѣ герильяса изъ Андалузіи, въ его областной полурыцарской одеждѣ, на Андалузскомъ бѣгунѣ, гордомъ и дикомъ какъ его всадникъ, вы подумаете, что это паладинъ, выѣхавшій на рыцарскія игры; при видѣ збруи увѣшанной звонками, высокаго неуклюжаго сѣдла, деревянныхъ, обитыхъ желѣзомъ коробокъ, служащихъ въ одно время стременами и шпорами, вы подумаете, что эту збрую и сѣдло паладинъ отнялъ у Мавра вмѣстѣ съ бѣгуномъ: такъ много въ конскомъ уборѣ Арабскаго, такъ много Арабской крови въ Андалузскихъ бѣгунахъ. Но большая часть герильясовъ не могла похвалиться

ни лошадьми, ни конскимъ уборомъ. Кожаная подушка, набитая шерстью, замѣняла сѣдло; изъ веревокъ были стремена; изъ веревки была узда.

Въ началѣ войны духовенство, раздѣляя съ герильясами увѣренность въ побѣдѣ, вынесло вмѣсто знаменъ изображенія мадонъ въ коронахъ съ алмазами, съ поясами изъ кованаго золота, въ бархатныхъ одеждахъ, ушитыхъ жемчугомъ. Не меньше одежды, и оружія герильясовъ были разнообразны; ихъ знамена—изъ матеріи самаго яркаго цвѣта, большею частію подаренныя женскими монастырями. На каждомъ знамени была надпись, больше или меньше выражавшая ненависть къ Французамъ и жажду ихъ крови. Между Кастильскими львами и башнями встрѣчались эмблеммы Арабовъ: пальма, сабля, полумѣсяцъ. Были знамена, на которыхъ, вмѣсто вышитаго герба, деревенскій живописецъ изобразилъ высокую башню, окруженную многочисленной стражей со штыками и пушками; вверху башни узкое окно съ желѣзной решеткой; въ окнѣ голову человѣка съ короной. Въ-низу была надпись: «молитесь и сражайтесь за избавленіе изъ темницы нашего короля Фердинанда VII.» Св. Христофоръ, встрѣчающійся почти въ каждой Испанской церкви, не былъ забытъ на знаменахъ герильясовъ! Наполеонъ своимъ декретомъ уничтожилъ инквизицію; а герильясы, въ доказательство, что презираютъ его декретъ, вышили на своихъ знаменахъ гордый гербъ инквизиціи. Иногда герильясы вмѣсто знамени во-

зили высокій деревянный крестъ, обыкновенно поручаемый храбрѣйшему изъ монаховъ-герильясовъ. Иногда вмѣсто знаменъ прикрѣпляли къ древкамъ образа, обыкновенно взятые изъ церкви или монастыря. Между этими образами были изображенія мучениковъ кисти Риберо, святые иноки Зурбарано, божественныя дѣвы и юноши Мурилло. Они, потемнѣвшіе отъ времени на церковныхъ или монастырскихъ стѣнахъ, возвышаясь надъ толпами герильясовъ, подверглись обидамъ воздушныхъ перемѣнъ, ударамъ желѣза и свинцу. Одни, растерянные герильясами въ сраженіяхъ, истлѣли съ трупами людей и коней, унесены вешней водой, другіе съ рубцами отъ конскихъ подковъ, съ дырами отъ пуль, прохватившихъ полотно, украшаютъ въ Парижѣ залы Наполеоновыхъ полководцевъ.

Каждая толпа герильясовъ, даже не имѣя ни одного ружья со штыкомъ, не зная исполненія ни по одному командному слову, даже униженная до ремесла разбойниковъ, непремѣнно хотѣла имѣть барабанъ, чтобы чѣмъ-нибудь походить на регулярное войско. И если герильясъ, носившій барабанъ, хоть немного умѣлъ владѣть барабанными палками, то толпа герильясовъ съ большою важностію проходила черезъ города и селенія, презрительнѣе смотрѣла на Французовъ. Даже и пожилые Испанцы охотнѣе приставали къ той толпѣ герильясовъ, у которой былъ барабанъ, иногда подаренный Англичанами, чаще отнятый у Французовъ, и котораго чистая бѣлая кожа, бле-

стящіе жестяные ободы еще больше выказывали лохмотья и заплаты на одеждѣ герильясовъ. Военная музыка герильясовъ напоминала музыку на свадьбахъ Африканскихъ Арабовъ, которой звуки такъ дики, что самое наслажденіе, съ какимъ Африканскіе Арабы слушаютъ свою музыку, уже достаточно показываетъ, какъ велико разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ Европейцевъ. Военную музыку герильясовъ составляли: sambombe, родъ барабана, котораго пронзительные звуки заглушали голосаословъ, возившихъ Герильясовъ; dulzaine, родъ флейты съ однимъ отверстіемъ, издающей рѣзкіе жалобные звуки, изъ которыхъ нельзя составить ни одной аріи; caracol, рогъ, употребляемый жителями Валенціи, особливо жителями Гуэрты. Во дни мятежей и междоусобныхъ смутъ, звуки караколи имѣютъ надъ Валенціанами силу возмутительныхъ рѣчей и прокламацій. Въ эти дни звуками караколя выражаются три слова: грабежъ, убійство, зажигательство. Испанское правительство неразъ отбирало у Валенціанъ этотъ инструментъ и строго запрещало его продажу. Даже нѣкоторые изъ жителей Гуэрты были осуждены на смерть за то, что ихъ застали трубящими въ караколь. Не смотря на строгія мѣры правительства, въ первый мятежъ, въ первую междоусобную смуту, попрежнему звучалъ въ Валенціи любимый рогъ, и попрежнему его звуками выражались три слова: грабежъ, убійство, зажигательство. При звукахъ караколя Валенціане совершили возстаніе 1808 года, умертвили

триста безоружныхъ Французовъ, отразили Монсея, и звуки этаго рога далеко провожали отступающаго маршала. Такъ была дика, нестройна музыка гарильясовъ, что чужестранецъ, слушая ее, начиналъ бояться тѣхъ людей, которые извлекали подобные звуки, и тѣхъ людей, которые находили удовольствіе слушая ихъ. Въ началѣ войны гарильясы думали, что уже побѣда въ-половину одержана, если они успѣвали подкрасться къ Французамъ, внезапно оглушить ихъ своею музыкою, и имъ, хватающимся за оружіе, вдругъ показать всѣ свои знамена съ львиными мордами, съ рогами полумѣсяца, съ великанами и башнями.

Путешествующіе въ дилижансѣ, среди Испанской пустыни, нерѣдко слышатъ звуки гитары: то одинокій странникъ прогоняетъ ими скуку отдыха въ безлюдной сторонѣ. Отъ полуночи до утренней зари на улицахъ города раздаются звуки гитаръ — гдѣ веселые, гдѣ печальные: ревнивому мужу въ-просонкахъ чудится веревочная лѣстница, онъ вскакиваетъ и смотритъ въ окно; молодая Испанка поднимаетъ голову въ одинокой постели, и облокотясь на изголовье, вслушивается, не тѣ ли это звуки, которые должны служить условленнымъ знакомъ ночнаго свиданія. Рыбакъ звуками гитары, выражающими его радость или печаль отъ удачнаго лова, отвѣчаетъ морю, шумящему у его ногъ, морскимъ птицамъ, кричащимъ надъ его головой. Пастухъ-путешественникъ хочетъ зву-

ками гитары остановить молодую Испанку, проходящую близъ его привала, такъ поэтически описаннаго въ послѣднемъ Абенсерагѣ. Гитара виситъ возлѣ карабина съ-боку лучшаго контробандистова мула. Гитара виситъ на стѣнѣ гидалгосова дома возлѣ шпаги, о длинѣ которой мы знаемъ изъ Испанскихъ романовъ. Испанскіе живописцы изображаютъ ангеловъ играющими на гитарахъ. На Испанца, внѣ отечества, звуки гитары наводятъ тоску по родинѣ. Французы, преслѣдуя герильясовъ, всегда находили нѣсколько гитаръ, оставленныхъ бѣгущими вмѣстѣ съ оружіемъ и ранеными. Если герильясы хотѣли показать непріятелю, что не боятся его, то, подойдя къ его передовымъ постамъ, играли на гитарахъ. Нерѣдко герильясъ бралъ гитару на-часы въ передовую цѣпь, и въ то время, какъ, прогоняя скуку или сонъ, бѣгалъ пальцами по струнамъ, его глаза зорче прежняго обѣгали ту часть мѣстности, по которой непріятель могъ подкрасться къ нему. Начальники герильясовъ, чтобы привлечь къ себѣ подчиненныхъ, старались доставать для нихъ лучшія гитары и замѣнять потерянныя. Во время сраженія любимая гитара поручалась храненію герильяса извѣданной храбрости—и не одинъ подвигъ мужества былъ совершенъ для спасенія отъ рукъ Французовъ любимаго инструмента.

VI.

Англійская армія. Французская армія. Начало герильясовъ.

Англія всегда любила испытывать свои силы на Пиренейскомъ полуостровѣ. Ея войска никогда не опаздывали приставать къ его берегамъ, какъ-скоро Французскія знамена показывались по ту сторону Пиренеевъ. Но послѣ Тильзитскаго мира казалось, что Англійской арміи недолго суждено нѣжиться въ своихъ великолѣпныхъ казармахъ, протянутыхъ по берегу моря, наблюдать, чтобъ ни одинъ утесъ безъ Англійскихъ часовыхъ не смѣлъ высовываться изъ океана, и только съ кораблей видѣть твердую землю Европы. Юношей встрепенулась *старая* Англія, когда возстаніе Испанцевъ внезапно открыло ей военное поприще, знакомое ея предкамъ, достойное ненависти ея аристократовъ къ Наполеоновой Франціи. Отъ робкаго укрѣпленія своихъ береговъ, Англія быстро перешла къ наступательной войнѣ, вывела въ поле генераловъ, видѣвшихъ гарнизоны, но невидавшихъ арміи; офицеровъ, купившихъ свои чины съ правомъ перепродажи; солдатъ, изъ нищихъ и черни, привлеченныхъ подъ знамена блескомъ гиней и наслажденіями тавернъ, и содержимыхъ въ повиновеніи плетью о семи концахъ. Галлебарды еще возвышались надъ штыками Англійской пѣхоты. Ни пикъ, ни кирасъ не было у кавалеріи, посаженной на лошадей, пропшедшихъ, отъ

смѣшенія породъ Саксонской съ Норманскою на лошадей съ отрубленными хвостами, хотя войны, веденныя Англіею по большой части въ жаркихъ климатахъ, должны бы были доказать ея генераламъ, какъ лишеніе хвоста вредно для боеваго коня. Чистота, нерѣдко безвременная, наблюдалась до такой степени, что Англійскія колонны, идущія на непріятеля, казались войскомъ, только-что вышедшимъ изъ казармъ и идущимъ на плацъ-парадъ. За Англійской арміей тянулись безконечные обозы съ палатками, чтобъ ее защищать на бивакахъ отъ Испанскаго солнца, съ кухнями, женскими свитами генераловъ и офицеровъ; бѣжали псовыя охоты лордовъ, или стада козъ, чтобъ было молоко къ чаю. Между-тѣмъ корабли неслись къ Пиренейскому полуострову съ хлѣбомъ изъ Сѣверной Америки, съ ромомъ изъ Вестъ-Индіи и съ волами изъ Іорк-шира—и все это для Англійской арміи. Она, роскошничая какъ войска Кировыхъ наслѣдниковъ, сражалась какъ ихъ побѣдители. Она не измѣнила себѣ, поѣдаемая заразой въ Остендскихъ болотахъ, разпмая Французскими батареями при Ватерлоо; съ одинаковымъ мужествомъ выходила на дикарей въ дремучихъ лѣсахъ Сѣверной-Америки и совершала походы въ Остъ-Индіи, гдѣ пламенное солнце нерѣдко отнимаетъ силу зарядить ружье, тигръ прибѣгаетъ отвѣдать часоваго, слонъ приходитъ поиграть пушками.

Англійскіе эскадроны, запивши ромомъ свой бифстексъ, пускаясь на непріятеля, не подавали на-

задъ своихъ лѣвыхъ рукъ. Но Англичане отличные конюшіе, а не кавалеристы, и вовсе не подозрѣваютъ хитростей партизанской войны, хотя казалось, что Англичане, при своемъ неспокойномъ характерѣ, при своей охотѣ странствовать, должны бы были любить бродяжническую жизнь партизановъ; хотя, при видѣ полковъ изъ Шотландскихъ горцевъ, казалось, что партизаны герцога Монтроза, при звукахъ волынокъ, встали изъ своихъ могилъ, одѣтыхъ кустарниками Иверпеса; хотя въ Англійской арміи было множество Ирландскихъ католиковъ, поступившихъ на службу изъ мятежниковъ, искусившихся въ партизанскихъ набѣгахъ, которыми они мстили Англичанамъ за угнетеніе католицизма и за потерю Ирландской народности. Какъ въ войну за Испанское наслѣдство, такъ и въ войну за Испанскую независимость, Англійскіе отряды не присоединялись къ народнымъ партизанамъ. Вообше Англійскіе генералы не любили стыдить непріятеля нападеніемъ въ-расплохъ, удивлять его засадами—и, въ этомъ отношеніи, Веллингтоновы дѣйствія въ Испаніи представляютъ разительное сходство съ дѣйствіями Галловая и Старенберга противъ Филиппа V.

Видѣли ли вы Наполеонову армію, ея гренадеръ, въ медвѣжьихъ шапкахъ, съ бѣлыми четвероугольными отворотами, идущихъ на непріятеля безъ волненія, безъ опрометчивости, не шевеля головами, и такъ вѣрно сохраняющихъ направленіе, какъ будто бы шли

между двухъ протянутыхъ веревокъ?.. Вдругъ шаги замедлились; головы потеряли неподвижность; радостный шопотъ побѣжалъ по рядамъ, ружья вздрагиваютъ на плечахъ, штыки звѣнятъ надъ шапками, ударяясь другъ въ друга; шапки наклоняются—каждый хочетъ видѣть подъѣхавшаго Императора! — то были живые бастіоны. Видѣли ли вы Французскихъ копѣйщиковъ всѣхъ цвѣтовъ, съ яркими значками, латниковъ съ гребнями касокъ, висящими какъ длинный пучокъ волосъ на головѣ Индѣйскаго воина—то былъ топычущій ураганъ! Если вы видѣли Наполеонову армію, то она врѣзалась въ вашу память, какъ въ память путешественника Египетскія пирамиды съ Эѳіопскимъ племенемъ, движущимся у ихъ основанія; съ орлами, кричащими на ихъ вершинахъ, съ караваномъ, тянущимся въ дали.

Блескъ и сила Французской арміи соотвѣтствовали генію ея государя, о которомъ, въ баснословныя времена, сказали бы, что это богъ войны, принявшій образъ смертнаго. Первое поколѣніе XIX столѣтія, удивленное ударами Французской арміи, называло Францію отечествомъ побѣдъ. Французская армія заключала въ себѣ лучшій цвѣтъ Франціи, для котораго смерть на войнѣ была природною смертію; лучшій цвѣтъ, замѣнившій вѣрованія предковъ чувствомъ чести, обнимаемый священнымъ трепетомъ при видѣ своихъ орловъ, помнившій прокламаціи своего императора какъ слова молитвъ, выученныхъ

въ дѣтствѣ, прокламаціи, отъ которыхъ въ ночь передъ сраженіемъ снились побѣды. Итальянцы принца Евгенія не походили на тѣ бѣдныя арміи, которыя нѣкогда составлялись изъ Итальянскихъ поколѣній, изнѣженныхъ, за исключеніемъ Калабрцевъ и Піемонтцевъ, укрѣпляемыхъ для войны воздухомъ горъ. Послушны и хладнокровны были въ дѣлѣ солдаты Рейнскаго-союза. Наполеонъ неразъ превозносилъ мужество Нѣмецкихъ офицеровъ, большею частію изъ дворянъ. Нѣмецкое дворянство произвело немного первокласныхъ полководцевъ; но, продолжая большею частію обитать въ замкахъ предковъ, оно сохранило больше феодальнаго духа, и слѣдственно любви къ войнѣ, нежели дворянство другихъ государствъ, и въ каждую войну надѣляло Нѣмецкія войска офицерами и генералами, бросавшимися на непріятеля впереди своихъ солдатъ. Напомнная Арабовъ, въ одно время переходившихъ Пиренеи и переплывавшихъ Геллеспонтъ, Наполеонова армія въ одно время бомбардировала Кадиксъ и прорывалась къ Русскимъ столицамъ—и вдругъ, она, извѣстная какъ солнце, погибла какъ тайна, для которой довольно однаго неосторожнаго слова, чтобъ погибнуть навсегда! Остатки Наполеоновой арміи казачья пика провожала къ границамъ Сибири! Послѣ бѣднаго племени Южно-Американскихъ дикарей, взятаго чумою, остается нѣсколько словъ его языка, повторяемыхъ на вершинахъ деревъ освободившимися попугаями: отъ Наполеоновой арміи осталось нѣсколько инвалидовъ съ разсказами объ им-

ператорѣ; нѣсколько оружій, хранящихся въ театральныхъ гардеробахъ для мелодрамъ; нѣсколько костей, подъ обломкомъ утеса, сброшеннаго съ горы Тирольцами, и на пескахъ Египта, гдѣ онѣ, уже полуистлѣвшія, иногда указываютъ дорогу странникамъ, углубившимся въ степи.

Латникъ на конѣ, потоптавшемъ много штыковъ, пробившемъ подковами много головъ; гренадеръ въ мундирѣ, потертомъ прикладомъ почетнаго ружья съ серебряными насѣчками, въ началѣ войны встрѣчали герильясовъ съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ феодальные бароны встрѣчали перчаточниковъ, мясниковъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, вышедшихъ на войну безъ кольчугъ, съ пиками, ножами, топорами. Между-тѣмъ, какъ бароны, стыдясь скрещивать свои мечи съ оружіемъ неблагороднымъ, хотѣли размозжить имъ головы своими желѣзными перчатками, нерѣдко пика находила одно изъ двухъ отверстій, оставленныхъ въ наличникѣ барона для глазъ и для дыханья; желѣзный крюкъ зацѣплялся сзади за латы барона и нагибалъ его голову къ хвосту его коня; карманная пила скоро перерѣзывала серебряныя цѣпочки, которыми шлемъ привязывался къ латамъ; шлемъ падалъ и горло открывалось. Ножъ подрѣзывалъ жилы у ногъ баронова коня; конь и баронъ, оба обложенные желѣзомъ, оба неповоротливые, падали къ ногамъ феодальнаго васалла, который, обходя кругомъ этой желѣзной массы, рубилъ ее съ плеча то-

поромъ, схваченнымъ въ обѣ руки, и между-тѣмъ раздавались жалобные крики барона, умолявшаго пзбавить его отъ срама смерти подъ ударами какаго-нибудь перчаточника. или мясника.

На войнѣ съ герильясами, впервые сознались старые Наполеоновы батальоны, что и для нихъ на войнѣ есть невозможное: въ крови герильясовъ впервые поскользнулся Наполеонъ.

Во Французскомъ войскѣ было немного офицеровъ и солдатъ, помнившихъ возстаніе Павіи и Венеціанскихъ областей въ первый Итальянскій походъ, офицеровъ и солдатъ, сражавшихся въ Египтѣ и въ Калабріи, слѣдственно знавшихъ, что въ непріятельскомъ государствѣ, кромѣ его арміи и арміи союзниковъ, могутъ явиться другіе непріятели, вышедшіе изъ степей, сошедшіе съ горъ, пройденныхъ побѣдителемъ, или бѣжавшіе изъ домовъ и хижинъ, занятыхъ имъ. Наполеоновы солдаты знали однѣ Германскія войны, въ которыя, по разбитіи непріятельской арміи, жители не оставляли домовъ, даже старались предупредить желаніе побѣдителей: небольшой отрядъ спокойно занималъ многолюдные города; безоружный солдатъ распоряжался цѣлымъ селеніемъ; раненые, больные охотнѣе оставались въ домахъ на попеченіи хозяевъ, нежели поступали въ гошпитали. Эти Наполеоновы солдаты, никогда не воображавшіе, что можетъ быть непріятель безъ эполетъ и безъ киверовъ, отды-

хавшіе въ Сѣверной-Германіи отъ похода за Вислой, получили повелѣніе итти въ Испанію. Они обратились къ знающимъ людямъ съ вопросомъ: есть ли виноградъ въ Испаніи? потому-что Наполеоновы солдаты дѣлили Европу на двѣ части: первая, гдѣ родится виноградъ; вторая, гдѣ онъ не родится. Узнавъ, что Испанія принадлежитъ къ первой части Европы, они, проходя черезъ города, останавливались передъ винными погребами съ вопросомъ: какія лучшія вина въ Испаніи? и радовались, что вмѣсто Померанскаго пива и кислаго Наумбургскаго вина будутъ пить ксересъ, аликанте. По приказанію Наполеона, Французскіе префекты, меры, съ многочисленной депутаціей отъ жителей, при входѣ войскъ въ города, встрѣчали ихъ привѣтственными рѣчами; на счетъ городовой казны давали балы и ужины офицерамъ; подъ тѣнью бульваровъ или загородныхъ рощъ угощали рядовыхъ; при выходѣ изъ города, войска выслушивали вторую рѣчь префекта или мера, благодарившаго ихъ за то, что удостоили въ одинъ день скушать многонедѣльный доходъ городской казны. Не смотря на эти рѣчи, балы и угощенія, жители деревень и Наполеоновыхъ *добрыхъ* городовъ письменно и словесно жаловались на худое поведеніе войскъ: трехцвѣтныя знамена, развѣвавшіяся на колокольняхъ Французскихъ деревень, не защитили отъ своеволія войскъ ни погребовъ, ни домашнихъ птицъ; солдаты, какъ Французскіе, такъ и Рейнскаго-союза, не могли понять, почему они того не должны были позво-

лять себѣ во Франціи, что безнаказанно позволяли себѣ въ Германіи. По переходѣ черезъ Испанскую границу, они такъ быстро шли отъ побѣды къ побѣдѣ, что не успѣли постигнуть различія между жителями Испаніи и Германіи. По сдачѣ Мадрита, всѣ были увѣрены, что завоеваніе Испаніи кончено; и когда ихъ, раздѣля на отряды, размѣстили по Испаніи, какъ для удобности продовольствія, такъ и для удержанія жителей въ повиновеніи, то думали, что они остаются въ Испаніи только для отдыха передъ походомъ въ Англію. Въ началѣ каждой войны, прокламаціи объявляли солдатамъ, что они идутъ побѣдить Англію; и потому они были увѣрены, что въ Египтѣ однѣ песчаныя степи, въ Булонскомъ лагерѣ одно море мѣшали имъ побѣдить Англію. Наполеоновы солдаты въ дома Испанцевъ пришли для квартированія съ презрѣніемъ къ Испанцамъ, за то, что ихъ арміи сражались хуже Австрійцевъ, нелучше Прусаковъ; пришли съ требованіями на покорность, внушенными привычкой побѣждать, и съ тѣмъ своеволіемъ, къ которому пріучила ихъ уступчивость жителей Германіи, и которое не было умѣрено наказаніями при переходѣ черезъ Францію; и наконецъ пришли съ увѣренностію, что нѣтъ никакой надобности щадить жителей, потому-что расположились на квартирахъ только для кратковременнаго отдыха передъ походомъ въ Англію.

Изъ предписаній Мюрату видно непремѣнное желаніе Наполеона учредить въ Испаніи магазины

для продовольствія Французскихъ войскъ; но быстрота событій не дала Мюрату времени выполнить Наполеоново желаніе; потомъ, отъ внезапности возстанія и отъ войны герильясовъ, учрежденіе магазиновъ стало невозможнымъ, и потому, со дня вступленія въ Испанію, Французскіе солдаты продовольствовали себя сами найденнымъ у жителей; и эта система реквизиціи оставалась въ полной силѣ при размѣщеніи войскъ по квартирамъ, и ея гнетъ увеличился отъ недостатковъ Французской военной администраціи. Она, образованная для управленія завоеванными областями, богатыми и покорными, не годилась для арміи, занимавшей области такаго государства, гдѣ жители смѣли неповиноваться побѣдителямъ. Даже Французская военная администрація, въ Испаніи быстро преобразованная соотвѣтственно обстоятельствамъ, могла принести пользу только тогда, когда бы Французское правительство не ограничилось одними обѣщаніями, что жителямъ будетъ заплачено за продовольствіе Французскихъ войскъ, а платило бы безъ торга и безъ замедленія. Нѣсколько милліоновъ, брошенныхъ кстати, безъ всякаго сомнѣнія уменьшили бы ненависть и сопротивленіе Испанцевъ. Со временъ Фердинанда-католическаго, Испанское правительство встрѣчало неодолимыя затрудненія при каждой своей попыткѣ ввести правильную систему налоговъ. Въ этомъ не имѣли успѣха и лучшіе министры лучшаго изъ Испанскихъ Бурбоновъ, Карла III. И-такъ неудивительно, что всѣ усилія ввести въ Испанскія области, за-

нятыя Французами, правильную систему военныхъ наборовъ были безуспѣшны или имѣли кратковременный успѣхъ; и Французская военная администрація должна была ограничить свои дѣйствія продовольствіемъ корпусныхъ и дивизіонныхъ штабовъ; каждый полкъ, каждый отрядъ продовольствовалъ себя какъ могъ.

Испанецъ не терпитъ принужденія; не меньше Китайца избѣгаетъ сообщенія съ иностранцами; если можетъ, то подобно какому-нибудь Марокскому пашѣ, принимаетъ иностранца при входѣ въ свой домъ, не для того, чтобъ этимъ оказать почтеніе гостю, но чтобы избѣжать неудовольствія видѣть иностранца внутри своего дома—и къ этому Испанцу пришли квартировать Наполеоновы солдаты съ своими требованіями и своеволіемъ, и уже съ первыхъ дней квартированія важному Испанцу непонравилась живость Французовъ. Испанецъ скупъ, такъ скупъ, что короли Кастильскіе и Аррагонскіе пытались узаконеніями ограничить скупость своихъ подданныхъ. И этотъ Испанецъ долженъ былъ кормить даромъ иностранныхъ солдатъ, непривыкшихъ къ народнымъ кушаньямъ Испанцевъ. Народу съ такими свойствами казались невыносимыми тѣ бѣдствія войны, которыя терпѣливо выносилъ Итальянецъ, Германецъ, почитая ихъ за неизбѣжное слѣдствіе непріятельскаго нашествія. Видали Испанцевъ, которые, смотря на Французовъ, тряслись отъ злобы и такъ прокусывали себѣ губы, что выступи-

ла кровь. Надвинувъ на глаза свои sombrero, закутавшись въ свои саро, Испанцы любили провожать свистомъ Наполеоновыхъ генераловъ, разъѣзжавшихъ по улицамъ. Проходя мимо Французскихъ карауленъ, молча, распахивали свои плащи, чтобъ показать Французамъ рукоятки своихъ ножей. Отъ явнаго негодованія, съ которымъ Исцанцы раздѣляли свои дома съ побѣдителями, отъ умышленной медленности, съ которой Испанцы исполняли требованія побѣдителей, ежедневно происходили ссоры и драки. Обиды, даже грабительства, всегда обыкновенныя, когда солдатъ получаетъ продовольствіе отъ жителей, случались въ Испаніи несравненно чаще, нежели въ другихъ государствахъ. Рѣдкая ссора и драка, въ домахъ и на улицахъ, кончались безъ пролитія крови. Карабинъ и ножъ были подъ рукой Испанца, обиженнаго Наполеоновымъ солдатамъ! Нѣкоторые изъ жителей осмѣливались явно сопротивляться грабежу. Ежедневно повторялись тѣ встрѣчи, при которыхъ прежде размѣниваются ружейными выстрѣлами, а потомъ уже словами. Жители, боясь наказанія за сопротивленіе или за убійство солдата, случайное или умышленное, уходили въ ближнія сіэрры, и этимъ положили первое начало партіямъ герильясовъ. Наконецъ побѣдители увидѣли себя въ необходимости ежедневно прибѣгать къ насильнымъ поборамъ; отъ чего чаще стали происходить притѣсненія, и ежедневно большее число жителей стало уходить въ ближнія сіэрры. Французы сознаются, что дурное поведеніе ихъ генераловъ и

офицеровъ больше содѣйствовало къ поддержанію герильясовъ, нежели Англійское золото и Веллингтоновы побѣды. Испанскія области, занятыя Французами, были раздѣлены на столько округовъ, сколько было командующихъ генераловъ и офицеровъ. Каждый изъ нихъ своевольничалъ какъ настоящій паша. Не разъ Французскіе начальники сами подстрѣкали жителей къ сопротивленію, чтобы штыками смирить гордость и отучить отъ медленности, но чаще для того, чтобы имѣть предлогъ къ грабежу; и тѣ изъ жителей, которые въ началѣ терпѣливо сносили бѣдствія войны въ надеждѣ скоро избавленія, по истребленіи Испанскихъ армій, потерявши эту надежду, приставали къ герильясамъ, находя въ томъ единственное средство избавиться отъ притѣсненія и грабежа, даже находили въ этомъ единственное средство прокормить себя и свое семейство. Французскіе солдаты, положившіе оружіе при Байленѣ и обираемые Испанцами, указывали имъ на повозки и полковые ящики съ добромъ, награбленнымъ Французскими генералами, и опасеніе лишиться этаго добра было одной изъ причинъ Байленскаго договора. Въ архивахъ Французскихъ таможенъ съ 1808 по 1814 годъ можно видѣть, какъ много повозокъ, тяжело нагруженныхъ добромъ Французскихъ генераловъ, проѣхало изъ Испаніи. Не одно семейство Французскаго солдата выплатило Испанскимъ золотомъ свою долю той контрибуціи, которая была союзниками наложена на Французовъ. На стѣнѣ у Наполеонова солдата еще виситъ широкая кривая

сабля безъ рукоятки, принесенная имъ изъ Испаніи. Надпись на саблѣ показываетъ, что она принадлежала Мавру и до войны за независимость висѣла съ рукояткой, усыпанной каменьями, на стѣнѣ однаго изъ Испанскихъ соборовъ. Наслѣдникъ Наполеонова генерала хранитъ какъ рѣдкость турецкіе обои въ палецъ толщиною, блещушіе яркими красками, Персидскіе ковры, нѣкогда привозимые караванами въ Багдадъ, украшавшіе со временъ Филиппа V Испанскіе дворцы или домы грандовъ, не уступавшихъ въ роскоши своимъ государямъ.

Н. Нквѣдомскій.

ЗНАКОМСТВО ВАШИНГТОНА-ИРВИНГА СЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТОМЪ.

Разсказъ самаго Ирвинга.

29 Августа 1816 года, поздно вечеромъ, прибылъ я въ старинный пограничный городъ Селькиркъ, гдѣ и остановился ночевать.

Отправляясь изъ Эдинбурга, я намѣревался между-прочимъ посѣтить Мельрозское аббатство; но главною моей цѣлью было свиданіе съ «могучимъ пѣвцомъ Сѣвера.» У меня было рекомендательное письмо къ нему отъ поэта Кемпбелля; и судя по вниманію, оказанному Скоттомъ, къ нѣкоторымъ изъ моихъ бездѣлокъ, я имѣлъ основаніе надѣяться, что посѣщеніе мое не будетъ въ-тягость.

На другое утро, послѣ ранняго завтрака, я въ почтовой коляскѣ поѣхалъ въ аббатство.

Остановясь у воротъ Аббатсфорда (имѣнія Вальтеръ-Скотта), я послалъ туда кучера съ письмомъ и карточкою, на которой написалъ, что ѣду къ развалинамъ Мельрозскаго аббатства и желаю знать, угодно ли будетъ г. Скотту (онъ тогда не былъ еще баронетомъ) принять меня въ теченіе утра.

Между-тѣмъ я успѣлъ разсмотрѣть домъ. Онъ стоялъ недалеко отъ дороги, на скатѣ холма, склонявшагося къ рѣкѣ Твиду, и въ то время былъ просто загороднымъ домикомъ съ печатью сельской, живописной красоты. Огромное зданіе, которое нѣкоторымъ образомъ обязано существованіемъ своимъ этому скромному жилищу, только-что начинало возникать: часть стѣнъ, обставленныхъ лѣсами, уже сравнялась вышиною съ домикомъ, и дворъ его былъ загроможденъ глыбами разрубленнаго камня.

Шумъ коляски возмутилъ спокойствіе этой обители. На-встрѣчу ко мнѣ выбѣжала черная собака, сторожъ замка, и вскочивъ на одинъ изъ камней, подняла страшный лай. Это приманило цѣлый гарнизонъ голосистыхъ псовъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ явился и самъ владѣтель замка. Я тотчасъ узналъ его по описаніямъ, прежде

читаннымъ и слышаннымъ мною, и по портрету его. Онъ былъ высокаго роста, плотнаго и крѣпкаго сложенія, и одѣтъ чрезвычайно просто. Старый охотничій сертукъ со свисткомъ въ пуговичной петлѣ, полотняное изподнее платье коричневаго цвѣта, башмаки, подвязанные выше лодыжекъ, и бѣлая шляпа, на которой уже видны были слѣды долголѣтней службы—вотъ его тогдашній туалетъ.

Онъ шелъ по песчаной дорожкѣ, прихрамывая и опираясь на толстую палку; но скорость походки его свидѣтельствовала о силѣ. Возлѣ него бѣжала огромная борзая собака, темно-сѣраго цвѣта, съ необыкновенно важной осанкой: она не принимала никакаго участія въ шумной рѣзвости товарищей, и, казалось, считала обязанностію, для поддержанія чести своего дома, принять меня какъ можно учтивѣе.

Еще не доходя до воротъ, Скоттъ привѣтствовалъ меня громкимъ, ласковымъ голосомъ, и потомъ спросилъ, что дѣлаетъ Кемпбелль. Подошедши къ дверцамъ коляски, онъ радушно взялъ меня за руку и сказалъ: «выходите, выходите; вы пріѣхали очень кстати: мы напередъ позавтракаемъ; успѣете и послѣ увидѣть всѣ чудеса аббатства.»

Я сталъ отговариваться тѣмъ, что уже завтракалъ. «И, полно, отвѣчалъ онъ: проѣхаться поутру по Шотландскимъ холмамъ и подышать ихъ свѣжимъ

воздухомъ — значитъ приготовиться и ко второму завтраку.»

Меня подвезли къ домику, и скоро мы сѣли завтракать. Съ нами не было никого, кромѣ семейства хозяина; оно состояло изъ мистриссъ Скоттъ; старшей дочери ея, Софіи, прелестной дѣвицы лѣтъ 17-ти; миссъ Анны Скоттъ, которой было два или три года менѣе; Вальтера, юноши въ полномъ цвѣтѣ, высокаго молодаго человѣка, и наконецъ рѣзваго Чарльса, мальчика лѣтъ 11-ти или 12-ти.

Въ короткое время я почувствовалъ себя какъ дома; такой чистосердечный пріемъ наполнилъ сердце мое самымъ сладостнымъ удовольствіемъ. Сначала я намѣревался-было ограничить посѣщеніе свое немногими часами; но тутъ увидѣлъ, что меня едва ли отпустятъ такъ скоро. «Не думайте, что окрестности можно узнать, какъ содержаніе газеты, въ одно утро» сказалъ Скоттъ: «наблюдательный путешественникъ, долженъ непремѣнно употребить на это нѣсколько дней. Послѣ завтрака вы посѣтите Мельрозское аббатство; проводить васъ туда я никакъ не могу, потому-что долженъ заняться нѣкоторыми хозяйственными дѣлами; но даю вамъ въ проводники сына моего Чарльса, который отлично знаетъ все, что касается до развалинъ и окрестностей ихъ. Онъ и другъ мой, Джонни Боуеръ, скажутъ вамъ объ этихъ мѣстахъ всю правду и даже съ приличными дополненіями, кото-

рымъ однако же повѣрите только въ такомъ случаѣ, если вы истинный, православный антикварій. Когда вы возвратитесь, пойдемъ мы вмѣстѣ прогуляться. Завтра я покажу вамъ Ярро, а послѣ-завтра мы поѣдемъ къ прекраснымъ развалинамъ Драйбургскаго аббатства; на нихъ стòитъ посмотрѣть.» Еще Скоттъ не досказалъ всего своего плана, какъ я увидѣлъ, что посѣщеніе мое продлится еще нѣсколько дней: предо мною открывался цѣлый романическій міръ.

Позавтракахъ, я, по совѣту добраго хозяина, отправился къ аббатству съ маленькимъ Чарльсомъ, въ которомъ нашелъ чрезвычайно веселаго и пріятнаго сопутника. Объ окружныхъ мѣстахъ онъ зналъ множество анекдотовъ, слышанныхъ отъ отца, и приправлялъ ихъ разными остроумными замѣчаніями и шутками; Шотландское произношеніе и примѣсь идіотизмовъ придавали словамъ его особенную прелесть.

Я услышалъ отъ него между-прочимъ нѣкоторыя подробности о Джонни Боуерѣ. Будучи понамаремъ прихода и смотрителемъ развалинъ, онъ долженъ былъ заботиться о порядкѣ въ старинномъ аббатствѣ и показывать его любопытнымъ. Почтенный этотъ человѣкъ не безъ честолюбія въ скромной своей сферѣ. О смерти предмѣстника его объявлено было въ газетахъ, такъ-что имя покойнаго разошлось въ печати по всему краю. Джонни, вступая въ должность смо-

трителя, сдѣлалъ уговоръ, чтобы, и по его смерти, такая же честь была воздана имени его; и притомъ, чтобы извѣстіе было написано перомъ Скотта. Послѣдній очень важно обязался заплатить эту дань памяти Джонни, который съ того времени горделиво предвкушалъ поэтическое свое безсмертіе.

Я увидѣлъ низенькаго старичка пріятной наружности, въ синемъ сертукѣ и красномъ жилетѣ. Онъ встрѣтилъ насъ съ усердными поклонами, и казалось, радовался молодому товарищу моему, который съ затѣйливою веселостію старался для моей забавы выказывать его странности. Старикъ принадлежалъ къ числу самыхъ правдивыхъ и точныхъ чичероне. Онъ останавливался на каждомъ предметѣ, описанномъ въ пѣсни Послѣдняго Менестрела (Lay ot the last Minstrel), и повторялъ съ своимъ Шотландскимъ произношеніемъ всѣ мѣста поэмы, которыя сюда относились.

Такъ, проходя по монастырю, онъ указалъ мнѣ листья и цвѣты, вырѣзанные на камнѣ съ необыкновеннымъ искуствомъ; они сохранили послѣ многихъ столѣтій всю свою свѣжесть и, по словамъ Скотта, соперничествовали съ настоящими предметами, которые изображали.

Потомъ замѣтилъ онъ еще, между произведеніями рѣзной работы, прекрасную голову монахини,

передъ которой, прибавилъ онъ, Скоттъ всякій разъ останавливается съ удивленіемъ: «у шерифа рѣдкій глазъ на эти вещи.»

По-видимому, Скоттъ обязанъ былъ всеобщимъ уваженіемъ въ околоткѣ болѣе званію шерифа, нежели дарованію своему.

Послѣ узналъ я, что Скоттъ любилъ забавляться на счетъ простодушія старика и усердія, съ какимъ онъ повѣрялъ всякое слово поэмы, какъ-будто въ ней заключается чистая исторія: знаменитый Шотландецъ всегда соглашался съ нимъ безусловно.

Вымыслы Скотта сдѣлались для Джонни Боуера фактами; почти живя посреди развалинъ аббатства и безпрестанно ссылаясь на сцены изъ поэмы «Послѣдняя пѣснь Менестрела,» онъ такъ изучилъ ее, что она какъ-бы слилась неразрывно съ его существованіемъ; я даже думаю, что онъ иногда смѣшивалъ свое собственное лице съ нѣкоторыми изъ героевъ ея.

Онъ терпѣть не могъ, чтобы какое-нибудь изъ произведеній поэта было поставляемо выше «Послѣдней пѣсни.» «Поистинѣ, сказалъ онъ мнѣ, г. Скоттъ «не написалъ во всю свою жизнь ничего лучшаго: «будь онъ здѣсь, я бы сказалъ ему тоже въ лице и «онъ разсмѣялся бы!»

Онъ не могъ нахвалиться привѣтливостію Скотта. «Иногда придетъ сюда съ большой *кампаніей* (сказалъ мой чичероне) и всегда ужъ издали кричитъ мнѣ: Джонн! Джонни Боуеръ! А какъ пойдешь къ нему на встрѣчу, всегда услышишь либо шутку, либо ласковое словцо. Потомъ остановится и давай болтать со мной и смѣяться; ну точно какая-нибудь старая баба; а вѣдь подумаешь: чего-то не знаетъ человѣкъ!

Но вотъ одна изъ остроумныхъ затѣй почтеннаго человѣка, и ею онъ особенно гордился. Поставивъ посѣтителя спиною къ развалинамъ, поодаль отъ нихъ, Джони просилъ раздвинуть ноги, наклонить голову и смотрѣть такимъ образомъ назадъ. Это, по словамъ его, совершенно измѣняло видъ аббатства: «господа, приговаривалъ онъ, чрезвычайно хвалятъ эту манеру, а на счетъ женщинъ, такъ куда! все жеманятся, да только глядятъ изъ-подъ рукп.»

Одно мѣсто въ поэмѣ приводило Джонни въ крайнее недоумѣніе. Не помню, которая пѣснь начинается такъ: «Хотите ли видѣть аббатство въ настоящемъ свѣтѣ? посмотрите на него при блѣдномъ сіяніи луны. Яркіе лучи солнпа какъ-бы на-смѣхъ озлащаютъ сѣрыя развалины.»

Поэтому многіе изъ посѣтителей наиболѣе ревностныхъ недовольствовались видѣть развалины днемъ; но къ несчастію, луна свѣтитъ не всегда, а когда и свѣтитъ—

Шотландскіе облака и туманы часто мѣшаютъ ей. Бѣдный Джонни не зналъ, какъ удовлетворить своихъ романическихъ гостей. Наконецъ, въ счастливую минуту, ему удалось изобрѣсти искуственную луну. Онъ прикрѣпилъ къ концу шеста маканную сальную свѣчу, и съ нею, въ темныя ночи, провожалъ охотниковъ. Видя, что всѣ чрезвычайно довольны этимъ, онъ сталъ думать, что изобрѣтеніе его гораздо лучше настоящей луны: «конечно, со свѣчей всего вдругъ не увидишь; да за-то можно ею ворочать какъ угодно, и показать понемножку все аббатство: а мѣсяцъ освѣщаетъ только одну сторону.»

Добрый Джонни Боуеръ! Съ той поры, о которой я говорю, протекло уже много, много лѣтъ: вѣроятно, ты уже лежишь подъ стѣнами милаго своего аббатства; вѣроятно, скромное твое желаніе исполнилось, и имени твоему воздана честь перомъ человѣка, котораго ты такъ любилъ, такъ уважалъ!

Когда я возвратился изъ Мелрозскаго аббатства, Скоттъ предложилъ поводить меня по окрестностямъ. Едва успѣли мы выйти, какъ насъ окружила цѣлая стая собакъ. Между ними была старая Манда, о которой я уже говорилъ, любимица Скотта; Гамлетъ, черная борзая собака, рѣзвое, игривое животное, еще не въ совершенномъ возрастѣ; Финетта, прекрасная лягавая собака, съ мягкою шелковистою шерстью, длинными ушами и кроткимъ взглядомъ — любимица

гостиной. Скоро выбѣжала изъ кухни еще старая собака, и присоединилась къ нимъ, махая хвостомъ. Скоттъ ласкалъ ее, какъ стариннаго друга и товарища.

Во время нашей прогулки, Скоттъ часто прерывалъ разговоръ и обращался къ нашимъ спутникамъ, какъ къ разумнымъ существамъ. Человѣкъ такъ приблизилъ къ себѣ это животное, что по-видимому сообщилъ ему въ самомъ дѣлѣ что-то разумное. Маида во всѣхъ своихъ движеніяхъ показывала важность, приличную лѣтамъ и росту ея; она, казалось, думала, что ей поручено охранять достоинство нашего общества.

Когда она обгоняла насъ на нѣкоторое разстояніе, молодыя собаки рѣзвились вокругъ нея, прыгали ей на шею, дергали ее за уши и всячески старались заставить ее разыграться. Долго сохраняла она свой торжественный видъ, изрѣдка сердясь на шалости товарищей своихъ. Наконецъ она внезапно обернулась, схватила однаго изъ нихъ и ударивъ его объ землю, взглянула на насъ, какъ будто желая сказать: «вы видите, господа: они насильно принуждаютъ меня дурачиться.» Потомъ съ прежнею важностію продолжала дорогу.

Все это чрезвычайно забавляло Скотта: «я увѣренъ, сказалъ онъ, что когда Маида наединѣ съ эти-

ми шалунами, она забываетъ всю свою степенность и ребячится не хуже ихъ; но передъ нами она стыдится и какъ будто говоритъ: «полно тебѣ вздорничать, молокососъ: что подумаютъ обо мнѣ хозяинъ и этотъ господинъ, когда я стану балагурить съ вами?»

«Манда, продолжалъ онъ, напоминаетъ мнѣ сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, находясь на военномъ кораблѣ съ другомъ моимъ, Адамомъ Фергусономъ. Мы обратили особенное вниманіе на подшхипера, красиваго и здороваго моряка. Это очень польстило его самолюбію. Не помню, по какому случаю, товарищи его затѣяли музыку и пляску. Матросъ долго смотрѣлъ на нихъ пристально и, казалось, желалъ присоединиться къ нимъ; потомъ онъ взглянулъ на насъ: видно было, что онъ боролся съ опасеніемъ унизить себя въ нашихъ глазахъ. Наконецъ одинъ изъ его собратьевъ подбѣжалъ къ нему, и взявъ его за руку, уговорилъ поплясать. Матросъ, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, согласился; сдѣлалъ два-три неловкихъ прыжка, точно какъ наша Манда, и потомъ опять отошелъ въ сторону. «Мало въ этомъ толку, сказалъ онъ, разстегивая жилетъ, и косо посматривая на насъ: не весь же вѣкъ плясать.»

Скотта забавляла еще маленькая щейка, съ большими безжизненными глазами, очень застѣнчивая и чувствительная къ малѣйшей обидѣ. «Если мнѣ случится ударить ее, сказалъ онъ, тотчасъ она ускольСовременникъ. Т. XV. 11

знетъ и запрячется на какомъ-нибудь темномъ чердакѣ; заставить ее выйти оттуда можно однимъ только средствомъ: если постучать ножемъ, какъ будто рѣжешь что-нибудь съѣстное, она выползетъ, опустивъ голову и поджавши хвостъ, но стоитъ только взглянуть на нее — тотчасъ опять убѣжитъ.»

Между-тѣмъ, какъ мы разсуждали о свойствахъ и характерахъ нашихъ четвероногихъ пріятелей, вдругъ что-то встревожило ихъ, и мы услышали пронзительный лай: одна Маида долго не рѣшалась пристать къ этому хору, но наконецъ и она такъ развернулась, что побѣжала за прочими и густымъ басомъ залаяла.

Но порывъ ея скоро остылъ; она воротилась, вертя хвостомъ и пристально глядя на своего господина въ недоумѣніи, похвалитъ ли онъ ее, или побранитъ. «Ай-да, старикъ! вскричалъ Скоттъ, надѣлалъ же ты чудесъ: ты ревомъ своимъ потрясъ Эльдонскіе холмы; можешь отдыхать остальную часть дня на своихъ трофеяхъ. Маида, продолжалъ онъ, похожа на большое ружье въ Константинополѣ; пока его зарядятъ, изъ другихъ ружей можно выстрѣлить по 12 разъ: за то, когда оно выпалитъ, такъ ужъ дастъ себя знать.»

Эти простые разговоры ясно показываютъ игривое расположеніе духа и чувства Скотта въ частной жизни.

Животныя были и друзьями его. Взоромъ своимъ, онъ, казалось, разливалъ радость на все, что его окружало; съ его приближеніемъ и послѣдній слуга начиналъ смотрѣть веселѣе, какъ-бы въ ожиданіи привѣтливаго слова. Я особенно замѣтилъ это, когда мы были вмѣстѣ на каменоломнѣ, гдѣ нѣсколько человѣкъ готовили матеріалъ для новаго зданія. Увидя его, всѣ они перестали работать, чтобы удостоиться чести поговорить съ господиномъ.

Между ними былъ высокій, свѣжій старикъ, съ сѣдыми серебристыми волосами, въ маленькой, къ верху закругленной, бѣлой шляпѣ. Онъ посмотрѣлъ на Скотта, и синіе глаза его засверкали нетерпѣніемъ: онъ зналъ, что его любятъ болѣе другихъ.

Скоттъ ласковымъ голосомъ попросилъ у него табаку. Старикъ вынулъ роговую табакерку. «Э, сказалъ Скоттъ; а гдѣ жъ та, что я привезъ тебѣ изъ Парижа?»

«А вотъ видите ли, ваша милость, отвѣчалъ работникъ: такую диковинку грѣшно носить въ-будни.»

Когда мы пошли далѣе, Скоттъ разсказалъ мнѣ, что въ Парижѣ онъ накупилъ разныхъ бездѣлокъ для своихъ слугъ и между-прочимъ красивую табакерку, которую почтенный ветеранъ такъ тщательно сберегалъ для праздничныхъ дней. «Ихъ радуютъ не столь-

ко самые подарки, сказалъ онъ, какъ мысль, что господа не забываютъ ихъ даже и въ чужой сторонѣ.»

Мы проходили по мѣстамъ, прославленнымъ въ Шотландскихъ пѣсняхъ; пастушеская муза придала имъ классическую занимательность, гораздо прежде, нежели Скоттъ одѣлъ ихъ въ роскошную мантію своей поэзіи.

Какъ сладостно затрепетало сердце мое, когда я впервые увидѣлъ зеленѣющіе верхи горъ Коуденноскихъ, выглядывавшіе изъ-за сѣрыхъ Твидскихъ холмовъ. Сколько трогательныхъ воспомпнаній родилось въ душѣ моей! Каждый поворотъ дороги приводилъ мнѣ на память какую-нибудь родную пѣсню, какой-нубудь полузабытый напѣвъ, которымъ нѣкогда кормилица убаюкивала меня въ колыбели, а съ тѣмъ вмѣстѣ представлялись мнѣ живо лица и голоса людей, отъ которыхъ я слышалъ ихъ, и которыхъ давно уже не стало. Шотландія, рѣшительно, страна пѣсень; эти мелодіи, радовавшія насъ во младенчествѣ, нераздѣльно слитыя съ воспоминаніемъ о милыхъ намъ, но уже утраченныхъ существахъ, придаютъ въ глазахъ нашихъ неизъяснимую прелесть Шотландской природѣ.

Въ тамошнихъ пѣсняхъ есть что-то меланхолическое; этотъ характеръ, вѣроятно, плодъ пастушеской и уединенной жизни сочинителей ихъ, по боль-

шой части, пастуховъ, которые берегли стада свои въ пустынныхъ долинахъ, или между голыхъ холмовъ. Многіе изъ такихъ сельскихъ поэтовъ умерли въ неизвѣстности; отъ нихъ не осталось ничего, кромѣ этихъ трогательныхъ пѣсенокъ, которыя, какъ эхо, живутъ въ мѣстахъ, гдѣ они обитали. Онѣ живутъ на родимой землѣ. Почти всѣ эти безыскуственныя изліянія сердца тѣсно связаны съ тѣмъ или другимъ любимымъ мѣстомъ поэта; и такимъ образомъ едва ли во всей Шотландіи найдется гора или долина, городокъ или башня, рощица или ручеекъ, къ которымъ не относилась бы какая-нибудь народная пѣсня: тамъ имя всякаго урочища пробуждаетъ цѣлый рядъ плѣнительныхъ мечтаній, отрадныхъ чувствованій.

Позвольте мнѣ здѣсь перейти къ ближайшему времени, и сказать, какъ меня поразило дѣйствіе этихъ простыхъ пѣсень, когда я былъ въ Айрѣ, родинѣ Роберта Борнса. Я провелъ однажды цѣлое утро на берегахъ тихаго Дуна, и нѣжные любовные стихи его ни на минуту не выходили у меня изъ головы.

Заставъ однаго бѣднаго плотника за работою на развалинахъ древней церкви, я открылъ ему цѣль своей поѣздки въ Айръ; онъ сѣлъ со мною на злачной могилѣ возлѣ того мѣста, гдѣ погребенъ отецъ Борнса, и разсказалъ мнѣ многое о поэтѣ, котораго зналъ лично. По словамъ его, сочиненія Бориса извѣстны самымъ бѣднымъ и даже неграмотнымъ посе-

лянамъ: ему казалось, что тамошняя сторона стала еще прекраснѣе, съ тѣхъ поръ, какъ Борисъ написалъ объ ней столько милыхъ пѣсенокъ.

Скоттъ любилъ до энтузіазма народныя пѣсни своего отечества; ему пріятно было видѣть, что я понимаю его пристрастіе. «Онѣ составляютъ часть народнаго достоянія нашего, сказалъ онъ: собственность, которую мы можемъ въ полномъ смыслѣ назвать своею. На нихъ нѣтъ чуждыхъ оттѣнковъ. Онѣ дышатъ чистою прохладой нашихъ горъ и долинъ.

У всѣхъ народовъ, въ которыхъ течетъ безъ примѣси кровь древнихъ Бриттовъ—у Шотладцевъ, жителей Валлиса и Ирландцевъ, есть національныя пѣсни. У Англичанъ ихъ нѣтъ, потому-что они пришлецы, или по-крайней-мѣрѣ смѣшанное племя.

Вся ихъ музыка состоитъ изъ разнородныхъ клочковъ, какъ куртка арлекина, или мозаическая работа. Такъ и въ восточной Шотландіи, говоря сравнительно, мало народныхъ пѣсень, потому-что туда проникло всего болѣе чужеземцевъ. Старинная Шотландская пѣсня—драгоцѣнный камень отечественныхъ горъ, или лучше, драгоцѣнный остатокъ древности съ печатью національнаго характера, камей, показывающій національное лицо, какимъ оно было до перерожденія племени.

Между-тѣмъ мы очутились въ узкой лощинѣ: собаки разбѣжались вправо и влѣво, и мы вдругъ увидѣли тетерева. «Ага! воскликнулъ Скоттъ, это обѣщаетъ Вальтеру хорошій выстрѣлъ: когда мы воротимся домой, надо послать его съ ружьемъ въ эту сторону. Вальтеръ теперь нашъ домовый охотникъ и снабжаетъ насъ дичью. Я почти ужъ совсѣмъ передалъ ему свое ружье: не могу больше прыгать такъ проворно, какъ бывало!

Мы поднялись на холмы, съ которыхъ открывались обширнѣйшіе виды, и Скоттъ сталъ называть мнѣ прославленныя въ Шотландскихъ пѣсняхъ мѣста, которымъ перо его придало недавно романическую занимательность.

Долго глядѣлъ я съ нѣмымъ удивленіемъ, скажу даже, съ разочарованіемъ. До предѣловъ горизонта простирались одинъ за другимъ длинные волнообразные ряды зеленѣющихъ холмиковъ; они были такъ похожи другъ на друга, на нихъ росло такъ мало деревьевъ, что на скатахъ ихъ почти можно было отличить издали порядочную муху. Пресловутая рѣка Твидъ течетъ между такихъ же нагихъ холмовъ: по берегамъ ел — ни деревца, ни кустарника. Но такова магическая сила поэзіи: эти виды были для меня гораздо дороже роскошнѣйшихъ ландшафтовъ Англіи. Я невольно сообщилъ свои мысли Скотту.

Онъ пробормоталъ что-то и нахмурился: ему не хотѣлось, чтобы музу его хвалили на счетъ родныхъ холмовъ. «Можетъ быть—сказалъ онъ наконецъ—вы назовете меня пристрастнымъ; но въ моихъ глазахъ эти сѣрые холмы, эта дикая природа исполнены характеристической красоты. Я люблю самую наготу нашего края: на ней отпечатокъ чего-то отважнаго, мрачнаго, пустыннаго. Когда я побываю въ богатыхъ окрестностяхъ Эдинбурга, похожихъ на садъ, меня всегда беретъ тоска по моимъ добрымъ сѣрымъ холмамъ; и если бъ я не видѣлъ этой дичи хоть по одному разу въ годъ — *мнѣ кажется, я бы умеръ!*»

При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ съ самымъ искреннимъ жаромъ, онъ стукнулъ палкой объ-землю; было видно, что въ немъ заговорило сердце. Онъ прибавилъ, что Твидъ сама по себѣ прекрасная рѣка, и что ему нравится нагота ея береговъ: вѣроятно, онъ въ свое время любилъ удить рыбу; охотники до этой забавы не жалуютъ рѣкъ, обставленныхъ деревьями.

Я напротивъ того извинялся воспоминаніями своего дѣтства въ равнодушіи къ окрестнымъ видамъ.

Я такъ привыкъ смотрѣть на холмы, увѣнчанные лѣсами, на рѣки, прорывающіяся сквозь чащу деревьевъ, что по моимъ понятіямъ лѣсъ составляетъ необходимую принадлежность краснаго ландшафта.

«Согласенъ: это лучшее украшеніе вашей родины, прервалъ Скоттъ: вы любите лѣса, а я степи; но не думайте, чтобъ я не постигалъ красоты обширныхъ лѣсистыхъ пространствъ. Я бы очень желалъ побывать въ дикихъ, вѣковыхъ лѣсахъ вашихъ, и вообразить себѣ, что вокругъ меня, на нѣсколько сотъ миль, никогда не являлась нога человѣческая. Однажды видѣлъ я въ Лейтѣ огромнѣйшее бревно, только-что привезенное изъ Америки. Каково было дерево, когда оно стояло на корняхъ своихъ со всѣми вѣтьвями! Я смотрѣлъ на это бревно съ удивленіемъ: оно напомнило мнѣ тѣ исполинскіе обелиски, которые иногда привозятся изъ Египта, какъ-бы для того, чтобы пристыдить наши Европейскіе памятники. Въ самомъ дѣлѣ, эти величавыя первобытныя деревья, подъ тѣнію которыхъ прохлаждались Индѣйцы еще до появленія въ Америкѣ бѣлыхъ людей — настоящіе монументы и антики вашего отечества.»

Разговоръ коснулся поэмы Кемпбелля: Gertrude of Wyoming, въ которой видно все богатство поэтическихъ матеріаловъ Американской природы. Скоттъ, разсуждая объ ней, показалъ тоже безпристрастіе, съ какимъ всегда говорилъ о сочиненіяхъ своихъ соотечественниковъ. Онъ съ наслажденіемъ привелъ изъ нея многія мѣста. «Какъ жаль, сказалъ онъ, что Кемпбелль пишетъ такъ мало и рѣдко, и не даетъ полной воли своему генію! Съ своими крыльями онъ могъ бы подняться до небесъ; иногда онъ расширя-

етъ ихъ величаво, но скоро опускаетъ опять, и садится на прежнее мѣсто, какъ будто боясь улетѣть прочь. Онъ самъ не знаетъ своихъ силъ, или не довѣряетъ имъ. Сдѣлаетъ вещь хорошо, но видитъ въ ней дурную сторону. Онъ хотѣлъ выпустить многія мѣста изъ «Lochiel,» но я уговорилъ его удержать нѣкоторыя изъ нихъ. Тутъ Скоттъ прочелъ нѣсколько отрывковъ съ жаромъ. «Какъ здѣсь величественна, сказалъ онъ, мысль о пророчествахъ, или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, о ясновидѣніяхъ: «грядущія «событія отбрасываютъ тѣнь свою впередъ (Coming «events cast their shadows before).»

Вотъ благородная и благородно выраженная мысль. У него есть еще прекрасная небольшая поэма: «*Hohenlinden.*» Сначала онъ цѣнилъ ее, кажется, невысоко: я упросилъ его прочесть мнѣ это сочиненіе, и полагаю, что удовольствіе, которое я показалъ, убѣдило его напечатать Hohenlinden. Кемпбелль какъ будто самъ для себя оборотень: успѣхъ ослабляетъ его усилія. *Онъ боится тѣни, которую бросаетъ передъ нимъ собственная его слава!*»

Мы услышали выстрѣлъ изъ ружья. «Это вѣроятно Вальтеръ,» сказалъ Скоттъ: «онъ кончилъ утренніе свои уроки, и вышелъ съ ружьемъ. Не мудрено, что онъ встрѣтился съ нашимъ тетеревомъ. Если такъ, то къ нашему обѣду прибавилось еще блюдо: Вальтеръ славный стрѣлокъ.»

Я спросилъ, чему учится Вальтеръ. «Право, сказалъ Скоттъ, это у меня не главное дѣло. Я ничуть не желаю удивить свѣтъ своими дѣтьми. Что касается до Вальтера, то я училъ его съ-дѣтства ѣздить верхомъ, стрѣлять и говорить правду; остальное образованіе его поручилъ я отличному молодому человѣку, сыну однаго изъ нашихъ духовныхъ; онъ обучаетъ всѣхъ дѣтей моихъ.»

Познакомясь послѣ съ этимъ молодымъ наставникомъ, я въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ въ немъ много ума и скромности. Вѣроятно, онъ же переписывалъ набѣло произведенія Скотта. Съ нимъ молодежъ занималась по утрамъ; послѣ того начинались разнаго рода полезныя упражненія на открытомъ воздухѣ. Скоттъ столько же заботился объ укрѣпленіи тѣла, сколько и объ умственномъ образованіи своихъ дѣтей.

Вскорѣ увидѣли мы обѣихъ миссъ Скоттъ, которыя шли къ намъ на-встрѣчу. Окончивъ утреннія свои занятія, онѣ прогуливались по холмамъ и искали полевыхъ цвѣтовъ для головы къ обѣду. Онѣ прыгали какъ легкія серны; одежда ихъ развѣвалась въ чистомъ лѣтнемъ воздухѣ, и я, при видѣ ихъ, вспомнилъ начало одной изъ пѣсень «Marmion,» гдѣ Скоттъ описываетъ собственныхъ своихъ дѣтей:

«Мои ребята, крѣпкіе, смѣлые и рѣзвые — настоящія дѣти горъ—часто вздыхаютъ по лѣтнимъ за-

бавамъ своимъ, и спрашиваютъ съ безпокойствомъ: возвратится ли весна, запоютъ ли снова птички, запрыгаютъ ли овечки, зацвѣтутъ ли поля?»

«Да, шалуны мои, да! опять бесѣдка ваша украсится васильками, опять вы будете плесть себѣ вѣнки; на лугахъ запрыгаютъ овечки, въ рощахъ зачиликаютъ птички; а вы, рѣзвясь вмѣстѣ съ ними, скажете, что весенній день слишкомъ коротокъ.»

Когда онѣ подошли ближе, собаки, побѣжавъ имъ на-встрѣчу, стали ласкаться и прыгать.

Лица обѣихъ сестеръ сіяли здоровьемъ и радостію. Софья, старшая, была живѣе и веселѣе младшей: въ ней замѣтна была способность отца оживлять и разнообразить разговоръ: казалось, каждое его слово, каждый взглядъ воспламеняли ее. Анна была смирнѣе и молчаливѣе, вѣроятно отъ того, что была моложе.

Къ столу Скоттъ явился въ черномъ платьѣ. Дѣвицы украсили головы свои цвѣтами, и казались еще свѣжѣе отъ прогулки на чистомъ воздухѣ.

За обѣдомъ не было, кромѣ меня, никого чужаго. Около стола было двѣ или три собаки. Маида, сидя возлѣ Скотта, глядѣла ему пристально въ глаза; а Финетта прижалась къ стулу мистриссъ Скоттъ,

которая, какъ я скоро замѣтилъ, чрезвычайно баловала ее.

Когда рѣчь зашла о достоинствахъ его собакъ, Скоттъ началъ говорить съ чувствомъ о любимомъ своемъ Кампѣ, который представленъ возлѣ него на первыхъ его портретахъ. Онъ жалѣлъ объ этомъ животномъ, какъ о потерянномъ другѣ, и Софія Скоттъ, съ плутовскимъ взглядомъ на отца, замѣтила: «папенька поплакалъ немного, когда нестало бѣднаго Кампа.»

Здѣсь можно привести еще одно свидѣтельство о привязанности Скотта къ его собакамъ — привязанности, которую онъ выражалъ иногда очень затѣйливо.

Гуляя съ нимъ однажды около дома, я замѣтилъ небольшой старинный памятникъ, на которомъ было написано готическими буквами:

«Cy git le preux Percy.» (Здѣсь лежитъ храбрый Перси).

Я остановился, воображая, что это гробница какаго-нибудь древняго витязя, но Скоттъ, сказавъ мнѣ, чтобы я шелъ далѣе, прибавилъ: «это одинъ изъ памятниковъ моихъ дурачествъ: вы здѣсь увидите ихъ довольно.» Я узналъ потомъ, что это могила одной изъ любимыхъ его собакъ.

Въ числѣ важныхъ и привиллегированныхъ обывателей дома, приходившихъ къ столу, былъ между-прочимъ большой сѣрый котъ, которому иногда бросали съ тарелокъ лакомые кусочки. Этотъ котъ былъ любимцемъ какъ хозяина, такъ и хозяйки, и по ночамъ спалъ въ ихъ комнатѣ. Скоттъ замѣтилъ шутя, что одно изъ неудобствъ ихъ домашняго быта есть то, что окно ихъ всегда оставляется открытымъ на ночь для свободнаго пропуска Васьки. Онъ по-видимому присвоивалъ себѣ верховную власть надъ прочими четвероногими и сидѣлъ преважно въ креслахъ Скотта, а иногда занималъ стулъ у дверей, какъ будто для наблюденія за проходившими мимо подданными своими. При этомъ случаѣ онъ каждую собаку непремѣнно цапалъ за уши. Такія шутки всегда принимались въ хорошую сторону: намѣреніе Васьки было только напомнить о своемъ первенствѣ, и всѣ безусловно признавали его. Ненарушимое согласіе царствовало между господиномъ и вассалами, и они обыкновенно съ нимъ вмѣстѣ отдыхали на солнцѣ.

За столомъ Скоттъ былъ неистощимъ въ разговорѣ. Онъ сообщилъ нѣсколько разительныхъ мыслей о характерѣ Шотландцевъ, и не могъ нахвалиться спокойствіемъ, честностію и порядкомъ своихъ сосѣдей. «Чего бы нельзя было ожидать, сказалъ онъ, отъ потомства людей, нѣкогда славившихся своей сварливостію, дракамп и безпорядками всякаго рода?» Онъ прибавилъ, что, въ продолженіе многолѣтняго

отправленія должности шерифа, встрѣтилъ онъ очень мало слѣдствій. Но старинныя распри, споры о первенствѣ, взаимная ненависть Шотладцевъ еще дремлютъ подъ пепломъ и легко могутъ возгорѣться снова. Наслѣдственная страсть къ именамъ еще не погасла: опасно даже позволять игру въ мячики между деревнями: духу клановъ пробудиться недолго. Шотландцы мстительнѣе Англичанъ; они долѣе помнятъ обиду: иногда забываютъ ее на-время, но рано или поздно непремѣнно утолятъ свою месть. Завѣтная вражда между жителями горной и низменной Шотландіи (Highlanders and Lowlanders) въ нѣкоторой степени еще продолжается: первые смотрятъ на послѣднихъ какъ на низшее, не столь храброе племя, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменное, почитающее себя образованнѣе. Отъ того чужеземцу, который къ нимъ попадаетъ въ первый разъ, чрезвычайно трудно съ ними ужиться: они задорятся и затѣваютъ драку при малѣйшемъ случаѣ; можно сказать, что онъ долженъ насильно овладѣть ихъ благорасположеніемъ.

Скоттъ привелъ въ примѣръ брата Мунго-Парка, который прибылъ на жительство въ одну изъ самыхъ дикихъ частей гористой Шотландіи.

Въ короткое время онъ замѣтилъ, что на него косятся какъ на незванаго гостя, и что хозяева земли готовы вызвать его на бой въ увѣренности, что онъ, какъ житель равнинъ, уступитъ имъ поле сраженія.

Сначала онъ сносилъ насмѣшки и придирки ихъ съ величайшимъ хладнокровіемъ; но когда одинъ изъ нихъ вынулъ кинжалъ и, поднявъ его, спросилъ: видывалъ ли онъ у себя на родинѣ подобное оружіе, то Мунго-Паркъ, который по сложенію своему походилъ на Геркулеса, выхватилъ кинжалъ и съ однаго разу прокололъ имъ насквозь дубовый столъ. «Видывалъ, отвѣчалъ онъ: скажи своимъ, что человѣкъ изъ низменныхъ странъ вонзилъ его такъ, что самъ чортъ его не вытащитъ.» Всѣ присутствовавшіе громко выразили свое удовольствіе, и тутъ-же подружились съ Паркомъ за кружкою.

Послѣ-обѣда переселились мы въ гостиную, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила кабинетомъ и библіотекою. У стѣны, на одной сторонѣ, стоялъ длинный письменный столъ съ ящиками. На немъ возвышался полированный шкапикъ съ дверцами, богато украшенный мѣдью, въ которомъ Скоттъ держалъ самыя важныя свои бумаги. Надъ этимъ шкафикомъ, въ нишѣ, стоялъ сверкавшій сталью латникъ въ полномъ вооруженіи, съ опущеннымъ забраломъ, длинными перчатками и бердышемъ. Вокругъ него висѣли трофеи всякаго рода: между-прочимъ мечь Типпо Сайбо и ружье, нѣкогда принадлежавшее Робъ-Рою, съ изображеніемъ начальныхъ буквъ его имени: R. M. G. На это ружье я обратилъ особенное вниманіе, потому-что въ то время носился слухъ, будто Скоттъ печатаетъ романъ, основанный на исторіи пресловутаго разбойника.

По обѣ стороны шкафика были полки, уставленныя романами, писанными на разныхъ языкахъ— книгами, по большей части старинными и рѣдкими. Впрочемъ здѣсь была только сельская библіотека Скотта; самая важная часть книгъ его находилась тогда въ Эдинбургѣ.

Скоттъ вынулъ изъ своего шкафика рукопись, найденную на мѣстѣ Ватерлосскаго сраженія: она состояла изъ нѣсколькихъ пѣсень, которыя въ то время пѣлись во Франціи. Бумага была обрызгана кровью. «Можетъ быть, замѣтилъ Скоттъ, кровью какаго-нибудь молодаго счастливца, которому тетрадь эта досталась на-память отъ благосклонной Парижанки. Можетъ быть, бѣдный офицеръ, падшій при Ватерлоо, пѣлъ эти пѣсни наканунѣ сраженія и, вздыхая по красавицѣ, отъ которой получилъ ихъ, мечталъ, какъ возвратится къ ней со славой, если уцѣлѣетъ отъ похода »

Въ-послѣдствіи Скоттъ издалъ вмѣстѣ съ другими мелкими стихотвореніями переводъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсень.

Мы провели вечеръ очень пріятно. Скоттъ прочелъ вслухъ нѣсколько отрывковъ изъ романа: «Артуръ,» голосомъ торжественно-звучнымъ, который совершенно соотвѣтствовалъ содержанію столь старинной книги. Слушать такое сочиненіе изъ устъ такаго

человѣка и въ такомъ мѣстѣ—было чрезвычайно любопытно. Скоттъ, читающій въ большихъ креслахъ; вокругъ него книги, антики и т. п., а у ногъ любимая его собака Манда — всё это могло бы служить предметомъ прекрасной характеристической картины.

Между-тѣмъ глубокомысленный котъ, о которомъ я уже говорилъ, возсѣдалъ на стулѣ у камина: по его неподвижнымъ глазамъ и важной осанкѣ можно было заключить, что и онъ слушаетъ Артура. Я замѣтилъ Скотту, что Васька, кажется, неравнодушенъ къ литературѣ.

«Ахъ, сказалъ онъ, эти кошки чрезвычайно таинственный народъ. У нихъ на умѣ всегда гораздо болѣе, нежели мы воображаемъ: отъ того безъ сомнѣнія, что онѣ такъ дружны съ колдунами.» Тутъ онъ разсказалъ небольшую сказку про однаго земледѣльца, который, возвращаясь ночью въ свою хижину, встрѣтилъ въ какомъ-то закоулкѣ печальную процессію котовъ; всѣ они, въ траурѣ, провожали къ послѣдней обители умершаго сродника своего и несли гробъ подъ чернымъ бархатнымъ покровомъ. Добрый человѣкъ, удивленный и немного испуганный такою необыкновенной церемоніей, поспѣшивъ добраться до дому — разсказалъ видѣнное женѣ и дѣтямъ. Едва успѣлъ онъ договорить, какъ большой чорный котъ, сидѣвшій у камина, поднялся и воскликнулъ: «Знайте же, что я царь котовъ» — и улетѣлъ въ трубу.

Полянинъ видѣлъ погребеніе однаго изъ членовъ династіи котовъ.

«Нашъ Васька, продолжалъ Скоттъ, часто напоминаетъ мнѣ эту сказку своимъ торжественнымъ видомъ; и я готовъ оказывать ему уваженіе, потому-что въ немъ, можетъ быть, скрывается какой-нибудь высокій incognito.»

Такимъ образомъ, даже склонности и свойства безсловесныхъ тварей, его окружавшихъ, становились для него предметами шутокъ и затѣйливыхъ разсказовъ.

Вечеръ нашъ еще болѣе оживился пѣніемъ Софіи Скоттъ по желанію отца ея. Она никогда не заставляла просить себя два раза, и всегда соглашалась охотно, непринужденно. Она пѣла Шотландскія пѣсни, безъ аккомпанимента, очень просто, но съ душой и выраженіемъ, и притомъ безъ перемѣнъ подлинника, что придавало имъ особенную прелесть. Чрезвычайно пріятно было слушать ее, когда она, съ одушевленнымъ лицемъ и свойственною ей живостью, выводила одну изъ тѣхъ удалыхъ Якобитскихъ пѣсень, которыя нѣкогда были въ устахъ приверженцевъ претендента, и гдѣ его называютъ «молодымъ рыцаремъ»

Скоттъ, не смотря на свое праводушіе, очень любилъ эти пѣсни. Съ тѣхъ поръ, какъ династія

Стуартовъ не возбуждаетъ болѣе непріязненныхъ чувствъ, онъ, какъ и многіе другіе приверженцы Ганноверскаго дома, видѣлъ въ этомъ злополучномъ «рыцарѣ» необыкновенно романическое лицо. Я узналъ отъ Скотта любопытный фактъ: въ бумагахъ «рыцаря», переданныхъ ему на разсмотрѣніе, онъ нашелъ адресъ къ Карлу, 1778 года, отъ нѣкоторыхъ приверженцевъ, находившихся въ Америкѣ; они предлагали поднять его знамя въ колоніяхъ. Мнѣ жаль, что я въ то время не распросилъ Скотта подробнѣе объ этомъ предметѣ. По всей вѣроятности, документъ и по сію пору хранится съ другими бумагами претендента, находящимися въ рукахъ Британскаго правительства. Помню еще разсказанную Скоттомъ исторію одной странной картины, которая висѣла въ той комнатѣ и была написана для него одною знакомой ему дамой. Картина эта представляла горестное недоумѣніе богатаго и прекраснаго молодаго Англичанина старыхъ временъ, который, охотясь однажды въ пограничномъ лѣсу, былъ захваченъ и приведенъ въ замокъ упрямаго и жестокосердаго барона. Несчастнаго заключили въ тюрьму, а между-тѣмъ построили передъ воротами замка огромную висѣлицу. Когда все было готово для казни, его привели въ залу, гдѣ торжественно сидѣлъ грозный баронъ посреди рыцарей, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Онъ предложилъ молодому человѣку избрать любое: или умереть на висѣлицѣ, или жениться на его дочери. Повидимому, рѣшиться было нетрудно; но къ несчастію,

дѣвушка была такъ отвратительно-безобразна, и ротъ ея такъ огроменъ, что невозможно было сыскать ей жениха ни по любви, ни даже за деньги, и она во всей окрестности слыла подъ именемъ широкоротой Греты.

Картина представляла роковое затрудненіе прекраснаго юноши. Передъ нимъ сидѣлъ угрюмый баронъ, котораго лицо было достойно такой дочери и напоминало о кинжалахъ и ядѣ. Съ одной стороны стояла широкоротая Грета, съ сладкой улыбкою, занимавшей все пространство отъ праваго уха до лѣваго, и со взглядомъ, отъ котораго легко бъ было окаменѣть. Съ другой стороны сидѣлъ отецъ-духовникъ; онъ толкалъ юношу локтемъ, показывая ему висѣлицу, которую можно было видѣть въ перспективѣ изъ отворенныхъ дверей.

Преданіе говоритъ, что, послѣ долгаго колебанія между алтаремъ и веревкой, молодой человѣкъ уступилъ привязанности къ жизни и рѣшился обречь себя прелестямъ широкоротой Греты. На-перекоръ обыкновеннымъ условіямъ романа, бракъ былъ счастливъ. Дочь барона была хоть не красивая, да за то примѣрная жена; мужъ ея никогда не тревожился тѣми сомнѣніями и тою ревностью, которыя часто отравляютъ сладость супружества. Онъ сталъ отцомъ прекраснаго и несомнѣнно-законнаго потомства, и по сію пору еще процвѣтающаго. Вотъ бѣглый очеркъ этой

исторіи по темнымъ моимъ воспоминаніямъ; можетъ быть, другой разскажетъ и краснорѣчивѣе, если ему удастся усвоить себѣ часть очаровательной веселости Скоттова разсказа. Удалясь на ночь въ приготовленную комнату, я почти вовсе не могъ спать; мысль, что я подъ кровлею Скотта, на берегахъ Твида, въ самомъ центрѣ той сферы, которая незадолго предъ симъ была любимымъ поприщемъ романическихъ вымысловъ, не давала мнѣ сомкнуть глазъ. Но болѣе всего волновали меня воспоминанія о моей прогулкѣ, о товарищѣ, раздѣлявшемъ ее, и о бывшемъ между нами разговорѣ: все это бродило у меня въ головѣ и прогоняло сонъ.

На слѣдующее утро солнце, поднявшись надъ пригорками, освѣтило мою комнату сквозь рѣшетчатое окно. Я всталъ рано и посмотрѣлъ изъ этаго окна, сколько позволяли вѣтви шиповника, заслонявшія его. Къ удивленію моему я увидѣлъ, что Скоттъ уже на ногахъ и ужъ вышелъ. Онъ сидѣлъ на обломкѣ камня и разговаривалъ съ работниками, строившими новый домъ. Я полагалъ, что, потерявъ вчера столько времени со мною, онъ навѣрное проведетъ сегодняшнее утро у себя въ кабинетѣ; вмѣсто того онъ казался человѣкомъ совершенно праздным, у котораго только и дѣла, что гулять, да грѣться на солнышкѣ.

Я поскорѣе одѣлся и вышелъ къ нему. Онъ говорилъ о своихъ планахъ въ-разсужденіи Аббатсфор-

да: лучше было бы для него, если бъ онъ удовольствовался своимъ прелестнымъ домикомъ и продолжалъ бы всегда вести тотъ самый образъ жизни, въ которомъ я засталъ его—не пышный, но гостепріимный и веселый. Огромное зданіе Аббатсфорда поглотило несмѣтныя суммы денегъ; содержаніе многочисленныхъ слугъ, смотрителей, пріемъ гостей, весь этотъ барскій бытъ раззорялъ его, разстраивалъ здоровье и тяготилъ умъ, который напослѣдокъ изнемогъ подъ этимъ бременемъ.

Но тогда Скоттъ жилъ еще планами и любилъ описывать свою будущую обитель, какъ описывалъ въ романахъ созданія своей фантазіи. Это, по собственному его выраженію, былъ одинъ изъ его воздушныхъ замковъ, который онъ хотѣлъ одѣть въ камень и известь. На мѣстѣ, гдѣ строился замокъ, были разбросаны разные обломки развалинъ Мельрозскаго аббатства, долженствовавшія войти въ составъ новаго зданія. Изъ такихъ же матеріаловъ Скоттъ выстроилъ родъ Готической бесѣдки надъ фонтаномъ и украсилъ верхъ ея небольшою каменной чашей.

Въ числѣ антиковъ аббатства, разбросанныхъ передъ нами, находился прелестный маленькій левъ, не знаю, изъ краснаго ли камня, или крашенный: онъ особенно поразилъ меня. Я не помню, кому онъ служилъ гербомъ, ни съ чьего монумента былъ снятъ; но никогда не забуду прекрасныхъ замѣчаній на счетъ древняго Мель-

роза, къ которымъ онъ послужилъ поводомъ. Изъ словъ Скотта я заключилъ, что аббатство было пружиной всѣхъ поэтическихъ и романическихъ чувствъ его, и что онъ съ энтузіазмомъ былъ привязанъ къ этому зданію, какъ къ мѣсту, съ которымъ соединены лучшія воспоминанія и мечты его юности. Онъ говорилъ о немъ съ нѣжностію. «Невозможно перечесть» замѣтилъ онъ, «всѣхъ сокровищъ, сокрытыхъ въ этомъ знаменитомъ зданіи. Для актикварія это драгоцѣнное поле изысканій. Здѣсь есть пища какъ для архитектора, такъ и для поэта: для перваго, превосходные образцы старинной скульптуры; для послѣдняго, преданія древности. Здѣсь можно выкопать столько же рѣдкостей, какъ изъ Стильтонскаго сыру, и въ одинаковомъ вкусѣ; въ обоихъ случаяхъ плѣсень главное достоинство.» Между-прочимъ онъ сообщилъ мнѣ очень важныя обстоятельства, относящіяся къ аббатству, на кои никто еще не обращалъ вниманія, и которыя даже ускользнули отъ проницательности почтеннаго Джонни Боуера. Тамъ погребено сердце Роберта Брюса, героя Шотландіи. Тутъ Скоттъ разсказалъ прекрасный эпизодъ изъ жизни Брюса, какъ онъ въ послѣднія минуты изъявилъ истинно рыцарское и странное желаніе, чтобы сердце его было отвезено въ Палестину и положено во гробъ Господень, согласно данному имъ обѣту совершить путешествіе къ святымъ мѣстамъ. За этимъ слѣдовалъ разсказъ о рыцарскомъ странствованіи сира Джемса Дугласа, для исполненія священной воли. Богатый предметъ,

говорилъ Скоттъ, представляютъ роману приключенія сира Джемса въ этомъ вѣкѣ приключеній, его похожденія въ Испаніи, и конецъ его въ Крестовомъ-походѣ противъ Мавровъ; напослѣдокъ судьба самаго сердца Робертова, пока оно не возвратилось на родину и не было заключено въ священныя стѣны Мельрозскія.

Такъ говорилъ Скоттъ, сидя на камнѣ и постукивая палкой по маленькому льву, лежавшему у ногъ его. Ярко блистали сѣрые глаза Скотта подъ густыми бровями. Описанія, картины, происшествія стройно располагались въ его умѣ, и приняли видъ чего-то таинственнаго, сверхъестественнаго, когда рѣчь зашла о сердцѣ Брюса. Казалось, что воображеніе разскащика создавало романъ или поэму. Что онъ въ послѣдствіи занимался чѣмъ-то въ этомъ родѣ, чѣмъ-то связаннымъ съ этимъ предметомъ и съ его любезной Мельрозской руиной, это доказываетъ его вступленіе къ роману Монастырь. Жаль, что ему не удалось привести къ окончанію сихъ унылыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и восторженныхъ начертаній.

Насъ позвали завтракать, и разговоръ нашъ прервался. Я обратилъ вниманіе Скотта на пріятеля моего, маленькаго льва, подавшаго поводъ къ такой бесѣдѣ, и изъявилъ надежду, что ему отведутъ въ будущемъ замкѣ какой-нибудь нишъ, соотвѣтственно его неоспоримой древности и видимому достоинству.

Скоттъ увѣрилъ меня съ комическою важностію, что маленькому льву будутъ оказаны всевозможныя почести. Я надѣюсь, что онъ и понынѣ процвѣтаетъ въ Аббатсфордѣ.

Прежде-нежели разстанусь съ антиками аббатства, разскажу еще объ одномъ, чтобы показать новую черту затѣйливости Скотта. Этотъ антикъ былъ человѣческій черепъ, въ-старину принадлежавшій вѣроятно одному изъ тѣхъ веселыхъ монаховъ, о которыхъ говоритъ старинная баллада. Скоттъ велѣлъ вычистить и налакировать этотъ черепъ, и поставилъ его на комодѣ противъ своей кровати, гдѣ я самъ видѣлъ отвратительную его улыбку. Онъ былъ предметомъ ужаса для суевѣрныхъ служанокъ, и Скоттъ часто забавлялся ихъ трусостью. Иногда, раздѣваясь, онъ обвертывалъ черепъ своимъ галстукомъ, и никто не осмѣливался снять его. Люди не могли растолковать такой странной привязанности къ старому безобразному черепу.

За завтракомъ Скоттъ разсказывалъ забавные анекдоты про одного маленькаго горнаго Шотландца, котораго звали сѣверный Кемпбелль и у котораго была многолѣтняя тяжба съ однимъ дворяниномъ, его сосѣдомъ, о границѣ ихъ имѣній. Эта тяжба была главнымъ событіемъ въ жизни человѣка, и всегдашнимъ предметомъ его разговоровъ; онъ во всей подробности разсказывалъ свое дѣло встрѣчному и попе-

речному, и для большой точности описаній, имѣлъ всегда огромную карту своихъ владѣній въ видѣ предлиннаго и претолстаго свертка, которой носилъ на плечѣ. Кемпбелль былъ низкаго роста, съ большимъ туловищемъ и коротенькими, колесообразными ногами, ходилъ всегда въ одеждѣ горныхъ Шотладцевъ, и казался уморительнымъ съ своимъ огромнымъ свертком на плечѣ и коротенькими ножками въ видѣ скобокъ. Онъ походилъ на маленькаго Давида съ копьемъ Голіаѳа на плечѣ.

Послѣ стрижки овецъ онъ всегда пріѣзжалъ въ Эдинбургъ по своей тяжбѣ. Въ гостинницахъ платилъ онъ вдвое болѣе противъ назначенной цѣны за ночлегъ и за пищу; при чемъ просилъ хозяевъ не забывать этаго до его возвращенія, чтобы тогда уже не платить ничего. Онъ зналъ, что всѣ его деньги перейдутъ въ карманы Эдинбургскихъ стряпчихъ, и потому считалъ нелишнимъ позаботиться заранѣе попасть опять домой.

Однажды онъ пришелъ къ своему стряпчему; ему сказали, что его самаго дома нѣтъ, но что онъ можетъ видѣть его жену. «Это все равно» отвѣчалъ маленькій Кемпбелль. Войдя въ пріемную, онъ сейчасъ развернулъ свою карту, изложилъ своей слушательницѣ дѣло, какъ нельзя подробнѣе, и по окончаніи хотѣлъ дать ей обыкновенную плату. Она отказывалась; но онъ настаивалъ, говоря: «Я съ такимъ же точно

удовольствіемъ разсказалъ вамъ свое дѣло, какъ разсказалъ бы его супругу вашему, и точно такъ же увѣренъ въ успѣхѣ.»

Въ послѣдній разъ, когда онъ видѣлъ Скотта, онъ сказалъ ему, что вѣроятно дѣло его съ сосѣдомъ скоро будетъ кончено, потому-что теперь они уже спорятъ только о нѣсколькихъ миляхъ, отъ которыхъ ни тотъ ни другой не хочетъ отказаться. Помнится, Скоттъ прибавилъ, что онъ совѣтовалъ маленькому человѣчку повѣрить свое дѣло вмѣстѣ съ картой скучной памяти лѣнивцу Вильяму Мобрею, Эдинбургскому жителю, который ходилъ по дѣламъ крестьянъ: онъ надоѣдалъ всѣмъ дѣловымъ людямъ своими частыми посѣщеніями и болтовней, и всѣ тяжбы выигрывалъ наглою настойчивостію.

Такіе анекдотцы, которыми разговоры Скотта изобиловали, являлись всегда кстати, непринужденно; разсказывая ихъ теперь отрывисто, безъ тѣхъ замѣчаній и обстоятельствъ, которыя подавали къ нимъ поводъ и которыхъ я не запомню, можетъ, я быть лишаю ихъ самобытной ихъ прелести. По-крайней-мѣрѣ они послужатъ доказательствомъ игривости ума Скоттова даже въ простомъ разговорѣ, и плодовитости въ описаніи характеровъ и картинъ. Въ семействѣ его, дочь Софія и сынъ Карлъ лучше другихъ чувствовали и понимали тонкость его шутокъ, и наиболѣе наслаждались его разсказами. Мистрисъ

Скоттъ не всегда слушала его съ тѣмъ же вниманіемъ, и иногда прерывала замѣчаніями, которыя производили непріятное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, въ продолженіе нашей бесѣды, онъ разсказывалъ съ большою живостью анекдотъ о Макнобѣ и сказалъ: «теперь бѣдняжка ужъ отправился на тотъ свѣтъ.» «Какъ, мистеръ Скоттъ,» подхватила мистрисъ: «развѣ Макнобъ умеръ?»

«Право, моя милая,» отвѣчалъ Скоттъ, съ комическою важностью: «если же онъ не умеръ, то съ нимъ поступили очень несправедливо — потому-что похоронили его.»

Послѣ завтрака, Скоттъ занялся просмотромъ корректурныхъ листовъ, которыя онъ получилъ съ почты. Робъ Рой, какъ я уже замѣтилъ, печатался въ то время, и я полагаю, что корректурные листы были именно изъ этаго романа. Имя сочинителя Веверлея и другихъ романовъ, вышедшихъ подъ фирмою того же автора, все еще оставалось сомнительнымъ, хотя большинство и приписывало ихъ Скотту.

Въ моихъ глазахъ лучшимъ доказательствомъ справедливости этаго предположенія было то, что онъ никогда не говорилъ объ нихъ. Невѣроятно, чтобы человѣкъ, который такъ любилъ все Шотландское, и все, относящееся къ отечественной исторіи и мѣстнымъ преданіямъ, оставилъ безъ вниманія такія про-

изведенія, если бы они были написаны другимъ. Онъ съ удовольствіемъ говорилъ о современныхъ сочиненіяхъ, и безпрестанно то читалъ наизустъ отрывки изъ народныхъ пѣсень, то разсказывалъ анекдоты изъ народной исторіи. Но на счетъ своихъ собственныхъ поэмъ, романовъ, онъ безмолвствовалъ; и я не говорилъ ни слова объ этомъ предметѣ.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ любопытномъ фактѣ, который не былъ извѣстенъ мнѣ во время пребыванія моего въ Аббатсфордѣ. Скоттъ былъ чрезвычайно скрытенъ съ своими дѣтьми въ-разсужденіи своего авторства, и даже не желалъ, чтобы они читали его поэмы. Я въ-послѣдствіи узналъ это нечаянно изъ одного мѣста въ письмѣ его ко мнѣ. Тамъ рѣчь идетъ объ Американскомъ миніатюрномъ изданіи его поэмъ, которое я послалъ одной изъ дочерей его по возвращеніи въ Англію. Скоттъ говоритъ: «Въ-торопяхъ я и забылъ поблагодарить васъ отъ имени моей Софьи за милое вниманіе, которому она обязана Американскимъ изданіемъ. Къ-сожалѣнію я не могу раздѣлить этой благодарности, потому-что вы познакомили ее съ такими причудами ея отца, которыхъ она иначе никогда бы и не узнала; я строго наблюдалъ, чтобы эти книги не попадались дѣтямъ на глаза, покуда они еще такъ молоды.»

Но возвратимся къ разсказу. Когда Скоттъ кончилъ свои литературныя занятія, которыя продолжа-

лись недолго, мы пошли гулять. Дѣвицы-было отправились съ нами, но у самаго дома встрѣтился имъ одинъ бѣдный дряхлый работникъ съ семействомъ, и онѣ воротились, чтобы принять несчастныхъ и помочь имъ.

Перейдя за границу Аббатсфорда, мы увидѣли ветхую мызу, съ опустѣлымъ и полуразвалившимся барскимъ жилищемъ, которое стояло въ печальномъ одиночествѣ. Это, сказалъ мнѣ Скоттъ, старинное родовое имѣніе Локендъ, по цѣнѣ равное вотчинѣ Донъ-Кихота, и также сообщившее наслѣдственный титулъ владѣльцу, который, хотя и бѣденъ какъ крыса, но гордится своимъ родомъ и замкомъ. Его звали Ло́кендъ, такъ-какъ Шотландцы обыкновенно называютъ владѣльцевъ именемъ наслѣдственнаго имѣнія ихъ; но въ окрестностяхъ онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Локи длинноногаго. Въ то самое время, какъ Скоттъ говорилъ это, мы увидѣли въ дали самаго владѣльца, шагавшаго по полю съ развѣвающимся плащемъ, и я увѣрился, что онъ вполнѣ заслуживаетъ свое прозваніе. Знанія Локи въ географіи не простирались далѣе окрестностей. Скоттъ разсказывалъ, что, по возвращеніи въ Аббатсфордъ изъ путешествія во Францію вскорѣ послѣ войны, сосѣды собирались къ нему для распросовъ о чужихъ краяхъ. Въ числѣ другихъ пришелъ и длинноногій Локи съ старшимъ своимъ братомъ, такимъ же невѣждой, какъ и онъ самъ. Много освѣдомлялись они о Французахъ,

которыхъ считали какимъ-то дикимъ народомъ на краю свѣта. «А какъ эти люди живутъ въ своей землѣ?» спрашивалъ Локи: «умѣютъ ли они писать? знаютъ ли ариѳметику?» Онъ изумился, когда услышалъ, что они почти такъ же просвѣщенны, какъ добрые жители Аббатсфорда.

Проживъ много лѣтъ въ счастливомъ одиночествѣ, Локи, незадолго до моего пріѣзда въ Аббатсфордъ, вдругъ задумалъ жениться. Сосѣды очень удивились, а родственники, столько же гордые, какъ и бѣдные, съ негодованьемъ узнали, что выбранная имъ дѣвушка была слишкомъ низкаго состоянія. Тщетно они старались отвратить его отъ такаго неравнаго брака; онъ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи. И-такъ, пріодѣвшись, какъ можно, лучше и осѣдлавъ тощую клячу, достойную соперницу Россинанта, онъ привязалъ къ своему сѣдлу дамское сѣдло и отправился съ тѣмъ, чтобы жениться и привезти съ собою скромную красавицу, которая, изъ жительницы деревни на противоположномъ берегу Твида, должна была превратиться въ госпожу славной хижины Локендъ.

Въ тихомъ околодкѣ ничтожное событіе такаго рода производитъ обыкновенно много шуму. Тотчасъ распространился слухъ по деревнѣ Мельрозъ и близлежащимъ мѣстечкамъ, что длинноногій Локи отправился на ту сторону Твида за невѣстой. Всѣ сосѣды собрались на мостъ, чтобы посмотрѣть какъ онъ бу-

детъ возвращаться. Но Локи обманулъ ихъ ожиданія: онъ, на далекомъ разстояніи оттуда, перешелъ рѣку въ-бродъ и привезъ жену свою въ замокъ, не бывъ никѣмъ замѣченъ.

Теперь, опережая ходъ времени, я разскажу судьбу бѣднаго Локи по извѣстію, которое Скоттъ сообщилъ мнѣ въ письмѣ черезъ годъ или два послѣ того. Женившись, онъ потерялъ спокойствіе, благодаря неотвязчивости своихъ родственниковъ, которые не позволяли ему быть счастливымъ посвоему и всячески старались ссорить его съ женой. Локи не вѣрилъ ихъ лукавымъ вымысламъ; но безпрестанная война, которую онъ долженъ былъ вести для защиты ея добраго имени, истощила и тѣло и духъ его. Послѣдняя стычка произошла у него съ однимъ изъ его братьевъ противъ самаго замка. Между ними поднялась ужасная ссора: Локи съ жаромъ поклялся въ добродѣтели жены своей, и замертво упалъ на порогъ своей двери. Его наружность, характеръ, имя, исторія и смерть давали ему право стяжать безсмертіе въ одномъ изъ романовъ Скотта — и я старался узнать почтеннаго человѣка въ одномъ изъ послѣдовавшихъ произведеній пера его, но тщетно.

Миновавъ черту владѣній Локи, Скоттъ показалъ мнѣ въ отдаленіи Эйльдонъ стонъ. На этомъ мѣстѣ стояло встарину Эйльдонское дерево; подъ нимъ, какъ гласитъ преданіе, Томасъ стихотворецъ, (Thomas the

rhymer) изрекалъ свои предвѣщанія, изъ коихъ нѣкоторыя и до сихъ поръ сохранились въ старинныхъ балладахъ.

Тутъ мы повернули въ небольшую лощину; по ней протекаетъ быстрый и шумный ручеекъ, мѣстами образующій водопады, мѣстами осѣненный дикимъ ясенемъ и плакучею ивой. «Мы теперь идемъ по класической, или лучше сказать, волшебной землѣ» сказалъ Скоттъ. «Эта лощина была любимымъ мѣстомъ Томаса стихотворца; здѣсь онъ видѣлся съ королевой Волшебнаго-края; а вотъ и ручей, вдоль котораго она ѣздила на своемъ сѣромъ въ яблокахъ конѣ съ серебряными колокольчиками на уздѣ.»

Мы все подвигались по волшебной долинѣ; Скоттъ, показывая дорогу, шелъ впереди и продолжалъ говорить. Но какъ онъ былъ ко мнѣ спиной, то до меня доходили одни полные и гармоническіе звуки его голоса, какъ глухой звонъ органа, но я не могъ отличать словъ, пока онъ не остановился и не повернулъ ко мнѣ лица; тогда я услышалъ, что онъ читаетъ отрывокъ изъ какой-то народной пѣсни про Томаса стихотворца. Это онъ дѣлалъ частехонько, когда намъ случалось гулять по мѣстамъ историческимъ. Голова его была наполнена преданіями, связанными съ тѣмъ, что его окружало, и онъ по дорогѣ твердилъ ихъ, по-видимому столько же для собственнаго своего удовольствія, сколько и для удовольствія своего спутника.

Голосъ его былъ густъ и звученъ; въ словахъ его господствовало Шотландское произношеніе съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ Нортумберландскаго нарѣчія, что̀ придавало его рѣчи какую-то особенную силу и простоту. Стихи онъ читалъ иногда превосходно.

Кажется, въ продолженіе этой самой прогулки другъ мой Гамлетъ, черный песъ, попалъ-было въ большую бѣду. Собаки, какъ обыкновенно, всѣ разбѣжались по полямъ и долинамъ и долго пропадали изъ виду, какъ вдругъ послышался лай съ лѣвой стороны. Вскорѣ увидѣли мы барана, бѣжавшаго по горамъ и за которымъ гнались собаки. Скоттъ приложилъ къ губамъ костяной свистокъ, всегда висѣвшій у него въ пуговочной петлицѣ, и въ ту же минуту сбѣжались всѣ виновныя, кромѣ Гамлета. Мы поскорѣе взобрались на пригорокъ, съ котораго открывался видъ на длинное ущелье горъ, и увидѣли чернаго принца Датскаго, стоявшаго передъ окровавленнымъ трупомъ барана. Тѣло еще не простыло, и на немъ видны были слѣды жестокаго нападенія, а Гамлетова морда была въ крови. Никогда не застава-ли преступника въ большей степени in flagrante delictu.

Я думалъ, что бѣдному Гамлету не миновать смертной казни, потому-что въ деревняхъ, обильныхъ пажитями, не можетъ быть больше этаго преступленія. Но

Скоттъ цѣнилъ своихъ собакъ выше овецъ. Въ первыхъ видѣлъ онъ вѣрныхъ товарищей и друзей. Къ тому же Гамлетъ, хотя и безпокойное, скучливое животное, былъ его любимцемъ. Онъ долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ Гамлетъ умертвилъ овцу. Убійцею, по его мнѣнію, была какая-нибудь собака изъ сосѣдства, которая убѣжала, когда мы показались, сваливъ всю вину на Гамлета. Но улики были слишкомъ явны, и всѣ возстали противъ Гамлета. «Пусть такъ! говорилъ Скоттъ: да я отчасти самъ тому виноватъ. Я съ нѣкотораго времени не ѣзжу болѣе на охоту, и бѣдное животное не имѣло надежды получить лакомый кусокъ за труды. Если бы его посылали въ-погоню за зайцами, Гамлетъ никогда бы не связывался съ овцами.»

Я слышалъ въ-послѣдствіи, что Скоттъ досталъ маленькую лошадь и ѣздитъ на охоту съ Гамлетомъ, который съ тѣхъ поръ, разумѣется, не показываетъ болѣе особеннаго предпочтенія овцамъ.

Погулявъ еще въ горахъ, мы пришли къ мѣсту, которое Скоттъ называлъ остатками Римскаго лагеря. Мы сѣли на пригорокъ, составлявшій нѣкогда часть вала, и онъ показалъ мнѣ слѣды укрѣпленій и шатровъ. Скоттъ при этомъ случаѣ обнаружилъ такія познанія въ военномъ искуствѣ, которыя сдѣлали бы честь самому антикварію Олдьбуку. Въ самомъ дѣлѣ разныя обстоятельства въ быту Скоттовомъ убѣ-

дили меня, что многія изъ антикварскихъ причудъ Монкбарнса заимствованы имъ изъ сокровищницы собственнаго его характера, и что нѣкоторыя сцены и лица прекраснаго романа его списаны на мѣстѣ.

Скоттъ разсказалъ мнѣ разные анекдоты про одного знаменитаго нищаго, Андрея Геммельса, который прежде жилъ на берегахъ Гала-Ватера противъ самаго Аббатсфорда. Скоттъ часто его видѣлъ, говорилъ и шутилъ съ нимъ въ своемъ дѣтствѣ, и я сейчасъ узналъ въ этой фигурѣ зеркало бродягъ-философовъ, Нестора нищихъ, Эди Окильтри. У меня чуть не сорвалось съ языка его имя; я хотѣлъ-было сказать, что узнаю портретъ, но вдругъ вспомнилъ инкогнито, которое Скоттъ соблюдалъ въ-разсужденіи своихъ романовъ—и удержался. Между-тѣмъ это обстоятельство еще болѣе утвердило меня въ мысли, что таинственный авторъ — онъ. Его Андрей Геммельсъ былъ точь-въ-точь Эди, какъ по росту, пріемамъ и воинственному виду, такъ и по насмѣшливому характеру. Его домъ — если только у него былъ домъ — находился въ Галамельсѣ; но онъ странствовалъ повсюду, кочевалъ то въ лѣсахъ, то на берегахъ рѣкъ, и былъ родъ ходячей газеты по долинамъ Твида, Этрика и Ярро, переносилъ сплетни изъ дому въ домъ, пересуживалъ всѣхъ, мѣшался во всѣ дѣла, и никогда не упускалъ случая посмѣяться надъ слабостями или недостатками ближняго.

«Можно себѣ представить, продолжалъ Скоттъ, что такой хитрый нищій, какъ Андрей Геммельсъ, который умѣлъ пѣть Шотландскія пѣсни, разсказывать анекдоты и преданія, и болтовней своей сокращалъ длинные зимніе вечера, вовсе не былъ докучливымъ гостемъ въ уединенномъ замкѣ или деревнѣ. Дѣти радостно выбѣгали къ нему на-встрѣчу, ставили ему кресла въ самый теплый уголокъ, а старики ухаживали за нимъ, какъ за дорогимъ гостемъ.»

Что касается до Андрея, то онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ священникъ на своихъ прихожанъ, и принималъ подаянія, какъ должную ему дань. «Я даже думаю,» прибавилъ Скоттъ, «что онъ считалъ себя выше тѣхъ бѣдныхъ, которые снискиваютъ пропитаніе трудами, и въ душѣ презиралъ прилежныхъ крестьянъ, у которыхъ находилъ пищу и пріютъ.»

Аристократическими своими свѣдѣніями былъ онъ отчасти обязанъ временному знакомству съ мелкими дворянами, принимавшими его, по недостатку въ обществѣ, отъ скуки. Онъ иногда игралъ съ ними въ карты или въ кости и проигрывалъ съ видомъ человѣка, который деньги ставитъ ни во что. Между людьми, удостоивавшими его такаго короткаго обращенія, былъ старикъ Джонъ Скоттъ Гала, человѣкъ знатнаго происхожденія, жившій въ родительскомъ замкѣ Торвудли. Однако жъ различіе въ званіяхъ не

вовсе было забыто. Хозяинъ сидѣлъ по одну сторону окна въ комнатѣ, а нищій по другую на улицѣ. и такимъ образомъ играли они въ карты на доскѣ, которая ихъ раздѣляла.

Иногда Андрей осмѣливался говорить хозяину свое мнѣніе напрямикъ; особенно это было разъ, когда тотъ продалъ часть своей вотчины, что-бы на вырученныя деньги купить себѣ домъ пообширнѣе. Рѣчь Андрея по этому случаю напоминаетъ тонкость Эди Окильтри.

«Прекрасно, прекрасно, Торвудли,» говорилъ онъ: «но кто бы подумалъ, что сынъ вашего отца продастъ два славныя имѣнія, чтобы свить кукушечье гнѣздо на горѣ?»

Въ этотъ день пріѣхали въ Аббатсфордъ два Англійскіе туриста: одинъ, богатый дворянинъ и владѣлецъ; другой, молодой человѣкъ духовнаго званія, который по-видимому былъ подъ покровительствомъ перваго и служилъ ему спутникомъ.

Покровитель былъ изъ числа тѣхъ благовоспитанныхъ вседневныхъ людей, которые наводняютъ Англію. Онъ очень уважалъ Скотта, и стараясь выказать передъ нимъ свою ученость, безпрестанно пускался въ отвлеченныя разсужденія, которыхъ Скоттъ вовсе не жаловалъ. Разговоръ послѣдняго пестрѣлъ по обыкновенію

анекдотами и разсказами—и нѣкоторые изъ нихъ были очень замысловаты и забавны. Но благовоспитанный дворянинъ былъ или такъ глупъ, что не понималъ остроты, или боялся уронить свое достоинство, предаваясь искренней веселости; напротивъ добрый священникъ, которому просвѣщеніе не мѣшало быть счастливымъ, смѣялся отъ души при всякой шуткѣ и наслаждался ими съ простосердечіемъ человѣка, у котораго больше веселости въ сердцѣ, нежели денегъ въ карманѣ.

Когда они уѣхали, мы разговорились о различіи въ обращеніи ихъ. Скоттъ говорилъ съ большимъ уваженіемъ объ отличномъ воспитаніи и размѣренныхъ пріемахъ богача, но еще съ большею пріязнію о добромъ священникѣ и о простодушномъ, но искреннемъ удовольствіи, которое онъ изъявлялъ при каждой шуткѣ. «Я почти увѣренъ,» сказалъ Скоттъ, «что священникъ счастливѣе своего покровителя. Онъ не въ состояніи самъ себѣ доставлять всѣхъ удобствъ и наслажденій, которыми пользуется богачь; за-то онъ полнѣе чувствуетъ цѣну ихъ, когда обязанъ ими другимъ. Вообще,» прибавилъ онъ: «я предпочитаю веселый нравъ священника тонкому воспитанію его покровителя. Для меня искренній смѣхъ много значитъ.»

Потомъ онъ перешелъ къ Англійскимъ путешественникамъ, которые съ нѣкоторыхъ поръ наводняютъ Шотландію, и боялся, не исказили ли

они первобытнаго характера Шотландцевъ. «Сперва они пріѣзжали сюда просто какъ охотники,» сказалъ онъ, «чтобы стрѣлять дичь въ горахъ, и не думали любоваться видами. Они путешествовали очень экономно, и не тратили по-пустому денегъ; а теперь они пріѣзжаютъ въ прекрасныхъ экипажахъ, хотятъ видѣть руины и посыпаютъ деньгами, и эта неумѣстная щедрость отозвалась невыгодно на простомъ народѣ. Крестьяне сдѣлались корыстны въ сношеніяхъ съ чужестранцами, жадны на деньги и безстыдны въ требованіяхъ за самыя ничтожныя услуги. Въ прежнее время,» продолжалъ онъ, «классъ бѣдныхъ людей въ нашей сторонѣ былъ, по сравненію съ другими народами, безкорыстенъ. Безденежно предлагали свои услуги для угожденія любопытнымъ путешественникамъ, и довольствовались весьма скудной наградой; теперь завели торгъ горами и руинами, и не уступаютъ въ сребролюбіи Итальянскимъ чичероне. Всѣ смотрятъ на Англичанъ какъ на ходячіе мѣшки съ деньгами; чѣмъ больше таскаешь и трясешь ихъ, тѣмъ больше изъ нихъ вываливается.»

Я замѣтилъ Скотту, что онъ самъ отчасти виноватъ въ этомъ, потому – что такую толпу любопытныхъ привлекаетъ единственно та романическая прелесть, которую онъ умѣлъ разлить въ своихъ сочиненіяхъ на многія мѣста Шотландіи. Скоттъ, засмѣявшись, сказалъ что, я, въ нѣкоторой степени, можетъ быть, и правъ, и что мое замѣчаніе напоминаетъ ему

одно обстоятельство. Когда онъ былъ въ Гленроссѣ, старушка, содержавшая гостинницу, не слишкомъ извѣстную, такъ усердно ему прислуживала, что даже надоѣдала своею угодливостью. Наконецъ загадка объяснилась. По отъѣздѣ его, присѣдая нѣсколько разъ, она объявила, что ей сказали, будто онъ тотъ самый господинъ, который написалъ такую славную книгу про озеро Лох – Кетринъ: она просила написать что-нибудь и объ ихъ озерѣ, потому-что, какъ она слышала, книга его доставила большую прибыль Лох – Кетринской гостинницѣ.

На другой день я поѣхалъ съ Скоттомъ и дѣвицами въ Драйбургское аббатство. Мы были въ открытомъ экипажѣ, и насъ везли двѣ старыя вороныя лошади, которыхъ Скоттъ по-видимому любилъ также, какъ и всѣхъ безсловесныхъ животныхъ, ему принадлежавшихъ. Мы должны были проѣзжать мимо разныхъ мѣстъ, ознаменованныхъ историческими событіями и поэтическими вымыслами. Скоттъ почти обо всѣхъ разсказывалъ что-нибудь. Между-прочимъ онъ показалъ намъ по дорогѣ старинное пограничное укрѣпленіе на вершинѣ длинной цѣпи голыхъ холмовъ; онъ называлъ его башнею Смельгольмъ, а скалистую возвышенность, на которой оно было построено, Сендиносскими утесами. Это мѣсто, по словамъ его, было особенно для него дорого по воспоминаніямъ дѣтства. Дѣдъ его жилъ въ старинной Смельгольмской фермѣ; а его самаго отправили туда, когда ему было

два года, въ надеждѣ, что чистый горный воздухъ и попеченія бабушки и тётокъ исправятъ его хромоту. Въ этомъ-то жилищѣ, сказалъ онъ, пробудилась во мнѣ первая страсть къ легендамъ, преданіямъ и стариннымъ народнымъ пѣснямъ и балладамъ. Бабушка его и тётки были очень свѣдущи по этой части, которая составляла довольно обыкновенный предметъ занятій въ Шотландской деревенской жизни. Онѣ забавлялись такими разсказами зимой въ скучные темные дни, или вечеромъ у камина, въ присутствіи болтливыхъ гостей своихъ; а маленькой Вальтеръ сидѣлъ и слушалъ съ жадностію, и въ дѣтскомъ умѣ его уже зарождались сѣмена блистательныхъ вымысловъ. Въ числѣ домашнихъ слугъ былъ старый пастухъ; онъ часто сижпвалъ подъ окнами на солнцѣ, вязалъ чулокъ и разсказывалъ чудныя сказки, или читалъ наизусть старинныя баллады. Въ хорошую погоду маленькаго Скотта перевозили въ креслахъ на чистый воздухъ; онъ оставался подлѣ старика и по цѣлымъ часамъ слушалъ его.

Мѣстоположеніе Сендинозовъ было благопріятно какъ для разскащика, такъ и для слушателя Отсюда открывался видъ на всю пограничную сторону съ ея феодальными башнями, заколдованными долинами и волшебными рѣками. Передавая свои повѣсти, пастухъ могъ указывать на самыя мѣста, гдѣ происходили событія. Такимъ образомъ Скоттъ, еще не умѣя ходить, уже знакомился съ мѣстами дѣйствія

своихъ будущихъ романовъ; онъ смотрѣлъ на нихъ сквозь магическую призму, и они приняли навсегда въ дѣтскомъ его воображеніи романическій колоритъ. Можно сказать, что онъ съ вершинъ Сендинозскихъ въ первый разъ увидѣлъ обѣтованную землю своей будущей славы.

Мы уже далеко отъѣхали, а Скоттъ все еще смотрѣлъ задумчиво на дикія вершины, говоря, что ему часто хотѣлось купить это мѣсто, починить старую башню и переселиться сюда на-житье. Впрочемъ онъ нѣкоторымъ образомъ уже заплатилъ давнишній долгъ благодарности, избравъ мѣсто сіе предметомъ поэтическихъ воспоминаній въ балладѣ: «Канунъ Иванова-дня.» * Надобно надѣяться, что нынѣшніе владѣльцы столь драгоцѣннаго памятника дѣтства Скоттова предохранятъ его отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Обращаясь къ своему дѣтству, Скоттъ замѣтилъ, что хромота, которая такъ останавливала развитіе его силъ въ младенчествѣ, мало-по-малу стала уменьшаться, тѣло его укрѣпилось, и хотя онъ не переставалъ прихрамывать, но былъ уже въ ранней молодости хорошимъ ходокомъ. Онъ часто отлучался изъ дому и по нѣскольку дней сряду странствовалъ по окрестностямъ, собирая мѣстные толки, вникая въ народный бытъ, и наблюдая характеры. Отцу его

* Эта баллада прелестно переведена Жуковскимъ и напечатана подъ названіемъ: *Замокъ Смальгольмъ.*

очень не нравилась эта склонность къ бродяжеству, и онъ, покачивая головою, неразъ изъявлялъ опасеніе, что мальчикъ только и способенъ быть разнощикомъ. Сдѣлавшись постарше, онъ сталъ отчаяннымъ охотникомъ, и большую часть времени проводилъ въ преслѣдованіи зайцевъ и стрѣлянія дичи. Эта забава завлекала его иногда въ самыя топкія и непроходимыя мѣста, и вотъ какимъ образомъ онъ собралъ большую часть тѣхъ топографическихъ свѣдѣній, о которыхъ свидѣтельствуютъ его сочиненія.

Озеро Кетринъ увидѣлъ онъ въ первый разъ мальчикомъ, въ одну изъ своихъ экспедицій. Островъ, который въ его поэмѣ служитъ обителью Дѣвы-озера, былъ тогда во владѣніи какаго-то старика и жены его. Ихъ не было дома; они спрятали ключь подъ дверь, а сами пошли ловить рыбу. Тогда островъ этотъ былъ мирнымъ убѣжищемъ, но послѣ обратился въ притонъ контробандистовъ, которыхъ однако вскорѣ открылп.

Въ-послѣдствіи, когда Скоттъ началъ передавать топографическія свѣдѣнія свои въ литературныхъ сочиненіяхъ, онъ вторично посѣтилъ многія мѣста, впдѣнныя имъ въ прежнихъ его странствованіяхъ, и старался сохранить легко исчезающіе остатки преданій и пѣсней, восхищавшихъ его въ дѣтствѣ. Когда онъ собиралъ матеріалы для своей «Border Minstrelsy» (пѣсни мепестреловъ на границѣ), онъ ходилъ

изъ хижины въ хижину и заставлялъ старухъ говорить все, что онѣ знали, хоть бы не болѣе двухъ строкъ, и склеивъ всѣ эти отрывки, онъ предохранилъ отъ забвенія множество прекрасныхъ балладъ и преданій.

Къ-сожалѣнію, я долженъ признаться, что посѣщеніе Драйбургскаго аббатства оставило во мнѣ мало воспоминаній. Оно принадлежитъ къ имѣнію графа Бо́кана. Священное зданіе превратилось въ развалину, богатую Готическими древностями, и особенно драгоцѣнную для Скотта тѣмъ, что тамъ мѣсто погребенія его фамиліи, и гробницы и памятники его предковъ. Онъ по-видимому горько жалѣлъ, что эти гробницы теперь во владѣніи и въ зависимости графа, слывшаго благороднымъ, но страннымъ человѣкомъ. Впрочемъ послѣдній очень умѣлъ цѣнить эти священные предметы и *радовался*, что рано или поздно будетъ имѣть честь похоронить Скотта, и присоединить къ *коллекціи* памятникъ, достойный «великаго пѣвца сѣвера» — комплиментъ, который конечно вовсе не обрадовалъ того, къ кому онъ обращался.

Одна изъ пріятнѣйшихъ моихъ прогулокъ съ Скоттомъ въ окрестностяхъ Аббатсфорда была та, въ которой участвовалъ Виліамъ Ледло, управляющій имѣніемъ Скотта. Этотъ человѣкъ пользовался особеннымъ его уваженіемъ. Онъ былъ одаренъ отъ природы здравымъ умомъ, получилъ хорошее во-

спитаніе, и былъ обогащенъ разнообразными и обширными свѣдѣніями, присоединяя ко всему этому прекрасную нравственность. Несчастія ввергли его въ бѣдность, и Скоттъ далъ ему мѣсто при своемъ имѣніи. Онъ жилъ на небольшой мызѣ, на горной сторонѣ Аббатсфорда, и Скоттъ обращался съ нимъ какъ съ вѣрнымъ, искреннимъ другомъ, а не какъ съ подчиненнымъ.

Такъ-какъ день былъ дождливой, то Скоттъ взялъ съ собою одного изъ его помощниковъ, которому велѣлъ нести свой плащъ. Этотъ человѣкъ, по имени, кажется, Жоржъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Софія Скоттъ называла его великимъ визпремъ своего отца, и однажды вечеромъ идучи съ Скоттомъ подъ-руку, она позабавила насъ разсказомъ о его совѣщаніяхъ съ Жоржомъ на счетъ хозяйственныхъ дѣлъ. Жоржъ не любилъ уступать, и Скоттъ часто выдерживалъ съ нимъ передъ самымъ домомъ предлинные споры о разныхъ предположеніяхъ по имѣнію. Кончалось всегда тѣмъ, что Скоттъ, утомившись до-нельзя, сдавался и говорилъ:

«Ну, хорошо, Жоржъ, пусть будетъ по-твоему.»

Однако же, черезъ нѣсколько времени, Жоржъ являлся у дверей гостиной и докладывалъ: «Я обдумалъ дѣло и, кажется, лучше поступить по совѣту вашей милости.»

Скоттъ отъ души смѣялся этому разсказу и сказалъ: «Со мной и Жоржемъ будетъ, можетъ быть, то же, что было съ однимъ старымъ лордомъ и упрямымъ слугою, котораго онъ держалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ вышелъ изъ терпѣнья и закричалъ съ-сердцемъ: «Это ни на что не похоже! мы не можемъ долѣе оставаться вмѣстѣ — намъ надобно разстаться.» «А куда же, ваша милость, изволите ѣхать? спросилъ слуга.» Я долженъ сдѣлать еще одно замѣчаніе на счетъ Жоржа; онъ усердно вѣрилъ въ привидѣнія, въ колдовство и вовсе, что разсказываютъ старыя бабы. Притомъ онъ былъ чрезвычайно богомоленъ, но въ его набожности проявлялась какая-то Шотландская гордость: ибо хотя все его жалованье состояло изъ двадцати фунтовъ ст. въ годъ, однако жъ онъ накопилъ семь фунтовъ для покупки роскошной библіи. Впрочемъ у него было сто фунт. наличныхъ денегъ, и въ глазахъ товарищей своихъ онъ слылъ богатымъ человѣкомъ.

Гуляя однажды утромъ, мы остановились у маленькаго дома, принадлежащаго одному изъ работниковъ въ имѣніи. Скоттъ хотѣлъ посмотрѣть новую драгоцѣнность, которую нашли въ Римскомъ лагерѣ: это были, по словамъ Скотта, клещи. Насъ приняла жена работника, краснощекая, дородная женщина, которую Скоттъ привѣтствовалъ именемъ Эліи. Она подала Скотту антикъ, и онъ долго разсматривалъ, повертывалъ его во всѣ стороны, дѣлалъ разныя за-

мѣчанія полусерьёзныя и полукомическія. Между-тѣмъ его окружили всѣ обыватели хижины, и число слушателей умножалось ежеминутно. Эта сцена невольно напомнила мнѣ неподражаемый характеръ Монкбарниса; мнѣ казалось, что я впжу передъ собой этаго царя антикваріевъ и юмористовъ, проповѣдующаго посреди своихъ неученыхъ и невѣрующихъ сосѣдей.

Всякой разъ, когда Скоттъ, какъ теперь, касался мѣстныхъ древностей, или говорилъ о мѣстныхъ преданіяхъ и предразсудкахъ, рѣчи его были проникнуты спокойнымъ и тонкимъ юморомъ, который отражался въ чертахъ его лица и давалъ его словамъ видъ шутки. Мнѣ казалось, что онъ самъ не довѣряетъ своему энтузіаму и любитъ останавливаться на своихъ странностяхъ и причудахъ, но въ тоже самое время поэтическій огонь въ глазахъ его обличалъ въ немъ неподдѣльное чувство и сильное влеченіе къ предмету.

«Очень жаль,» сказалъ онъ, «что всѣ антикваріи вообще такъ сухи, между-тѣмъ-какъ предметы, которыми они занимаются, богаты историческими и поэтическими воспоминаніями, живописными картинами, прекрасными и героическими характерами и разными любопытными обычаями и обрядами старины. Они вѣчно роются въ самыхъ рѣдкихъ матеріалахъ для поэзіи, а имъ никогда и въ мысль не придетъ воспользоваться ими поэтически, тогда-какъ каждый обломокъ старины болѣе или менѣе имѣетъ свою

исторію, или носитъ отпечатокъ характера, обстоятельствъ и обычаевъ той эпохи, къ которой принадлежитъ, и такимъ образомъ онъ даетъ пищу воображенію.»

По моему, Скоттъ какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ разговорахъ самый пріятный антикварій, какаго я когда-либо видѣлъ. Спокойный, легкій юморъ, который невольно вкрадывался въ глубокія его разсужденія, придавалъ имъ особенную, невыразимую прелесть. Но онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отдавать самому себѣ справедливости. Геній его былъ такъ свободно-игривъ, что онъ самъ не зналъ его могущества; онъ обнаруживался внезапными проблесками ума, которые наносятъ стыдъ успѣхамъ и напряженію умовъ обыкновенныхъ.

Наша прогулка въ это утро привела насъ опять къ долинѣ стихотворца, къ холму и къ рощѣ Гентле, и къ серебристому водопаду, осѣненному плакучими березами и дикими ясенями; эти прекрасныя, нѣжныя деревья служатъ украшеніемъ лѣсовъ и рѣкъ Шотландіи. Кустарникъ, эта часто-сотканная одежда Шотландскихъ ландшафтовъ, прикрывающая наготу горъ, также оживлялъ окружность своими нѣжными и яркими красками. Когда мы дошли до конца долины, передъ нами открылась дальняя перспектива: Мельрозъ съ своими башнями и шпицами по одну сторону, по другую Эйльдонскіе холмы, Коуденнозы, Твидъ, Гала-Ватеръ, съ своими историческими окре-

стностями; лучи солнца, безпрестанно смѣнявшіеся съ пролпвнымъ дождемъ, разнообразили ландшафтъ.

Скоттъ, какъ обыкновенно, шелъ впереди и очень скоро; онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и говорилъ отрывки то изъ пѣсень, то изъ преданій. Два или три раза, въ продолженіе нашей прогулки, принимался итти частый и мелкій дождь, но мой спутникъ преспокойно шелъ впередъ, какъ будто бы погода была прекрасная. Наконецъ я спросилъ, не лучше ли намъ будетъ укрыться гдѣ-нибудь. «Правда,» сказалъ Скоттъ: «я и забылъ, что вы не привыкли къ нашимъ Шотландскимъ туманамъ. У насъ климатъ сырой, безпрестанно дожди. Но мы дѣти тумановъ, и не болѣе должны обращать вниманія на облачныя слезки, какъ мужъ на истерическій плачь жены. Такъ-какъ вы не привыкли промокать до костей, что у насъ вещь очень обыкновенная въ утреннихъ прогулкахъ, мы подождемъ подъ этимъ навѣсомъ вѣтвей, пока дождь перейдетъ.» Сѣвъ подъ густою зеленью, онъ спросилъ у Жоржа свой плащь и обернувшись ко мнѣ, сказалъ: «Поди, поди подъ плащь мой, какъ гласитъ старинная пѣсня,» и посадивъ меня подлѣ себя, онъ накинулъ на меня половину своего плаща, говоря, что беретъ меня подъ свое крылышко.

Покуда мы такъ расположились другъ возлѣ друга, Скоттъ указалъ мнѣ пещеру на противоположной

сторонѣ долины. «Въ этой пещерѣ,» сказалъ онъ, «живетъ одинъ сѣдой старикъ: нечего сказать, тѣсненько ему въ такую худую погоду.» Скоттъ иногда видѣлъ его у входа пещеры; онъ стоялъ какъ монахъ у дверей своей кельи и читалъ молитвы по четкамъ. Скоттъ благоговѣлъ передъ почтеннымъ отшельникомъ и никогда не безпокоилъ его. «Это, сказалъ онъ, преемникъ Томаса стихотворца, можетъ быть, даже и самъ Томасъ, возвратившійся изъ Волшебныхъ-краевъ, но все еще околдованый.» У насъ какъ-то зашла рѣчь о поэтѣ Гоггѣ (Hogg). Ледло, сидѣвшій подлѣ насъ, также участвовалъ въ разговорѣ. Гоггъ въ-старину служилъ у его отца пастухомъ, и Ледло разсказалъ про него много занимательныхъ анекдотовъ, которые я однако жъ теперь позабылъ. Когда Ледло былъ еще мальчикомъ, они вмѣстѣ стригли овецъ. Гоггъ въ это время сообщалъ ему первыя попытки своей незрѣлой музы. Ночью, когда Ледло сладко спалъ на фермѣ, мечтатель Гоггъ уходилъ въ пастушью хижину, лежалъ тамъ безъ сна нѣсколько часовъ сряду, смотрѣлъ на звѣзды и сочинялъ стихи, которые онъ на другой день читалъ своему товарищу. Скоттъ говорилъ съ чувствомъ о Гоггѣ и привелъ нѣкоторыя мѣста изъ его прекрасной поэмы Кильмени, которую онъ чрезвычайно хвалилъ, какъ и должно. Онъ также разсказалъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ о Гоггѣ и объ издателѣ его сочиненій Блеквудѣ, только-что начинавшемъ пріобрѣтать ту библіографическую славу, которая досталась ему въ-послѣдствіи.

Гоггъ—въ одной изъ своихъ поэмъ, кажется, въ «Пилигримахъ Солнца» — пустился въ метафизику, и вмѣстѣ съ своими героями залетѣлъ въ облака. Блеквудъ, принимая на себя роль критика, настойчиво представлялъ ему необходимость выкинуть или пояснить одно темное мѣсто въ этомъ сочиненіи. Гоггъ не соглашался.

«Однако, пріятель,» сказалъ Блеквудъ, «я не знаю, что́ ты здѣсь хочешь сказать.»

«Вотъ тебѣ на!» возразилъ Гоггъ съ нетерпѣніемъ: «я и самъ не всегда знаю, что хочу сказать.» Сколько́ есть метафизическихъ поэтовъ, похожихъ въ этомъ случаѣ на добраго Гогга.

Скоттъ обѣщалъ пригласить пастуха въ Аббатсфордъ еще при мнѣ, и я очень радовался свиданію съ нимъ, какъ по всему, что я слышалъ о его характерѣ и привычкахъ, такъ и по удовольствію, которое доставили мнѣ его сочиненія. Но обстоятельства не позволили Скотту исполнить обѣщанія, и я долженъ былъ оставить Шотландію, не видавъ человѣка, замѣчательнаго своимъ оригинальнымъ и чисто-народнымъ характеромъ.

Когда погода поправилась, мы стали продолжать нашу прогулку и наконецъ пришли къ прекрасному озеру на горѣ, которое (если не ошибаюсь) Скоттъ на-

зывалъ озеро Каульдшиль. Онъ очень гордился этимъ маленькимъ Средиземнымъ-моремъ своихъ владѣній, и надѣялся, что я не до того избалованъ нашими большими озерами въ Америкѣ, чтобы оно мнѣ не нравилось. Онъ предложилъ мнѣ отправиться на середину его для прекрасныхъ видовъ, и мы сѣли на маленькій яликъ, принадлежавшій его сосѣду Сомервилю. Входя туда, я увидѣлъ на одной скамьѣ написанныя крупными буквами слова: «Ищи № 1.» Я пріостановился и повторилъ вслухъ эту надпись, припоминая, что я что-то слышалъ или читалъ, къ чему она относится. «Чтоже вы!» вскричалъ Скоттъ: «это просто одна изъ безсмыслицъ лорда Сомервиля — входите.» Въ ту самую минуту сцены изъ Антикварія, имѣющія связь съ «Ищи № 1» представились моему воображенію. «А! теперь вспомнилъ!» сказалъ я и засмѣявшись сѣлъ, но не упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Прогулка наша по озеру была очень пріятна; виды представлялись прекрасные. Но главная достопримѣчательность озера, по мнѣнію Скотта, состояла въ томъ, что въ немъ водилось чудовище въ видѣ водянаго быка; оно жило на днѣ и только изрѣдка выходило на берегъ. Это преданіе существуетъ въ окрестностяхъ съ незапамятныхъ временъ. Былъ даже человѣкъ, который утверждалъ, что онъ самъ видѣлъ быка, и многіе изъ сосѣдей-простяковъ вѣрили ему. «Я не хочу опровергать этой сказки,» сказалъ

Скоттъ: «потому-что съ радостію принимаю въ мое озеро всѣхъ рыбъ, звѣрей и птицъ, какими только вздумается моимъ сосѣдямъ дарить его: эти бабьи сказки въ Шотландіи родъ имущества, соединеннаго съ владѣніемъ землею. Наши рѣки и озера похожи на рѣки и озера Германіи, которыя всѣ имѣютъ своихъ ундинъ или волшебницъ; я очень люблю всѣхъ этихъ земноводныхъ духовъ.»

Когда мы вышли на берегъ, Скоттъ продолжалъ сообщать мнѣ разныя замѣчанія, перемѣшанныя живописными разсказами о баснословныхъ существахъ, которыми Шотландцы любятъ населять рѣки и озера, украшающія величественную и уединенную природу Шотландскихъ горъ. Онъ сравнивалъ мѣстные предразсудки съ предразсудками другихъ націй Сѣверной Европы; но Шотландія, говорилъ онъ, превосходитъ всѣ прочія страны дикими и чудными плодами воображенія, порожденными свойствомъ природы, туманнымъ и угрюмымъ климатомъ, ужасными и плачевными событіями исторіи, междоусобіями народа; его особенными чувствами и повѣрьями, самобытностію языка, съ которымъ сродпились разныя странныя и нелѣпыя мнѣнія; отшельническою жизнію горныхъ обитателей; уединеніемъ пастуховъ, которые проводятъ почти всю жизнь на пустынныхъ горахъ, и наконецъ преданіями и пѣснями, прославившими издавна всѣ скалы и рѣки, и переходившими изъ рода въ родъ. Шотландскій умъ, говорилъ Скоттъ, есть

смѣсь поэзіи и необыкновеннаго здраваго смысла; сила послѣдняго сохраняетъ и обогащаетъ первую. Это плодородная земля; стоитъ только бросить семя поэзіи, и оно пуститъ глубокіе корни и расплодится. «Народныя пѣсни, преданія и повѣрья Шотландіи никогда не истребятся. Народъ не столько вѣритъ имъ, сколько находитъ въ нихъ отрады. Они принадлежатъ къ роднымъ горамъ и рѣкамъ, которыя они любятъ, и къ исторіи ихъ предковъ, которыми они гордятся.»

«Сердце ваше порадовалось бы,» продолжалъ онъ, «когда бъ вы видѣли, какъ наши бѣдные поселяне, собравшись въ кучу, сидятъ около огромнаго камина и проводятъ зимніе вечера, длинные, мрачные, ненастные, слушая какую-нибудь старушку или нищаго-разскащика, которые занимаютъ ихъ разсказами о колдунахъ и привидѣніяхъ или о страшныхъ приключеніяхъ въ лѣсахъ и на границѣ; иногда читаютъ отрывки балладъ, и имена прославленныхъ въ нихъ героевъ воспламеняютъ кровь вѣрныхъ Шотландцевъ какъ звуки трубы.»

«Эти разсказы старины, эти баллады сохранялись въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ единственно въ изустныхъ преданіяхъ, переходя отъ отца къ сыну, или лучше сказать отъ бабушки къ внучатамъ, и составляли родъ наслѣдственнаго богатства бѣдныхъ крестьянъ. Жестоко было бы отнять его у нихъ, по-

тому-что они лишены библіотекъ, которыя могли бы замѣнить ихъ преданія произведеніями фантазіи.»

Я не имѣю въ виду передавать въ точности собственныя слова Скотта, но желалъ бы возстановить, какъ можно совершеннѣе, при помощи весьма поверхностныхъ замѣтокъ и темныхъ воспоминаній, главныя мысли его. Чувствую, какъ далеко отстаю отъ него въ-разсужденіи полноты и роскоши изложенія.

Разговоръ все шелъ о духахъ и привидѣніяхъ, столь обыкновенныхъ въ Шотландскихъ легендахъ. «Впрочемъ, наши волшебницы,» продолжалъ Скоттъ, не смотря на то, что онѣ носятъ зеленую одежду и летаютъ при свѣтѣ луны надъ горами, лѣсами и рѣками, не такой забавный народъ, какъ волшебницы Англіи; но за то онѣ въ высшей степени умѣютъ придавать себѣ волшебныя свойства и мастерицы на злыя шутки. Въ дѣтствѣ моемъ, я часто смотрѣлъ на зеленые холмы, гдѣ, какъ говорили, водятся волшебницы; мнѣ иногда казалось, что я бы желалъ быть усыпленнымъ имп и перенесеннымъ въ волшебное царство; но я не любилъ нѣкоторыхъ шутокъ, которымъ иногда подвергались посѣтители.»

Тутъ Скоттъ разсказалъ очень отчетисто и съ большею живостью сказку, которая ходила по всей окрестности, объ одномъ честномъ мѣщанинѣ. Работая на горѣ Питло, онъ заснулъ на одномъ изъ вол-

шебныхъ холмовъ; проснувшись, протеръ себѣ глаза и съ удивленіемъ глядѣлъ на всѣ стороны, потому-что находился на площади въ большомъ городѣ. Толпа народа шумѣла около него, но онъ не видѣлъ ни однаго знакомаго лица. Наконецъ онъ подошелъ къ одному изъ присутствовавшихъ и спросилъ у него, какъ называется мѣсто. «Какъ же ты, братъ,» возразилъ тотъ, «въ самой серединѣ Глазгова, а спрашиваешь, какъ его зовутъ?» Бѣднякъ былъ изумленъ и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ: онъ утверждалъ, что онъ не болѣе получаса тому назадъ спалъ на горѣ Питло, близъ Селькирка. Его чуть не почли за сумасшедшаго; къ-счастію подошелъ кто-то изъ Селькиркскихъ жителей, знавшій его, взялъ недоумѣвавшаго подъ свое покровительство и проводилъ на родину. Но здѣсь его опять осмѣяли, когда онъ началъ разсказывать, какъ перелетѣлъ съ Питло въ Глазговъ. Наконецъ эта диковинка объяснилась. Платье, которое онъ снялъ, работая на Питло, было найдено близъ «волшебнаго холма,» а пропавшую шляпу отыскали на флюгерѣ башни Ланарка; и такъ ясно было, что онъ былъ перенесенъ волшебницами на воздухѣ, покуда спалъ, а шляпу дорогой сдулъ вѣтеръ.

Я передалъ эту сказку очень неполно, по скуднымъ отмѣткамъ въ моей записной книжкѣ. Совсѣмъ въ другомъ видѣ разсказалъ ее Скоттъ въ примѣчаніи къ одному изъ своихъ романовъ; въ изустномъ же

разсказѣ главную прелесть этимъ анекдотамъ придавалъ его спокойный, но пріятный юморъ, какое-то добродушіе (*bonhomie*), которое выражалось въ нихъ, и этотъ умный, одушевленный взглядъ, сверкающій изъ-подъ густыхъ бровей.

Въ этотъ день обѣдалъ съ нами Ледло, жена его и одна ихъ знакомая, пріѣхавшая вмѣстѣ съ ними. Послѣдняя была очень умная, почтенная дама, которой Скоттъ оказывалъ особенное уваженіе. Обѣдъ былъ чрезвычайно пріятенъ; видно было, что пріѣзжіе дорогіе гости для всѣхъ домашнихъ и что они умѣли цѣнить ласки, имъ вызванныя. Когда они уѣхали, Скоттъ отозвался о нихъ съ искреннимъ чувствомъ. «Я хотѣлъ показать вамъ,» сказалъ онъ, «нашихъ истинно добрыхъ, простыхъ Шотландцевъ, а не свѣтскихъ баръ и барынь; ихъ вы можете видѣть вездѣ, и они вездѣ одинаковы. Характера народа нельзя познать изъ высшихъ классовъ.» Потомъ онъ воздалъ особенную похвалу дамѣ, которая пріѣхала съ г. и г-жею Ледло. Она дочь бѣднаго деревенскаго священника, умершаго въ-долгахъ и оставившаго ее круглой сиротою. Получивъ хорошее, основательное воспитаніе, она тотчасъ завела дѣтскую школу, и вскорѣ ее окружила толпа ученицъ; такимъ образомъ она могла жить прилично. Но это не было главною ея цѣлью. Первая ея забота состояла въ томъ, чтобы заплатить всѣ долги отца, чтобы никто не могъ оскорбить памяти его ни словомъ, ни мыслію. Она и

въ этомъ успѣла посредствомъ утонченной Шотландской экономіи, подстрекаемой дѣтскою гордостью и почтеніемъ; за-то она должна была лишать себя всего для достиженія своей цѣли. Не довольствуясь такими жертвами, она въ нѣкоторыхъ случаяхъ не принимала платы отъ тѣхъ сосѣдей, которые пособляли отцу ея въ нуждѣ и послѣ впали въ бѣдность. «Однимъ словомъ,» прибавилъ Скоттъ, «она прекрасная, хоть и старая Шотландская дѣва, и я предпочитаю ее многимъ любезнымъ дамамъ, которыхъ зналъ; а я зналъ весьма любезныхъ.»

Но пора кончить мой страннический разсказъ. Большую часть времени проводилъ я, какъ видно изъ моего слабаго описанія, въ непрестанныхъ, дружескихъ и веселыхъ разговорахъ съ Скоттомъ. Мнѣ казалось, что я бесѣдую съ Шекспиромъ, бесѣдуя съ родственнымъ ему геніемъ, хотя и не столь высокимъ. Каждый вечеръ я уединялся съ самыми пріятными воспоминаніями о минувшемъ днѣ; каждое утро просыпался съ увѣренностію вкусить новыя наслажденія. Всегда буду я помнить эти дни, какъ счастливѣйшее время моей жизни, потому-что я тогда чувствовалъ свое счастіе.

Единственная непріятная минута, которую я испыталъ въ Аббатсфордѣ была — минута разлуки. Но надежда скораго свиданія услаждала ее; я обѣщалъ, что, посѣтивъ часть горной Шотландіи, пріѣду опять

и проживу подолѣе на берегахъ Твида; тогда Скоттъ предполагалъ пригласить поэта Гогга, чтобы познакомить его со мной. Я дружески распростился со всѣми членами семейства, которыхъ всѣхъ очень полюбилъ. Если я не остановился на характерѣ каждаго въ частности и не привелъ особенныхъ анекдотовъ о нихъ, это сдѣлалъ потому, что считаю святость семейственной жизни неприкосновенною; Скоттъ напротивъ-того принадлежитъ исторіи. Когда онъ пошелъ провожать меня пѣшкомъ до маленькихъ воротъ на границѣ его помѣстья, я не могъ удержаться, чтобъ не выразить ему, какъ пріятно провелъ время въ кругу его семейства, и хвалилъ молодежь, съ которою я за минуту до того разстался. Никогда не забуду его отвѣта. «У нихъ у всѣхъ доброе и чувствительное сердце,» сказалъ онъ: «а это первое условіе человѣческаго счастія. Они бѣдняжки горячо любятъ другъ друга; болѣе ничего ненужно въ семейной жизни. Ничего лучшаго не могу пожелать вамъ, любезный другъ,» прибавилъ онъ, положивъ руку мнѣ на плечо, «кромѣ того, чтобъ вы по возвращеніи въ отечество женились и нажили себѣ дѣтокъ. Если вы счастливы, они будутъ раздѣлять ваше счастіе; если нѣтъ, они будутъ утѣшать васъ.» Тутъ мы очутились у воротъ, гдѣ онъ остановился и подалъ мнѣ руку. «Я не скажу *прощайте*,» сказалъ онъ: «это слово слишкомъ тягостно выговорить; но скажу *пріѣзжайте опять*. Когда вы осмотрите Горную Шотландію, возвратитесь сюда и подарите мнѣ побольше дней.

Пріѣзжайте, когда хотите. Аббатсфордъ всегда открытъ для васъ, и вы всегда найдете здѣсь радушный пріемъ.»

И-такъ я передалъ, впрочемъ довольно нескладно, главныя мои воспоминанія о томъ, что происходило въ Аббатсфордѣ при мнѣ; жалѣю, что я сдѣлалъ бѣднымъ, несвязнымъ, безцвѣтнымъ то, что было богато, роскошно, разнообразно. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, которые я провелъ здѣсь, Скоттъ былъ необыкновенно въ-духѣ. Отъ ранняго утра до самаго обѣда онъ все былъ въ движеніи и водилъ меня по окрестностямъ, а во время обѣда и весь вечеръ принималъ живое участіе въ общей бесѣдѣ. Собственно для себя онъ не имѣлъ ни минуты; казалось, что у него не было другаго дѣла, какъ заниматъ меня. При всемъ томъ я былъ ему почти чужой; онъ зналъ меня только по ничтожной книгѣ моего сочиненія, которая за нѣсколько лѣтъ до того доставила ему нѣкоторое удовольствіе. Но таковъ былъ Скоттъ. Смотря на него, всякій подумалъ бы, что ему болѣе нечего дѣлать, какъ тѣшить присутствующихъ своею любезностью и разговорами. Трудно было повѣрить, чтобы онъ находилъ время писать эти томы, которые безпрестанно выходили изъ печати и по свойству своему требовали обширнаго чтенія и справокъ. Я не могъ удостовѣриться, чтобы онъ въ другое время велъ иной образъ жизни, какъ въ бытность мою—праздный и безпечный. Онъ нико-

гда не отказывался отъ предположенной прогулки или охоты, и рѣдко рѣшался откладывать чужія дѣла для своихъ собственныхъ. Въ бытность мою у него я слышалъ про другихъ посѣтителей, которые были тамъ до меня и которымъ онъ конечно также посвятилъ нѣсколько дней. Въ-послѣдствіи я имѣлъ случай узнать подробно его образъ жизни. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Аббатсфорда, прибылъ туда другъ мой Вильки, чтобъ списать семейную картину Скоттовъ; домъ былъ полонъ гостей. Скоттъ проводилъ все время или въ разъѣздахъ и прогулкахъ по окрестностямъ, или въ домашней бесѣдѣ. «Во все это время,» говорилъ Вильки, «я не отважился просить Скотта, чтобъ онъ посидѣлъ для портрета: я видѣлъ, что у него не было ни одной свободной минуты, и ждалъ, чтобы всѣ гости разъѣхались. Но только-что одно общество уѣзжало, являлось другое; такъ было нѣсколько дней; со всѣми онъ занимался одинаково съ утра до вечера. Наконецъ всѣ удалились и стало тихо. Но тутъ я подумалъ, что Скоттъ, вѣроятно, пожелаетъ зарыться теперь въ книги и бумаги, чтобы вознаградить потерянное время; мнѣ казалось, что опять не кстати будетъ напоминать ему о портретѣ. Входитъ Ледло, управляющій имѣніемъ, и Скоттъ обращается къ нему, конечно, чтобы поговорить о какомъ-нибудь дѣлѣ.» Ледло, сказалъ онъ, «завтра мы переправимся черезъ рѣку и возмемъ съ собой собакъ; я полагаю, что въ той сторонѣ мы поймаемъ зайца.»

«Однимъ словомъ,» прибавилъ Вильки, «я увидѣлъ, что онъ помышляетъ вовсе не о занятіяхъ, а объ удовольствіяхъ, какъ будто ему совершенно нечего дѣлать. Съ тѣхъ поръ я уже не боялся, что отнимаю у него время.»

Разговоръ Скотта былъ искренній, чистосердечный, живописный, драматическій. Въ немъ, какъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, господствовалъ строгій и положительной здравый смыслъ, обогащенный и согрѣтый безпрестаннымъ соприкосновеніемъ чувства, воображенія и юмора. Я не вполнѣ передалъ глубокія мысли, которыя потоками лились съ его рѣчами. Но послѣ столь долгаго времени, въ моей памяти сохранились однѣ рѣзкія черты и игривые, характеристическіе анекдоты. Вообще, во все время моего посѣщенія, онъ былъ въ живомъ, склонномъ къ шуткѣ расположеніи духа; всѣ замѣчанія его и разсказы были болѣе въ комическомъ, нежели въ важномъ родѣ. Таковъ онъ былъ всегда, какъ мнѣ сказывали, въ общественныхъ сношеніяхъ; онъ любилъ шутки и веселыя остроты, и могъ смѣяться отъ-души.

Скоттъ никогда не говорилъ съ намѣреніемъ произвесть эффектъ или выказать себя, но увлекался порывами ума, сокровищами памяти, силою воображенія. Онъ имѣлъ врожденную склонность къ повѣствованію; его разсказы и описанія были не эффектны, но чрезвычайно живы. Описывая мѣста, онъ рисовалъ онъ;

передавалъ не только дѣйствія, но и разговоры лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свойственныя каждому особенности въ языкѣ и пріемахъ; онъ описывалъ наружность и характеръ всякаго такъ же умно и удачно, какъ въ произведеніяхъ своихъ. Не даромъ разговоры его безпрестанно напоминали мнѣ его романы, и мнѣ казалось, что изъ всего, сказаннаго имъ во время моего пребыванія въ Аббатсфордѣ, можно бъ было составить цѣлые томы самаго занимательнаго содержанія.

Онъ такъ же хорошо умѣлъ слушать, какъ и говорить, придавалъ цѣну всему, что говорили другіе, какъ бы низко ни было ихъ званіе, какъ бы ни были ограниченны ихъ притязанія; онъ спѣшилъ показывать свое сочувствіе ко всему, что ему ни разсказывали. Онъ былъ вовсе не высокомѣренъ, напротивъ того чрезвычайно скроменъ и простъ въ обхожденіи, принимая и сердцемъ и душою участіе въ дѣлахъ, удовольствіяхъ, даже, можно сказать, въ шалостяхъ тѣхъ, съ которыми былъ вмѣстѣ. Онъ не пренебрегалъ ни чьими дѣлами, мыслями, мнѣніями, удовольствіями, вкусомъ; такъ безыскуственно примѣнялся къ способностямъ каждаго, что заставлялъ забывать во время бесѣды свое чрезвычайное превосходство; послѣ какъ-то не вѣрилось, что можно было обходится такъ вольно и чувствовать себя совершенно на свободѣ съ Скоттомъ.

Отрадно было слышать, съ какимъ благорасположеніемъ онъ говорилъ о своихъ литературныхъ современникахъ; выставлялъ красоты ихъ сочиненій, указывалъ на ихъ достоинства, не исключая и тѣхъ людей, съ которыми можно бъ было считать его въ разладѣ по литературнымъ или политическимъ мнѣніямъ. Джеффре, полагали, нанесъ ему сильный ударъ въ одномъ изъ своихъ обозрѣній; не смотря на то, Скоттъ отзывался о немъ съ большой похвалою и уважалъ въ немъ писателя и человѣка.

Веселость его какъ въ разговорахъ, такъ и въ сочиненіяхъ была естественна, и совершенно чужда насмѣшки. Онъ имѣлъ даръ схватывать недостатки и слабости; но вообще смотрѣлъ на бѣдную человѣческую природу снисходительно, любилъ добрыхъ и любезныхъ, терпѣлъ безхарактерныхъ, и сожалѣлъ о дурныхъ. Этотъ-то самый духъ благосклонности и придаетъ какое-то простодушіе юмору Скотта во всѣхъ его сочиненіяхъ. Онъ шутилъ надъ слабостями и заблужденіями ближняго, представлялъ ихъ въ тысячѣ прихотливыхъ и характеристическихъ оттѣнковъ; но врожденная доброта и благородство умѣряли рѣзкость его остроумія и не позволяли ему быть сатирикомъ. Я не запомню, чтобы когда-либо въ его разговорахъ или сочиненіяхъ проявилась ѣдкая насмѣшка.

Вотъ блѣдное изображеніе Скотта, какимъ я видѣлъ его въ частной жизни не только во время опи-

саннаго посѣщенія, но и въ послѣдующихъ случайныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Объ общественномъ его характерѣ и достоинствахъ можетъ судить весь свѣтъ. Произведенія его сроднились съ мыслями и бытомъ всего образованнаго міра и подѣйствовали на вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ. Наставлялъ ли кто когда-либо такъ усладительно, какъ Скоттъ? Найдется ли человѣкъ, который, оглянувшись на протекшіе годы, не сознался бы, что геній Скотта усиливалъ мѣру его счастія, заставлялъ забывать заботы, усыплялъ тайныя скорби? Кто не храпитъ его сочиненій, какъ источникъ чистыхъ наслажденій, какъ утѣшителя, къ которому онъ прибѣгнетъ въ печали, и найдетъ силу для борьбы противъ житейскихъ бѣдствій и мукъ? Что до меня касается, то я въ часы унынія, когда все вокругъ меня было безотрадно, привѣтствовалъ всякое объявленіе о новомъ произведеніи его пера, какъ залогъ вѣрнаго удовольствія въ будущемъ, и ожидалъ его съ нетерпѣніемъ путешественника, который посреди пустыни видитъ вдали зелень, гдѣ онъ несомнѣнно найдетъ и прохладу и отдохновеніе. Когда я подумаю, какъ много онъ способствовалъ къ сладостнѣйшимъ минутамъ моей жизни, какъ часто и теперь еще его сочиненія дѣлаютъ меня независимымъ отъ всего свѣта, то благословляю судьбу, которая позволила мнѣ быть его современникомъ, и восхищаться изліяніями его духа. Однимъ изъ чистѣйшихъ наслажденій, испытанныхъ мною на литературномъ поприщѣ, считаю я то, которымъ обязанъ сближенію съ

такимъ геніемъ; и въ знакъ моей благодарности за его дружбу и благоговѣнія къ его памяти, я ставлю этотъ скудный памятникъ на его могилу, надѣясь, что скоро онъ возвысится трудами рукъ болѣе искусныхъ.

Съ Англійскаго. Р. Аполлонская.

ПОВѢСТИ.

КОНОТОПСКАЯ ВѢДЬМА.

Изъ повѣстей Грицька Основьяненка.

I.

Смутенъ и невеселъ сидѣлъ-себѣ на лавкѣ, въ новой свѣтелкѣ, что отгородилъ отъ противной хаты *, Конотопскій панъ сотникъ Никита Власовичь Забрёха. Хоть парень-себѣ и опрятный былъ, а тутъ и въ воскресенье не перемѣнилъ сорочки, и не раздѣваясь, сердечный, такъ и ночевалъ; радъ-радъ, что, хоть за-полночь, а дотащился до дому; а тутъ заснулъ ли, нѣтъ ли, а уже его, еще и солнце не всходило, разбудили. Тотчасъ вскочивши, вызѣвался,

* *Противная хата,* черезъ сѣни расположенная, напротивъ обыкновенной, *великой* хаты. Это означаетъ достаточнаго хозяина.

вычесался, помолился Богу, раза три нюхнулъ крѣпкаго Роменскаго табаку, прослушалъ, что ему читали, далъ порядокъ, и оставшись одинъ въ свѣтелкѣ, сѣлъ на лавкѣ; голова у него нечесана, чубъ неподбритый, лице неумыто, глаза заспаны, усы растрепаны, сорочка разорвана; подлѣ него трубка и табакъ, чернилица, гребешокъ и полная фляжка еще прошлогодней грушевки, съ-вечера поставленной ему, чтобы, знаете, съ-печали ему выпить; но какъ онъ затужилъ снова, то и забылъ выпить, да такъ и легъ, да и теперь вставши, не очень бросался на ту грушевку, потому-что новая бѣда совсѣмъ его смутила, и онъ съ печали самъ себя не помнитъ.

Какая же тамъ ему бѣда сложилася, и отъ чего такъ одолѣла его печаль? Але! подождите-тка: я вамъ все разскажу—и откуда онъ такъ поздно пріѣхалъ, и зачѣмъ не дали ему хорошенько и выспаться. Дайте-тка, у кого крѣпче табакъ, понюхать, да тогда и слушайте.

Панъ сотникъ Власовичь былъ роду честнаго и важнаго. Кто только ни помнилъ, сотенною старшиною всегда были Забрёхи; а дѣды и прадѣды Никитовы, въ славномъ сотенномъ мѣстечкѣ Конотопѣ, все были сотниками; такъ, отъ отца къ сыну, сотничество и переходило. Вотъ, какъ и старый Власъ Забрёха, сотникъ Конотопскій, умеръ... И какъ-

то жалѣло за нимъ все казачество! — да таки и всѣ люди, и старъ и малъ, всѣ плакали. А когда хоронили, такъ гробъ его несли, черезъ все село, на рукахъ какъ обыкновенно дѣти отца; и похоронили подлѣ церкви, и славно во всѣ срочные дни помянули. Какъ же отпили послѣдній сороковый день, то громада и собралася на совѣтъ. кого поставить сотникомъ? Тутъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: «а кому же быть? Власовичу, Забрёшченку; какаго намъ лучшаго искать?» Вотъ такъ-то и поставили его сотникомъ, и сталъ онъ, изъ Забрёшченка, самъ цѣлымъ Забрёхою.

Вотъ онъ, похоронивши отца, сюда-туда осмотрѣвшися, видитъ, что ему есть уже лѣтъ двадцать-пять; негдѣ дѣться, надо жениться, надо невѣсту искать. . . Отецъ же его, старый Власъ, былъ-себѣ скупенекъ; и когда-было Никита, какъ возьметъ его за сердце, станетъ отца просить, чтобъ его женилъ, то старикъ наморщитъ брови, глянетъ на него сурово, да и скажетъ: «пускай-ка прояснится, видишь, какъ пасмурно. Какой теперь сынъ женится? Видишь, хлѣбъ дорогъ: по пятнадцати копѣекъ мѣшокъ муки; да и тѣсно намъ будетъ, какъ тебѣ жену возьмемъ: только и есть, что хата съ комнатою, да черезъ сѣни противная хата, да и полно; гдѣ мнѣ васъ мѣстить съ дѣтворою, что уже знаю, что такъ и осыпятъ. Пускай-ка, послѣ подумаемъ.» То-было Никита почешется, да съ такимъ отказомъ и пойдетъ. Теперь же, какъ старикъ умеръ,

ему своя воля. Тотчасъ, взявши, противную хату перегородилъ — вотъ ему и свѣтелка, есть и просторъ. Послѣ сталъ невѣсту пріискивать и сѣлъ думать. Уже на какую - то онъ не думалъ? Прежде всего задумалъ такъ, что и гдѣ! Тотчасъ на Черниговскую протопоповну закинулъ, да и самъ испугался отъ неровни: у нея однаго платья на два воза не уложишь, а намиста, говорятъ, мѣрками отецъ отсыпетъ; да таки и нечего: тамъ и семинаристы, кончившіе курсъ, ѣли печеныя тыквы, такъ нашему брату нечего туда и соваться. Вотъ онъ и спустился пониже: перебиралъ-перебиралъ. думалъ-думалъ... далѣе, какъ заплескалъ въ ладони, какъ заговоритъ самъ-себѣ въ хатѣ: «вотъ это такъ!.. вотъ это моя!.. Хлопче! сѣдлай скорѣе коня!» Собрался ли, нѣтъ ли, нашъ Власовичъ сѣлъ скорѣе на коня... и какъ полетѣлъ, такъ только-что глазомъ его завидишь.

Куда же-то онъ такъ помчался быстро? Эге! когда-то, гдѣ-то на ярмаркѣ, видѣлъ онъ хорунжевну, Олену, вотъ что на сухой балкѣ хуторъ, называется «безверхій.» Онъ тогда, смотрѣвши, очень удивлялся, что дѣвочка и молоденькая, а закупаетъ много муки ржаной; а какъ сталъ разспрашивать людей, такъ ему и разсказали, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери, только одинъ братъ; что она презаботливая хозяйка, сама и около коровъ, сама и въ полѣ при косцахъ и при жнецахъ, а зимою въ винокурнѣ са-

ма досматриваетъ, и эту муку покупаетъ для винокурни. Братъ ея, хорунженко, хоть парень и молодой, но не хочетъ жениться, а думаетъ итти въ монахи; потому-что какъ былъ боленъ, такъ обѣщался, «когда, говоритъ, выздоровѣю, то пойду въ монахи, отдавши сестру за-мужъ.» Вотъ и выздоровѣлъ, и ожидаетъ добраго человѣка, чтобъ ему и имѣніе и сестру отдать; и уже ему ни до чего дѣла нѣтъ, все только книги читаетъ, а Олена за него вездѣ по хозяйству поворачивается.

Вотъ туда-то потянулъ нашъ панъ сотникъ Забрёха. Не взялъ же его чортъ на выдумки! Чуетъ кошка, гдѣ сало лежитъ. Одно то, что дѣвка здоровая, молодая, видная, чернобровая, полнолицая, а имѣнія - имѣнія, такъ батюшки! Свой хуторъ, лѣсокъ, винокуренька, мельничка, вѣтряная мельница, а скотины да овечекъ, такъ нечего и говорить!... И все-то ей достается. За тѣмъ-то такъ нашъ Власовичь и поспѣшаетъ; даже коню не дастъ вздохнуть, и самъ, не обѣдавши, тридцать семисотныхъ верстъ и еще съ гономъ * не отдыхая переѣхалъ; и какъ добѣжалъ до того безверхаго хутора, и всталъ съ лошади подлѣ хорунженковой хаты, такъ онъ такъ и шатается, будто пьяный; а я же говорю, что онъ и не обѣдалъ нигдѣ.

* Прежде версты считались по семи сотъ сажепей. А «гонъ» излишекъ, сколько можно коню перебѣжать безъ отдыха.

Поздоровавшись съ паномъ хорунженкомъ и сѣвши въ хатѣ, вотъ наши и разговорились между собою и узнали, что еще и отцы ихъ между собою дружили, а потому и имъ надо не отставать одинъ отъ другаго. Далѣе хорунженко спрашивалъ пана сотника, что куда его Богъ несетъ и зачѣмъ? Тотчасъ нашъ Власовичь и сталъ лгать. Старые люди говорятъ, только-что еще задумаешь свататься, то и станешь лгать; и что безо лжи ни одинъ человѣкъ не сватался. Вотъ-же то и сотникъ говоритъ, что будто бы ему нужно нанять въ винокурнѣ барду для воловъ въ зиму (а гдѣ еще-то та и зима? еще только Петровки идутъ). Такъ онъ услышалъ, что у пана хорунженка въ винокурнѣ барда добрая, и хорошо скотину присматриваютъ, такъ онъ пріѣхалъ нанять и сторговаться.

«Не знаю я этаго дѣла и ни во что на мѣшаюсь. Про то сестра знаетъ,» сказалъ ему въ отвѣтъ панъ хорунженко.

— А гдѣ же Осиповна Олена? Можетъ быть, ее позвали бы; то мы съ нею и кончимъ дѣло — сказалъ Забрёха.

«Але! сестра въ полѣ. Поѣхали тамъ немного проса посѣять, такъ она присматриваетъ; потому-что безъ нея никто ничего не съумѣетъ и сдѣлать. А вы, Власовичь, не скучайте; она къ-вечеру и будетъ. Пока она возвратится, дѣвка! а принеси-ка намъ

сливянки! то мы по горшечку, по другому выпьемъ. Да уже вы, панъ сотникъ, у насъ и заночуйте, потому-что уже перано,» сказалъ хорунженко.

— Панская воля!—отвѣтъ далъ Никита, и радехонекъ-себѣ.

Вотъ, какъ выцѣдили они по кувшину на брата сливянки, а послѣ и терновки выпили не мало, пріѣхала съ поля и наша Олена. Видитъ, что чужой человѣкъ, тотчасъ бросилась, велѣла поймать въ прудѣ карасей и заказала ужинъ готовить; сюда-туда бросилась, и дала всему порядокъ: что и завтра работать и кому, куда и зачѣмъ ѣхать; а послѣ принарядилась-таки мило, какъ пристойно панночкѣ, да еще и хорунжевой дочери: къ старенькой плахтѣ да привѣсила люстриновую запаску; надѣла также шелковую юбку (корсетъ), да на шею на чорной бархаткѣ дукатъ, да красные башмачки обула, а на голову хорошую ленту повязала, да и вошла, и поклонилась пану Власовичу низешенько.

Нашъ Забрёха, какъ повидѣлъ такую панночку, что не только еще отъ роду не видалъ такой, да она ему и не снилася такая, такъ даже задрожалъ и не помнитъ, что ему и говорить; да уже хорунженко напомнилъ и говоритъ: «вотъ-же, панъ сотникъ, вамъ и хозяйка; договаривайтесь съ нею, она всему голова.

Такъ чтожъ-то нашъ Власовичь? Ни пары изъ устъ. Послѣ принялся, мямлилъ-мямлилъ.... да и начнетъ про волы, а оканчиваетъ голубями; думаетъ о бардѣ, а говоритъ о терновкѣ; да какъ сбился съ толку, и замолчалъ-замолчалъ; только и знаетъ, слюнки глотаетъ, глядя на такую кралю.

Олена-себѣ дѣвка бойкая была. Хоть панъ сотникъ и сюда и туда загиналъ, а она его тотчасъ поняла, каковъ онъ есть и зачѣмъ пріѣхалъ, да и говоритъ ему: «Хорошо, паныченько! докушивайте же на здоровье терновочку, да поужинаете, да ляжете спать; а завтра—дастъ Богъ свѣтъ, дастъ и совѣтъ; то и посовѣтуемся, что дѣлать надо.»

Забрёха, это услышавши, самъ себя не вспомнилъ отъ радости! Думаетъ: вотъ дѣло и совсѣмъ; завтра только рушники брать. Да съ этою мыслію за кувшинъ, да давай снова попивать наливку съ паномъ хорунженкомъ, который этаго дѣла не оставляетъ, да еще и любитъ.

Олена-таки частенько къ панычамъ входила, такъ, будто за какимъ дѣломъ, а только, чтобъ больше разсмотрѣть Никиту Власовича, *что́ оно такое есть?* Да какъ войдетъ, какъ поведетъ глазками, что какъ тёрнъ-ягодки, на пана сотника; то у него языкъ станетъ словно шерстяной—и не поворотитъ его; а самъ весь какъ въ огнѣ горитъ. Приготовивши ужинъ, она

уже больше и не входила: одни панычи поужинали, и окончивши кувшинъ съ терновкою, панъ хорунженко хотѣлъ итти спать, какъ вотъ нашъ Забрёха выкашлялся, потеръ усы, да и сталъ говорить ту рацею, что ему дьячекъ сочинилъ давно уже для такаго случая. Вотъ и говоритъ:

«Вотъ послушайте, панычь Осиповичь, что я «вамъ скажу. Несоразмѣрно суть человѣчеству еди- «нопребываніе и въ дому и въ господарствѣ. Всякое «дыханіе тутъ тщится быть въ-двойствѣ. Едино че- «ловѣку на потребу — имѣти жену и чада. И азъ «нижайшій возымѣхъ сію мысль и неукротимое же- «ланіе...» Да и замолчалъ. Ни сюда, ни туда.

Хорунженко совсѣмъ-было дремалъ, но прислушиваясь къ этой рѣчи, наконецъ сказалъ:

« Что это такое, панъ сотникъ, вы говорите? Что-то я ничего не понимаю! Не послѣ терновки ли вы такіе стали?»

Вздохнулъ Власовичь да и говоритъ: « А, чтобъ его писала лихая година! Вѣдь же говорилъ ему, что долгая, не выучу; такъ не укоротилъ же! Это мнѣ такое написалъ нашъ Воскресенскій дьячекъ...»

« Да что оно такое есть? спросилъ Осиповичь: Это вирша что ли? или заговоръ отъ змѣи?»

—Але! я и самъ не знаю, что оно и для чего?

« Такъ начто жъ мнѣ такое къ ночи говорите? Меня уже изъ-за плечь беретъ!!!. . . .»

—Да я бы и не говорилъ, такъ бѣда пришла!—

« Да какая тамъ бѣда? Говорите скорѣе: спать хочу.»

— Але! кому спать, а кому и нѣтъ... сказалъ Власовичь, да вздохнувши тяжело, поклонился хорунженку низехонько, да и говоритъ: «отдайте за меня Олену, вашу сестрицу!»

« Йо * !» сказалъ Хорунженко, задумался, сталъ почесывать затылокъ, и плеча, и спину, а потомъ и говоритъ: «повижу, что сестра скажетъ; пускай дозавтра; ложитесь-ка спать.» Да и пошелъ отъ него.

Легъ нашъ Забрёха спать, такъ ему и не спится; ждетъ, не дождется свѣта, чтобъ скорѣе ему услышать, что скажетъ Олена. . . Ну! сякъ-такъ дождались свѣта, встали панычи и сошлись. Панъ Власовичь тотчасъ и спрашиваетъ: « А что же вы мнѣ скажете? Если наша рѣчь къ дѣлу, такъ я побѣжалъ

* Это слово имѣетъ значеніе по тому, съ какимъ произнесется. Означаетъ: *какъ бы не такъ?* и—*не ужели?* и—*вотъ-возмешь!*— и мн. друг.

бы скорѣе, да со старостами и явился бы сюда законъ исполнить. Говорите-же! . . . .»

Сопитъ нашъ хорунженко и ничего ему не сказалъ, только крикнулъ въ комнату: «А ну, сестрица! дай намъ позавтракать; что ты тамъ приготовила?»

Вошла изъ комнаты служанка, поклонилась, да и поставила на столѣ передъ паномъ Власовичемъ на сковородѣ . . . . запеченую тыкву! . . . . . Какъ разсмотрѣлъ нашъ Забрёха такой гостинецъ, какъ выскочитъ изъ-за стола, какъ выбѣжитъ изъ хаты... Какъ вотъ тутъ батракъ уже и держитъ его коня и уже осѣдланнаго... Онъ скорѣе на коня, да уходитъ по-мимо избъ.... только и слышитъ, что люди съ него хохочутъ!... Ему еще больше стыдно... еще больше коня погоняетъ.... да какъ выскакалъ изъ хутора, разсмотрѣлъ: «что тутъ болтается на шеѣ у коня?» Когда-же смотритъ, веревка... потянулъ ту веревку.... анъ и тутъ тыква сырая прицѣплена! . . . бросилъ онъ ее далеко, а самъ за нагайку—знай погоняетъ, знай погоняетъ своего коня.

Одно то, что стыдъ, а тутъ и такой дѣвки жаль!... да еще и не ѣвши и не пивши!... Вотъ уже нашъ Власовичь и домой съ тыквою (съ отказомъ) такъ скачетъ, какъ бѣжалъ къ невѣстѣ, думая рушники брать. И самому бѣда, и конь выморенъ—такъ-что насилу, насилу дотащился до дому уже въ

полночь и—какъ я говорилъ прежде—не раздѣваясь, легъ скорѣе спать.

II.

Смутенъ и не веселъ сидѣлъ въ свѣтелкѣ на лавкѣ Конотопскій панъ сотникъ Никита Власовичь Забрёха; а о чемъ онъ тосковалъ, мы уже знаемъ... эге! да не совсѣмъ. Не дастъ ли намъ толку развѣ вотъ этотъ, что лѣзетъ въ свѣтелку къ пану сотнику? А кто же то̀ лѣзетъ? Что-же онъ такъ хлопочетъ? То сунется въ дверь, то и назадъ. Вотъ та̀ хворостина, что несетъ въ рукахъ, та его удерживаетъ: когда держитъ ее впереди себя, то только-что носъ въ дверь покажетъ, а хворостина уже и уперлась въ уголъ; когда же ее тащитъ за собою, то войдетъ совсѣмъ въ свѣтелку, а она за нимъ тащится и удерживаетъ его, какъ та сварливая жена пьяницу-мужа; поперегъ же и не говори ее всунуть въ свѣтелку, потому-что крѣпко длинна была. Лѣзетъ то не кто, какъ Прокопъ Григорьичь Пистрякъ, Конотопскій сотенный писарь и искренній пріятель Конотопскаго пана сотника, Никиты Власовича Забрёхи, потому-что онъ безъ него ни чарки горѣлки, ни ложки борщу ко рту не поднесетъ; а уже на совѣтѣ, какъ Пистрякъ Григорьичь сказалъ, такъ оно такъ и есть, такъ и будетъ—и уже до ста бабъ не ходи, никто не переувѣритъ въ противномъ. Что же то онъ за хворостину тащитъ въ свѣтелку къ пану сотнику? Але! лучше всего

послушаемъ ихъ, и о чемъ они-себѣ будутъ разговаривать, вотъ тогда все будемъ знать. Да еще же и то знайте, что панъ Пистрякъ есть писарь: двѣнадцать лѣтъ учился въ школѣ у дьячка; два года училъ часословъ; три года съ половиною сидѣлъ надъ псалтирью—и съ молитвами совсѣмъ ее выучилъ; четыре года съ половиною учился писать; а цѣлый годъ учился на счотахъ выкидать; а между этимъ временемъ, ходя на клиросъ, понялъ гласы, и ирмолойные догматики, и Сковородины херувимскія; туда же за дьячкомъ и под-дьячимъ *окселентовалъ;* а уже на рѣчахъ, такъ уже боекъ; и когда уже разговорится—разговорится, да все не съ-простà, все изъ писанія; такъ тогда и нашъ Константинъ, хоть и до синтаксису ходилъ, слушаетъ его, слушаетъ, вздвигнетъ плечами, да и отойдетъ отъ него сказавши: «кто тебя, человѣче, знаетъ, что ты говоришь!» Вотъ такой-то былъ у насъ въ Конотопѣ писарь, вотъ этотъ Прокопъ Григорьичь Пистрякъ; такъ, когда начнетъ онъ съ паномъ Забрёхою разговаривать, вы только слушайте, а поймете ли что̀, не знаю; потому-что онъ у насъ человѣкъ съ ученою головою: говоритъ такъ, что и съ десятью простыми головами не поймешь.

Вотъ-же-то, какъ панъ сотникъ видитъ, что панъ писарь не влѣзетъ къ нему въ свѣтелку за этою длинною хворостиною, то и спрашиваетъ: «да что это вы, панъ писарь! какаго чорта ко мнѣ въ свѣтелку тащите?»

— Это, добродѣю, рапортъ о сотенномъ народосчисленіи, въ наличности предстоящихъ, по мановенію вашему; да пусть бы онъ сокрушился въ прахъ и пепелъ! Невмѣстимъ есть въ чертогъ вашъ! Подобаетъ или стѣну прорубить, или потолокъ поднять; потому-что не влѣзу къ вашей вельможности! — сказалъ Пистрякъ, да и началъ снова хлопотать съ тою хворостиною.

«Что же это за рапортъ такой длинный? Хворостина же ему видно вмѣсто хвоста что-ли?»

— Хворостина сія хотя и есть хворостина, но оная не суть уже хворостина; понеже убо на ней суть вмѣстилище душъ казацкихъ прехраброй сотни Конотопской за ненахожденіемъ писательнаго существа и трепетаніемъ моея десницы, а съ нею купно и шуйцы.—Вотъ такъ отсыпалъ нашъ Пистрякъ.

«Да говорите мнѣ по-просту, панъ писарь! О, уже мнѣ это письмо надоѣло и опротивѣло, что ничего и не пойму, что вы говорите. Тутъ и безъ васъ тоска одолѣла, и печонки, такъ и слышу, какъ къ сердцу подступаютъ....» Сказалъ панъ сотникъ, да и склонился на руку.... да чуть ли такп-что и не пустилъ слезокъ пары-другой.

— Горе мнѣ, панъ сотникъ! Миношедшую седмицу глумляхся съ молодицами по шпочкамъ здѣш-

ней палестины, и вечеру сущу минувшаго дне быхъ неподвиженъ аки клада, и нѣмъ аки рыба морская. И се внезапная вѣсть потрясе мою внутренную утробу! А паче и паче, егда прочтохъ и уразумѣхъ повелѣніе милостиваго начальства собиратися въ походъ даже до Чернигова. Сіе, панъ сотникъ, пишутъ, щадя души наша, да не когда страхъ и трепетъ обуяетъ нами, и мы, скорбные, падемъ на ложи нашп, и уснемъ въ смерть; и того ради скрытность умыслиша, акп бы въ Чернпговъ; а кто вѣдаетъ? О горе, горе! и паки реку: горе!—

— О горе, горе, Григорьичь!

«О горе, горе, Власовичь!»

Вотъ такъ-то горевали панъ сотникъ съ паномъ писаремъ отъ того, что прислано имъ предписаніе итти въ Черниговъ со всею сотнею и собраться со всѣмъ приборомъ, и взять провіанту для себя и коней на двѣ недѣли. Вотъ—какъ горюютъ панъ сотникъ въ свѣтелкѣ, а панъ писарь за порогомъ—какъ этотъ и выдумалъ: а уже на выдумки лихой былъ! вотъ и говоритъ: «соблаговолите, панъ сотникъ, дать мнѣ повелѣніе о сокрушительномъ преломленіи сея троекратно противной мнѣ хворостины, яже суть нынѣ въ рангѣ рапорта; потому-что сами созерцаете ясными, хотя и неумытыми вашими очесами, что азъ невмѣстимъ есть съ нею въ чертогъ вашъ.»

Почесалъ голову панъ Власовичь. . . долго думалъ. . . послѣ и говоритъ: «это бы понашему переломить хворостину? Такъ ты же говоришь, что это уже не хворостина, а рапортъ объ нашей сотнѣ; такъ чтобы подъ-часъ не было намъ нахлобучки отъ старшихъ, что мы ломаемъ сотню? Ты же и самъ хорошо знаешь, что панъ полковой писарь что-то къ намъ добирается, и такъ и подсматриваетъ, чтобъ *мокрымъ рядномъ* на насъ напасть.»

— Не убоимся, не устрашимся супостата со всею его враждебною силою! Сего ради довлѣетъ намъ противъ него быти мудрымъ и сіе послѣдне-реченное предписаніе неупустительно исполнити; и того для повели, вельможный панъ, да сокрушу сію палицу! — Такъ, покручивая усъ и устремивши глаза въ потолокъ, говорилъ панъ Пистрякъ; а какъ видитъ, что панъ Никита ему ни пары изъ устъ не выпустилъ, потому-что и до сихъ поръ не понялъ, что ему тотъ говоритъ, да и вскрикнулъ: «Такъ ломать?»

«Да ломай, панъ писарь!»

Хрусь! . . . Панъ писарь и переломилъ хворостину, и говоритъ: «преломися! и се нынѣ могу вмѣститися въ обиталище ваше.» Да это говоря, влѣзъ въ свѣтелку, и кланяется пану сотнику, и подаетъ ему въ обѣихъ рукахъ по обломку, и говоритъ: «подозвольте, пріимите!»

«Да что ты мнѣ это, панъ писарь, тычешь въ глаза? Ты мнѣ пхъ выткнуть хочешь, что-ли?» спрашиваетъ его панъ сотникъ, прижавшись отъ него къ стѣнѣ, и отъ страха думаючи себѣ: «не погналъ ли Григорьичь опять химеръ, какъ было послѣ перепоя на Воскресенскихъ святкахъ?» Потомъ спросилъ у писаря: «Что оно такое есть? Скажи мнѣ по-просту, безъ письма!»

— Сіе суть, панъ Сотникъ, вмѣсто списка нашей сотни, его же не возмогохъ списати за дрожаніемъ десницы моея, отъ глумленія піянственнаго съ вышепзъясненными молодицами; и того ради взяхъ хворостину и на ней назнаменахъ коегождо казака, и се суть вѣрное число: въ каждомъ десятку по десяти казаковъ; а всѣхъ таковыхъ десятковъ суть такожде десять; слѣдовательно сотня вся, какъ стекло, предстала предъ очеса ваша. Соблаговолите, панъ сотникъ, первоначально счотъ ей учинить по сей хворостинѣ, а потомъ лицемъ къ лицу самую естественную сотню, собравшуюся подлѣ хаты Кузьмихи, кривой шинкарки, очесами обозрѣть. —

«Эге! панъ писарь! я бы, пожалуй, соблаговолилъ, такъ счоту далѣе тридцати не знаю. Считай самъ и дѣлай, какъ знаешь, ты на то писарь; а я уже послѣ подпишу, потому-что я сотникъ не на то, чтобъ считать, а только подписывать.»

Вотъ и началъ панъ Пистрякъ считать: считаетъ-считаетъ, а въ пятой сотнѣ одного казака недосчитается. «Что за притча? даже вскрикнулъ онъ: сосчитахъ, и бяху вси; и се единъ не обрѣтается. Изыду и паки учиню перепись, кто изъ оглашенныхъ, не давъ мнѣ и предъ очи ваши стати, бѣже и скрыся. Не кто, какъ уповательно Илькò Нàлюшня.»

Вотъ и вышелъ къ казакамъ считать ихъ. Панъ же сотникъ между-тѣмъ бросился къ кружкѣ съ грушовкою, да не переводя духу, горя ради, да и высосалъ ее всю до-чиста. Какъ вотъ и панъ Григорьичь съ своими обломками лѣзетъ въ дверь уже весёленькій, и скорѣе, чтобъ утѣшить пана сотника, говоритъ: «Не тужите, добродѣю! Все казачество наше въ мѣстѣ; ни одинъ не улепетнулъ никуда; вотъ гдѣ они всѣ есть.» И принялся считать..... опять въ пятомъ десяткѣ нѣтъ, да и пѣтъ казака!

Какъ застучитъ Григорьичь ногами, какъ схватитъ себя за чубъ, какъ началъ проклинать отца и матерь, и весь родъ того казака, который прячется, пока онъ репортъ внесетъ въ хату къ пану сотнику!.. Какъ на дворѣ считаетъ, тамъ всѣ до одного; а въ хатѣ считаетъ, то одинъ казакъ, да все въ пятомъ десяткѣ, да и исчезнетъ, какъ будто его «злы-день» слижетъ! Воротился панъ Пистрякъ къ сотнѣ, пересчиталъ казаковъ — всѣ; воротился къ пану сотнику, считаетъ на хворостинѣ, гдѣ каждаго зарубилъ—нѣтъ

однаго..... бѣжалъ. Опять воротится къ сотнѣ, чтобы тому, кто прячется, голову побить—такъ же всѣ какъ разъ; а въ свѣтелкѣ по зарубкамъ нѣтъ однаго. Да разъ десять было ему такое «привеленіе!» Уже онъ сердечный засапался, бѣгая то въ хату, то изъ хаты, то къ сотнѣ, то отъ сотни, до того, что уже и панъ Власовичъ одѣлся и совсѣмъ вырядился, и уже и шапку взялъ, чтобы итти къ сотнѣ — у пана писаря одинъ казакъ все уходитъ и кто такой? неизвѣстно, потому-что всѣ въ сборѣ, и одинъ однаго, по приказу писаря, держатъ за поясъ, чтобъ не ушелъ никто, пока ихъ на хворостинѣ пересчитаютъ.

«Да полно тебѣ, Григорьичь, шастаться! пойдемъ, да въ-двухъ со мною пересчитаемъ. Когда на-лицо всѣ, да только на хворостинѣ нѣтъ однаго, такъ *катъ* (палачь) *его возьмы*, пускай тотъ и пропадаетъ, зачѣмъ уходитъ; лишь бы живые всѣ были.» Сказалъ это панъ сотникъ, да смотритъ быстро на писаря, до дѣла ли онъ это сказалъ, и что не загремитъ ли на него панъ писарь, какъ это и часто бывало, за сказанный вздоръ.

Долго слушалъ его Прокопъ Григорьичь, разводя пальцами..... потомъ какъ цмокнетъ, какъ подпрыгнетъ, какъ крикнетъ: «Вотъ эта рѣчь до дѣла! Утробою сожалѣю, что таковое мечтаніе изыде изъ главы моея и уклонися въ дебри пустынныя! Да вамъ, панъ сотникъ, довлѣетъ и полковымъ судьею быть за таковое мудрое и неограниченное рѣшеніе,

его же и азъ не возъимѣхъ. Пойдемъ же, батько! нынѣ возвеселися утроба моя отъ цѣлости сотни — и скончавше дѣло, время и подкрѣпленіе чинить.»

Вотъ и пошли. Агу! и нашъ панъ сотникъ повеселѣлъ немного, что, какъ-то, ни думая, ни гадая, да придумалъ къ ладу, да еще такъ, что и самъ Прокопъ Григорьичь Пистрякъ, Конотопскій сотенный писарь, да и тотъ его за выдумку отъ роду впервое хвалитъ. А Григорьичь идетъ за сотникомъ, да свое думаетъ и гадаетъ: «Это уже на бѣду идетъ, когда панъ сотникъ да будетъ разумнѣе меня! На что жъ я писарь, когда онъ самъ будетъ выдумывать и подписывать; вотъ это только не видно, какъ и писать самъ станетъ; да, я думаю примется самъ и на счетахъ выкидывать. Такъ не дамся же....

Подошли къ самому шинку Кузминишны, какъ тутъ и сотня стоитъ, и казаки, снявъ шапки, поклонилися пану сотнику.

«Здоровы были дѣти! Всѣ ли вы тутъ?» спросилъ ихъ панъ сотникъ, и взявшись въ боки, окинулъ ихъ глазомъ, какъ будто считалъ или присматривался каждому въ лицо; а онъ, я же говорю, далѣе тридцати счоту не зналъ, а казака ни однаго въ лицо не помнилъ и не могъ сказать, кто изъ нихъ *Демко́* и кто *Процько́*.

— Здоровъ, батько! загремѣла ему громада. Всѣ мы тутъ-здѣсь до единаго. —

«А перечти, писарь; не прятался ли кто?» повелѣвалъ панъ сотникъ, надувшись какъ сычъ.

Вотъ писарю Григорьичу опять бѣда! Всѣ казаки; а какъ сложилъ хворостину вмѣсто, такъ и по зарубкамъ всѣ.

«Да какой же тамъ чортъ уходилъ, какъ я ходилъ къ пану сотнику?» крикнулъ Пистрякъ съ сердцемъ, и даже ногою топнулъ.

— Да постой-ка, Григорьичь! сказалъ ему усмѣхаясь Власовичь. Вѣдь же казаки всѣ и съ хворостины ни одинъ не уходилъ. Это ты, какъ переломилъ хворостину, такъ она, какъ разъ, на казакѣ треснула Вотъ ты, держа ее на двѣ половины, потому однаго и не досчитывался.....

А казачство, это слушая, какъ подниметъ хохотъ! «Такъ-таки, вельможный батько, такъ!» безпрестанно кричатъ и говорятъ. Вотъ такой-то видно нашъ писарь! О, чтобъ его.....»

«А чтобъ вы взбѣсились и съ казаками, и съ хворостиною, и съ счотомъ,» кричалъ Григорьичь на всю улицу, а самъ какъ не лопнетъ съ сердца.

Схватилъ ту хворостину, поломалъ, изтрощилъ ее въ мелкіе кусочки, да и кинулъ казакамъ въ глаза, приговаривая: «цуръ вамъ, пекъ вамъ, осынà вамъ! пускай вамъ стонадцать лихорадокъ и полтора столько же болей, когда уже нашелся разумнѣе меня. Начтó я вамъ?» Да и началъ опять по письменному: «изыду въ пустыню и вселюся въ горахъ Араратскихъ, у послѣднихъ моря! цуръ вамъ!»

Вотъ панъ сотникъ его остановилъ и взявши за руку, говоритъ: «полно же, Григорьичь, не сердись. Въ какіе-то годы пришлось мнѣ подтрунить надъ тобою, а ты уже и сердишься. А помнишь, какъ мнѣ подсунулъ репортъ; а я, не умѣя прочитать, подписалъ на немъ къ верху ногами. А панъ полковникъ и отписалъ, что, говоритъ «Конотопскій сотникъ, панъ Никито! ты еси дурень.» Да я за это на тебя и не сердился, хотя ты и долго мнѣ за это насмѣхался въ глаза и прикладки прикладывалъ. Полно-жъ, полно. Пойдемъ обѣдать.....»

— Пускай вамъ сей, да той, и съ вашимъ обѣдомъ, кромѣ хлѣба святаго. Пускай тотъ подавится, кто такую хитрость подъ меня подвелъ .... замоталъ руками нашъ Пистрякъ, все сердясь, да и пошелъ не оглядываясь домой, ворча самъ себѣ: подавишься, какъ я тебѣ галушку поднесу; будетъ въ Конотопѣ сотникъ, да не Забрёха... станутъ кланяться и Пистряку.....

«А намъ же какая порада будетъ?» загудѣли казаки, смотря, что все ихъ начальство перебѣсилось ли или катъ ихъ знаетъ: писарь какъ будто послѣ бѣлены потянулъ домой; а панъ сотникъ повѣсилъ голову, да такъ же пошелъ къ своей хатѣ. Вотъ возвращаютъ пана сотника и спрашиваютъ, что имъ дѣлать, и для чего ихъ собрали?

«А лысый дѣдко васъ знаетъ!» крикнулъ на нихъ Никита Власовичь, ругая и отцовъ ихъ и матерей. «Цуръ вамъ, отвяжитесь отъ меня. Пропадайте-себѣ, куда хотите, хотя на висѣлицу.... Какой я порядокъ дамъ, когда писарь взбѣсился? У него и репортъ отъ начальства..... (это панъ Власовичь всякую бумагу называлъ репортомъ, не умѣя выговорить «предписаніе» или что тамъ случалось). «Пускай, говоритъ, не проспится ли; вѣдь онъ часто химеры гонитъ; такъ тогда и потолкуемъ, а теперь — некогда.» Да и пошелъ тихимъ шагомъ домой.

На него смотря, и казачество шарахнуло: кто въ шинокъ, кто въ солому спать послѣ такаго ученья; а нѣкоторые бросились на огороды пугать дѣвокъ....

III.

Смутенъ и невеселъ сидѣлъ-себѣ на лавкѣ, да уже не въ свѣтелкѣ, а въ великой хатѣ, Конотопскій панъ сотникъ Никита Власовичь Забрёха, возвратясь

послѣ осмотру казацкой сотни. Къ той бѣдѣ, что ему вчера Осиповна Олена, панна хорунжевна, поднесла, словно тертаго подъ носъ табаку, печеную тыкву — что онъ послѣ вчерашняго дня ни пилъ, ни ѣлъ — что надо ему собираться съ своею сотнею въ походъ, даже въ самый Черниговъ—да, я жъ говорю, послѣ такой бѣды, еще и новое горе сложилося ему, что разсердилъ своего сотеннаго пана писаря Прокопа Григорьича Пистряка; и онъ теперь разсердившись не подастъ никакаго совѣту, когда начальство пришлетъ объ чемъ репортъ, или какъ тамъ его; тогда что̀ дѣлать? А съ такимъ горемъ какъ и не быть ему смутнымъ и невеселымъ? Эге! Сидитъ-себѣ сердечный въ великой хатѣ, на лавкѣ, въ концѣ стола, голову понурилъ чуть не до колѣнъ. Сидитъ онъ уже не часъ и не два. . . какъ вотъ работница спросила его: чего это вы, панычепько, тоскуете и такъ печально сидите? Не пора ли уже готовить обѣдать?

Не хочу! сказалъ Власовичь, да и вздохнулъ тяжко и горестно на всю хату, и подперъ голову рукою... Какъ онъ этакъ сидитъ и все про свое думаетъ . . . . какъ вотъ . . . рыпъ! . . . и кто-то вошелъ въ хату . . . . Панъ сотникъ глядь! . . . анъ это не кто вошелъ, какъ нашъ Григорьичь! Видно отсердился? Нѣтъ, онъ не отсердился, а пришелъ къ пану сотнику съ хитростями. Слушайте, что тутъ будетъ. Вотъ, вошедши, да молча и сталъ у двери.

Не обрадовался же и панъ Власовичь, какъ увидѣлъ задушевнаго пріятеля своего, а болѣе потому, что онъ думалъ, что какъ онъ теперь не сердится, такъ дастъ мнѣ, въ моемъ горѣ, совѣтъ. Такъ Григорьичь же не туда гнётъ: какъ сталъ у дверп, да и сталъ; и молчитъ-себѣ и ни пары изъ устъ не пуститъ.

«Что скажешь, Григорьичь?» спрашиваетъ панъ сотникъ писаря. А тотъ ему, не сходя съ мѣста, отвѣтъ далъ: а что повелите, панъ сотникъ?

«Да ну-себѣ въ болото съ своимъ сотничествомъ! Развѣ не знаешь моей натуры? Передъ казаками такъ я сотникъ, а ты писарь; а когда мы вдвоемъ въ хатѣ, такъ мы-себѣ братья. Садись же; будемъ обѣдать.» Такъ говорилъ Власовичь.

— Благодарю; я уже обѣдалъ.—Да и кивнулъ Григорьичь головою при этомъ словѣ.

«Вотъ уже и лжетъ! говоритъ сотникъ: такъ садися же; я буду обѣдать, а ты пей грушовку. Что за славная! Прошлогодняя, и только на сей недѣлѣ начата; такъ тутъ такая, что и пьешь и хочется...»

— Испихъ тресугубую чашу бѣдствій! сказалъ вздохнувши писарь: и уже не могу вмѣстить болѣе суетливой грушовки; да не когда обрящется въ устахъ мопхъ яко пелынь. . . . . —

«Да что же вы это, панъ писарь, сталъ къ нему сотникъ ласково говорить: какаго чорта и до сихъ поръ вы на меня адомъ дышете? За что и про что? такъ и самъ старый цыганъ не разберетъ.»

— Нелѣпо есть, панъ сотникъ, совокупляти фараонитское все-воинство съ нами правовѣрными. Тутъ и безъ цыгана можно возгробіе сотворить. Егда поднесоша мнѣ тресугубо треклятую пинфу, убо что̀ есмь послѣ сего? Аки конь и мескъ! . . . . Тьфу! паче и обаче! . . . —

«Да какая-жъ тамъ, панъ писарь, пинфа?—Вотъ только, что ты не понялъ этой проклятой хворостины . . . .»

— Да погибнетъ она съ шумомъ въ пещи огнепалящей! А вамъ-было, панъ сотникъ, глядя на мое глумленіе, молчаніе учинить и не прп громадѣ аки левъ рыкающе, вознепщевати на мя; но особъ мене появше, повѣдати-было мнѣ истину, да не возсмѣются надо мною наши казаки и рекутъ мнѣ: писарь нашъ суть дурень; не умѣлъ разобрать, что хворостина сутъ удобосокрушаемая. Я же вамъ добре, еще въ свѣтлицѣ, повѣдахъ, пьянъ быхъ и не истрезвихся еще во оное время; и еще руцѣ мои дрожаша, аки древесное листвіе; то какова бысть глава со всѣми помышленіями? Бысть, яко треволненное море! Того для подобало-было вамъ, панъ сотникъ, вспять зря, по-

крыть прегрѣшенія брата вашего, сирѣчь: устами ко ушесемъ повѣдати ему, а не во все казацкое услышаніе. —

« Вотъ-же твоя правда, Григорьичь; теперь я и самъ вижу, что оно такъ есть. » Такъ сказалъ Власовичь. А это было всегда такъ: что Пистрякъ ни вздумаетъ, что ни скажетъ, то уже панъ сотникъ скорѣе и говоритъ: такъ оно есть. Вотъ какъ и теперь подтакнулъ, и глядя ему въ глаза, увидѣлъ, что это Григорьичу какъ варениковъ съ масломъ по губамъ; вотъ и сталъ смѣлѣе разговаривать съ нимъ, и зашучивать, и говоритъ: «Садись-же, пріятель! Какаго чорта тамъ, подлѣ порога, маячишь, какъ та собака на верёвкѣ? Иди же, иди, садись подлѣ меня; я буду обѣдать, а ты тяни грушовку.» И приказалъ принести наливки полную кружку.

Прокопъ Григорьичь думалъ-думалъ, послѣ сталъ ходить по хатѣ, и поетъ себѣ подъ носъ: «*Склонитеся вѣки со человѣки;*» а потомъ, какъ брякнетъ шапку о-земь, какъ вздохнетъ, да и подошелъ къ пану Власовичу и закручивая усы сталъ ему говорить: «Ей, истинно, не лгу! И да покроетъ меня общая матерь наша земля на сонмиши, аще солгу хотя полслова. Не довлѣетъ ни единому начальнику угобзенія творить своей десной рукѣ, сирѣчь писарю; понеже и поелику всякъ человѣкъ имать главу; глава имать разумъ; разумъ имать волю, а сія, рекомая воля, по-

велѣваетъ и десницею, и шуйцею, и всякимъ членомъ. Но сіе суть прикладъ, а разумѣніе ему сицевое: человѣкъ—Конотопская сотня; глава—панъ сотникъ; разумъ во главѣ—азъ, мизерный писарь; азъ имѣю волю, сирѣчь дарованіе написать бумагу такъ, что едва ли и самъ полковой писарь утнетъ подобную. Аще ли человѣкъ не повинуется главѣ—уне есть; такожде и глава разуму: во оно время имать быти смятеніе и содроганіе. Тако и здѣ: аще сотня не имать повинутися пану сотнику, а сей вопреки имать творити мнѣ хуждшему—и что паче всего, не прикрывати его незнаній, но еще и глумитися? Оле! почто я и на свѣтѣ пребываю?...» Да наговоривши такаго, сѣлъ на лавку и рукою подперся, да и тужитъ.

А Никитѣ Власовичу жаль его стало, и говоритъ: «когда правду, братецъ, сказать, то я не понялъ вовсе ничего, что ты мнѣ это разсказывалъ. Вѣдь это все изъ писмовнаго? А ты знаешь, что я его не вкушу и что оно мнѣ тяжело какъ кто ко мнѣ съ нимъ подвернется. Сдѣлай же дружбу, не сердись на меня, и изъ-сердцовъ не говори мнѣ изъ писмовнаго, а говори просто. Тутъ и такъ, не тебѣ говоря, горе да еще съ бѣдою, къ тому жъ еще и въ походъ итти. . . . Вотъ давай про это толковать, что намъ по этому ропорту дѣлать?»

—Чортъ-же знаетъ, что вы говорите, зашумѣлъ писарь на пана сотника: подобаетъ ли же отъ на-

чальства къ подчиненности писать репортъ? Повелѣніе. Несмѣтное множество разъ рекохъ вамъ, и се все всуе! . . .

«Да всё же то репортъ, бумага какъ бумага, не что больше. Я радъ, что и репортъ называть вытвердилъ; а другаго, какъ ты называешь, я и не выговорю. Но катъ ихъ бери и съ репортами; а вотъ давай толковаться, какъ собираться въ походъ. Вѣдь сотня вся, то и хорошо. Ну, говори, что далѣе дѣлать?»

— Гмъ! гмъ! сталъ кашлять Григорьичь, вспомнивъ, какъ онъ считалъ сотню. Потомъ началъ съ лукавствомъ говорить:—что повелитъ панъ сотникъ, имѣю неупустительно исполнить.

«Да сдѣлай милость, Григорьичь, полно тебѣ мнѣ этимъ надоѣдать!» говорилъ панъ сотникъ, садясь за столъ, потому-что поставили обѣдъ и полную кружку наливки принесли. «Садись — говоритъ — со мною; а когда не хочешь обѣдать, такъ тяни грушовку, да объ дѣлахъ мнѣ не докучай.»

Вотъ сотникъ молча обѣдаетъ . . . . а писарь сидѣлъ-сидѣлъ, молчалъ-молчалъ . . . какъ вдругъ за ложку, да въ туже миску . . . да и началъ, по его словамъ «сокрушать» прежде борщъ, горячій, со всякою мелкою рыбкою; тамъ пшонную кашу съ олеею,

потомъ застуженый борщъ съ липями, а тамъ уху съ налимами, да съ пшеничными галушечками, да жареные караси—да больше и ничего. Хотя нашъ Григорьичь и обѣдалъ дома не меньше того, что и теперь ѣлъ у пана сотника, такъ ему это ничего: онъ учился въ школѣ у дьячка; тамъ за голосъ, что-было какъ на обѣдахъ поминныхъ подниметъ, такъ точно какъ колокольчикъ, на всю улицу слышно, что даже въ ушахъ трещитъ; такъ его панъ дьякъ бывало по обѣдамъ и водитъ съ собою; такъ съ нимъ и нашъ Григорьичь пріучился, и ему нестрашно было хоть шесть обѣдовъ обѣдать. Вотъ потому-то и съ Власовичемъ, какъ увидѣлъ вкусныя кушанья, да еще съ свѣжею рыбою, такъ и принялся уписывать, какъ будто съ утра еще ничего не ѣлъ.

Вотъ какъ поѣлъ знатно, что даже за ушами пищало, потомъ схватилъ кружку, да не отливая въ чарку, такъ изъ нея всю грушовку и высосалъ. Потомъ, вставши изъ-за стола, поблагодарилъ Богу и хозяину, сѣлъ на лавкѣ, выкашлился, усы разгладилъ и говоритъ: «добрыя ради трапезы и преотмѣнныя грушовки предаю вѣчному забвенію прискорбіе мое. Да не помянется къ тому треклятая хворостина, преломленіемъ своимъ похитившая-было единаго казака. Цуръ ей! Да пребудетъ она тресугубо проклята и да сгоритъ въ пещи Халдейской, а еще лучшее, какъ въ геенѣ огненной! Давайте же дѣло говорить и дѣло творить. Да будетъ вамъ, пане добро-

дѣю, вѣдомо, что намъ невозможно въ походъ выступить...

Вотъ такъ-то и началъ крючки загинать...

« Йо! » даже вскрикнулъ панъ Власовичь отъ радости и подбѣжалъ къ нему, чтобъ выспрашивать, и говоритъ: «какъ же это можно? а репортъ?...»

— Але! Вы-таки все свое! Вамъ хоть колъ на головѣ затесывай, то у васъ все репортъ. Ну, нужды нѣтъ. Хотя бы они какъ ни расписывали, а намъ не можно итти; намъ не суть удобно, намъ не когда . . .

«А почему же намъ некогда? Сдѣлай любовь, разжуй мнѣ это слово: почему намъ некогда?»

—Гмъ! гмъ! выкашлявшись и подумавши, говорилъ Григорьичь: Каковая намъ соприкосновенность до Чернигова и до самой полковой старшины, аще міръ весь погибаетъ!...

«Какъ же это? испугавшись спрашивалъ панъ Никита: отъ чего міръ погибаетъ? Что-же это такое? Я Конотопскій сотникъ, да и не знаю, что міръ погибаетъ? Да говори же, будь ласковъ, отъ чего онъ погибаетъ и не можемъ ли мы его какъ-нибудь защитить, или подпереть?...»

—Погибаетъ! вздохнувши говоритъ Пистрякъ: всѣмъ зрящимъ и удивляющимся—никто же о помощи не радитъ. Зрите, панъ сотникъ Власовичь, и ужасайтесь: три седмицы-и-полъ дождь не спадѣ, и земля не одождися, и небо заключися, вся претворшася въ прахъ и пепелъ, вся прозябенія изсхоша, и единая пыль носится въ нашей вселенной! и—о горе мнѣ грѣшнику! — пыль сія водворяется въ непорочномъ доселѣ носѣ моемъ и дѣйствуетъ чиханіемъ, подобно аки бы отъ вдохновенія нестерпимаго и треокаяннаго — тьфу!—табаку, отъ него же чистъ быхъ и непороченъ отъ утробы матери моея до злѣ... О горе! . . .

«Такъ отъ чего же тутъ міру погибать, когда ты, панъ писарь, чихаешь?» спрашивалъ его съ большимъ удивленіемъ панъ Забрёха.

— Але! чихаешь! повертѣвши головою, говорилъ Григорьичь: чихнетъ, и не только я, да хоть бы и самъ полковой писарь; да что и говорить: чихнетъ и нашъ наияснѣйшій и наивельможнѣйшій панъ гетманъ, какъ оный зломерзскій табакъ возгнѣздится въ носу его ясневельможности; а ему, окаянному табаку, подобіе суть сицевая пыль вѣтромъ возметаемая. И аще не сотворимъ внезапнаго одожденія, все изсхнетъ и погибнетъ! Зеліе и злакъ извяднетъ и не будетъ хлѣбеннаго произрастенія; тогда и мы, не точію возчихаемъ, но и умремъ отъ глада и жажды

внезапною смертію. Разумно вамъ реку: подобаетъ одождити бѣдствующую землю нашу!»

—Вотъ же только черезъ десятое, пятое, понялъ, что ты, панъ писарь, мнѣ говорилъ. Вѣдь ты говоришь, что нѣтъ у насъ дождя? Такъ что же будемъ дѣлать? Развѣ можемъ мы знать небесныя силы? и можемъ ли сдѣлать, чтобы шли дожди? —

«Можемо!» закричалъ на всю хату нашъ Пистрякъ; а потомъ какъ стукнетъ кулакомъ по столу и закричалъ еще громче: «и паки реку, можемо!»

— А говори, панъ писарь, говори, какъ? Я и Конотопскій сотникъ, а что-то и понынѣ не знаю этаго средства. —

«Внимайте, панъ сотникъ! Да будьте ласковы, Никита Власовичь, поймите, что я вамъ буду говорить, чтобы мнѣ по десяти разъ не толковать вамъ однаго. Есть на свѣтѣ нечестивыя бабы, чаятельно, отъ племени Хананскаго, по толкованію моему, канальскаго, иже вдашася Веельзевулу и его бѣсовскому мудрованію, и имутъ упражненіе въ вѣдёмствѣ, иже ночнымъ временемъ, намъ возлежащимъ и спящимъ, сіи нечестивыя исходятъ изъ домовъ своихъ и воздѣвше на ся бѣлую сорочку, распускаютъ власы свои аки вельблюжіи; и пришедше къ сосѣдскимъ и другихъ жителей пребываніямъ, входятъ въ кравницу,

просто рещи, хлѣвъ, и имаютъ тамо кравъ и доятъ ихъ, доятъ и кроткихъ овечекъ, и быстроногихъ кобылицъ—и что реку? воздояютъ царапливыхъ кошекъ, вредоносныхъ мышей, разтлѣнныхъ лягушекъ... и всякое дыханіе, ползущее и скачущее, имущее млековмѣстимыя устроенія; доятъ—имъ токмо нечестивымъ—извѣстнымъ художествомъ! Собравше всѣ сіи млека, діавольскимъ обаяніемъ, претворяютъ оное въ чары, и абіе производятъ все, по своему намѣренію, какъ-то: выкрадываютъ ссушихъ младенцевъ изъ утробъ материнскихъ, и влагаютъ въ оныя лягушку, или мышь, или еще и щенка; поселяютъ вражду и раздоръ промежъ супружняго пребыванія; возбуждаютъ любовное преклоненіе у юноши къ дѣвѣ и отъ оныя къ оному, и прочее зло неудоборекомое. А паче всего, затворяютъ хляби небесныя и воспрещаютъ дождю орошати землю, да погибнетъ родъ человѣческій. Понятно ли вамъ теперь, добродѣю, отколь сія напасть постиже нашу палестину? Ну-те же; не зѣвайте, да говорите: вразумѣли ли вы глаголанное мною? »

— А какъ же? хоть я п....зѣ....зѣва-ю, а все вразумѣлъ. Ты вотъ это мнѣ разсказывалъ, что у насъ нѣтъ дождя, что-ли?

«Такъ, такъ. Но чрезъ кого сіе бысть?»

— Черезъ....черезъ лягушекъ....или....черезъ.... кого, я что-то не разслушалъ.

«Да какихъ тамъ лягушекъ? Черезъ вѣдьмъ, черезъ вѣдьмъ, реку вамъ.»

— Да цуръ имъ! не вспоминай ихъ мнѣ, панъ писарь! Хотя еще до вечера и далеко, но какъ напугаешь меня, то я всю ночь буду пугаться и не засну отъ проклятыхъ вѣдьмъ.

«Намъ не подобаетъ ихъ устрашатися, а довлѣетъ искоренять до третьяго рода.»

— Какъ же ты ихъ, Григорьичь, искоренишь? Ты за нее, а она превратится въ клубокъ, кинется тебѣ подъ ноги, собьетъ тебя, да и исчезнетъ. Развѣ же не бываетъ этаго? Мало ли старые люди такаго разсказываютъ, такъ-что заслушавшися цѣлую ночь *дрожаки* спать не дадутъ.

«Не точію старые люди, но и азъ можу вамъ повѣдать про таковое глумленіе. Единожды, вечеру сущу, парубочство яша мя и поведоша на вечерницы, идѣже ядохомъ, гуляхомъ довольно, а пихомъ безъ мѣры, елико можаху; и еще мнѣ въ твердости сущу, идохъ въ свое мѣстопребываніе, и не доходящу мнѣ хижины старой цымбалихи, внезапу подъ ногъ мои верзеся нѣчто ся.... Глава моя закружися, и азъ шатахся и мотахся сѣмо и овамо, и не могущу мнѣ удержатися, падохъ аки клада и успохъ, и спахъ тамо недвижимъ аки мертвъ, дондеже возсія

утро. Сіе же бысть не иное что, какъ наваждениѳ преокаянной вѣдьмы. Подобаетъ убо ихъ крѣпко пріутюжить, да изліютъ дождь и да оросятъ землю.»

— Какъ же намъ, панъ Григорьичь, за нихъ взяться, чтобы онѣ возвратили дожди и чтобъ послѣ не надѣлали намъ какой бѣды?

«Не устрашимся и не убоимся! сказалъ панъ Пистрякъ. Славы достойныя памяти покойный родитель вашъ и отецъ, Власъ Панасовичь, велелѣпный панъ сотникъ прехраброй Конотопской сотни, его же мудрость прославляется во всѣхъ концахъ вселенныя, и да почіетъ надъ нимъ земля перомъ, онъ, съ сими бабами Египетскими, просто рещи, вѣдьмами, управлялся благомудренно. Довлѣетъ и вамъ, добродѣю, послѣдуя стопамъ и примѣру онаго, неупустительно сотвореніѳ учинити.»

— А что жъ покойный панъ отецъ съ ними дѣлалъ? Говори-ка; можетъ, и я съумѣю тоже сдѣлать.

«Часто поминаемый отецъ вашъ ихъ восхищаше и въ рѣчкѣ топляще. Аще кая суща вѣдьма, тà не погрязнетъ на дно рѣчное, аще и камень жерновный на выи ея прицѣпятъ; аще же не причастна есть злу

сему, абіе погрязнетъ въ водѣ. Повелите, панъ сотникъ! топить ли ихъ?»

— Да топить ихъ! На что *ледащо* миловать? рѣшилъ Власовичь.

«Благо есть! сказалъ писарь. Утру сущу, повелю все устропти, яко же обычай при такомъ казусѣ бываетъ, и все будетъ благолѣпно. А въ Черниговъ уже не пойдемъ?»

— Та нѣтъ, панъ писарь, не пойдемъ. Намъ не когда: мы вѣдёмъ топимъ. Только.... какъ бы отвертѣться отъ нихъ?

«Да отвернемся, панъ сотникъ! И сего ради абіе немедленно пошлемъ гонца пѣшкомъ, хромаго Имка Ферлущенка; да дыблетъ до высшаго начальства съ репортомъ, что намъ не можно въ походъ птти, занеже мы обаче погружаемъ вѣдёмъ въ бездну нашего пруда, иже тщатся погубити весь міръ, сокрывше дождь....»

— Славно, славно, панъ писарь! Вотъ это мы очень премудро придумали. Идите же, да пишите репортъ; а я что-то, разговаривая съ вами, крѣпко спать захотѣлъ. Хотѣлъ-было разсказать и про свою бѣду, такъ не смогу, и дремлю.... Такъ говорилъ панъ сотникъ, зѣвая во весь ротъ.

Вотъ Прокопъ Григорьичь пошелъ порядокъ давать, какъ завтра вѣдёмъ топить; а Никита Власовичь легъ опочивать.

На-руку ковинька нашему пану Пистряку: сдѣлалъ съ паномъ сотникомъ, что ему надо было, и чего ему давно хотѣлось. Постригъ въ дураки, подвелъ, чтобъ не слушалъ предписанія начальства, не шелъ въ Черниговъ, можетъ, отъ Татаръ, или отъ Ляховъ отбиваться; а пока хромой Ферлущенко, съ одною ногою, додыблетъ, и начальство прочитаетъ репортъ, что панъ Конотопскій сотникъ, вмѣсто дѣла, принялся вѣдемъ топить, подумаетъ, что онъ, то былъ неразумный, а то уже и совсѣмъ одурѣлъ, навѣрно его смѣнятъ, а сотникомъ наставятъ.... уже никого больше какъ меня. Такъ думаетъ-себѣ Григорьичь, да кашлянувши, какъ панъ дьякъ собираясь читать полунощницу, думаетъ.... и вражьимъ бабамъ и молодицамъ, кто мнѣ какую пакость дѣлалъ, или.... тее-то.... не сотвориша послушанія.... знаю таковскихъ.... всѣмъ отомщу, заполощу ихъ знатно. Спасибо, что мой дуракъ гнетъ шею и лѣзетъ въ бѣду, какъ волъ въ ярмо.... Теперь, Прокопъ, только погоняй! Потомъ вздохнулъ, да самъ съ собою даже вслухъ сказалъ: «зѣло для нашего братчика, хитраго, да разумнаго писаря, любезное дѣло есть, егда начальствующій такой же дурень, какъ нашъ приснопоминаемый панъ Забрёха! Не оскудѣетъ и десница, и

шунца угобзится, и восполняется карманъ и сундукъ. Не уменьшай, Боже, таковскихъ!....»

IV.

Смутно и невесело было, въ одно утро, въ славномъ сотенномъ мѣстечкѣ, Конотопѣ. Хотя до восхожденія солнца, пока еще и мѣсяцъ несовсѣмъ зашелъ, поднялся-было по всѣмъ улицамъ шумъ, бѣганіе, говоръ, крикъ, но и стихло, и весь народъ исчезъ, такъ-что ни въ хатахъ, ни по улицамъ нѣтъ никого. Только и слышно, что коровы, сколько въ нихъ есть духу, ревутъ за тѣмъ, что хозяйки не идутъ ихъ доить и не думаютъ выгонять ихъ въ поле; телята по хлѣвамъ, слыша, что ихъ матки ревутъ, себѣ ме-е-каютъ и подаютъ голосъ, какъ будто упрашивая, чтобы и ихъ скорѣе выпускали; овечки *мекеке́-кают*ъ; козы, тоже-себѣ за ними, да стучатъ ногами, да бѣгаютъ по загоро́дѣ, пищутъ, куда бы выскочить и за собою овечекъ повести; кони ржутъ на все село такъ, что эхо по зарѣ далеко раздается; по хлѣвцамъ гуси кгекгекаютъ, утки кахкаютъ, насѣдки куд-кудакаютъ.... потому-что всякое дыханіе безъ человѣческой помощи страждетъ. Слыша такой шумъ, собаки, то лаяли, а то уже начали выть. Малыя дѣти, такія, что еще не смогутъ ходить, лазятъ

вокругъ своей запертой хаты, да оцѣпившися ручонками за прысьбу, силятся подняться на ножки, и нашедши на прысьбѣ щепочку, возметъ въ ротъ и смокчетъ вмѣсто косточки; да какъ станетъ ее въ рукахъ поворачивать, не удержится, да.... плюхъ!... опять на землю, да и заплачетъ; а тутъ щенокъ, ходя близко, подойдетъ и облизываетъ ему слезки и подъ носомъ и во рту вылижетъ языкомъ, то дитя, не умѣя защититься отъ щенка, еще крѣпче заплачетъ, надѣясь, что кто-нибудь прибѣжитъ его оборонить и утереть.... Такъ что же? хаты по всему мѣстечку заперты; возы, плуги, бороны, рàла, гдѣ были съ-вечера приготовлены, такъ-себѣ и стоятъ; волы, поѣвши свою солому и видя, что никто не гонитъ ихъ на водопой и не запрягаетъ, сорвались и пошли себѣ по улицамъ—и гдѣ завидятъ калачики, или ромашку и всякій бурьянчикъ, то тамъ и пасутся....

Подлѣ дьяковой школы хоть бы-тебѣ одинъ школяръ! И панъ Симеонъ, во ожиданіи ихъ, ходитъ около школы, приготовляясь на похороны и вспоминая про кутію съ медомъ, да прилѣжно присматривается во дворъ стараго Кирика, что вчера уже и маслосвятіе надъ нимъ служили; такъ не дымитъ ли у него изъ трубы, что, можетъ, уже и обѣдъ на помины варятъ, когда уже онъ умеръ; такъ ба! и труба не дымитъ, и во дворѣ никто не шевелится.....

«Экхе, экхе! неужели возстанетъ отъ одра болѣзни?» думаетъ панъ Симеонъ и разсуждаетъ, ходя по двору: какіе-то люди теперь крѣпки на здоровье, да долговѣчные стали! Вспомянетъ про холеру, какъ-то было имъ тогда прибыльно жить.... да вздохнетъ тяжело, войдетъ въ хату, да и станетъ розги вязать на школяровъ, чтобъ надъ кѣмъ-нибудь гнѣвъ свой вымѣстить....

На огородахъ бурьянъ и великонекъ, да никто же его и не думаетъ полоть, хоть лопатки и лежатъ подлѣ него; а между грядками съ капустою, бураками и прочею овощію, славно управляются хрюкая свиньи съ поросятами, и не думая, чтобы что оставить хозяйкамъ; все выѣдятъ и носомъ роютъ такія новыя грядки, что послѣ нихъ хозяйка съ трудомъ въ два дня въ ладъ все приведетъ; теперь же некому ихъ и выгнать, потому-что нѣтъ никого....

Да и что же? и въ самыхъ шинкахъ пустешенько! Шинкарь дремлетъ-себѣ на лавкѣ, потому-что никого, не то чтобъ горѣлку пить, да и жены съ невѣстками нѣтъ; такъ потому-то никто не мѣшаетъ ему и дремать; посуда у него, какъ еще съ вечера переполоскалъ, да поразставлялъ, такъ она и стоитъ, и никто не наверпется въ шинокъ ни ногою....

Отъ чего же это такъ въ славномъ мѣстечкѣ, въ Конотопѣ? отъ чего такъ стало тихо и смутно, что не

слышно ни отъ кого никакаго гласа? и ни на одной улицѣ не повстрѣчаешь ни однаго человѣка; какъ будто, сохрани Богъ! всѣ люди во всемъ мѣстечкѣ повымирали, или, и то не лучше смерти! Крымскіе Татары всѣхъ похватали? Гдѣ это они дѣвались и отбѣжали отъ хозяйства своего и маленькихъ дѣточекъ? Да пусть уже женщины: имъ хоть цѣлый день, собравшись въ кучу, болтать и изъ пустаго въ порожнее переливать, а что мужья ихъ и дѣти безъ обѣда, такъ это имъ и нужды нѣтъ.... Такъ не только женщинъ, но ниже однаго мужчины нѣтъ въ селѣ... да что̀ еще: и такаго дитяти, что уже бѣгаетъ, и такаго не повстрѣчаешь!..... Гдѣ же это они есть?...

Эге! анъ вонъ-вонъ всѣ собрались вокругъ пруда и смотрятъ.... А на что смотрятъ, такъ ну-ну! Такаго зрѣлища врядъ ли и самый старый, кто есть въ нашемъ Конотопѣ, чтобъ помнилъ, какое теперь будетъ совершаться..... Да что же тамъ такое?....

Посреди пруда вбиты четыре сваи толопенскихъ и вверху связаны веревками; да опять какъ-то хитро и мудро перепутано. Въ каждой сваѣ вверху дыра, и туда просунута веревка.... А по пруду ѣздятъ люди въ лодкахъ; а они не рыболовы, потому-что на лодкахъ ихъ нѣтъ ни сѣтей и ятеровъ, чтобъ ловить рыбу, а только веревки.... А что на берегу?

Такъ вотъ тамъ-то весь народъ изъ славнаго сотеннаго мѣстечка Конотопа еще собрался, какъ и солнце не всходило и мѣсяцъ не совсѣмъ зашелъ.... Вотъ тамъ-то и матери, что пооставляли и хаты, и маленькихъ дѣточекъ, и поросятокъ, и птицъ, и коровъ, и въ печахъ не топили. Вотъ тамъ-то и мужчины, что оставили дома больныхъ женъ, и скотину, и позабыли, что нужно ѣхать въ поле.... всѣ, всѣ собрался смотрѣть, какое тутъ будетъ зрѣлище....

Мало ли ихъ тутъ было? И по всему берегу, и кругомъ на бугоркахъ; вотъ какъ набрать въ мѣшокъ зеренъ, такъ всѣмъ имъ тамъ тѣсно было. А мальчишки, да подростки, которымъ изъ за-взрослыхъ ничего не видно, такъ даже на вербы послазили и покрыли ихъ какъ галки....

А крикъ, а говоръ отъ того народа, батюшки! Какъ-будто вода шумитъ весною, прорвавши плотину; всѣ, всѣ вдругъ говорятъ, и никто никого не слушаетъ; а уже никто, какъ наши женщины-щебетуньи! Вотъ тамъ-то и шинкарка съ невѣстками своими, что безъ нихъ шинкарю только и выспаться: говорятъ, щебечутъ, разсказываютъ, кто вчера у нихъ былъ въ шинку, на сколько выпилъ за деньги, на сколько кто въ долгъ взялъ, кто что заложилъ, кто съ кѣмъ и какъ побранился, кого—пришла жена—да прогнала изъ шинка; кто жену въ затылокъ погналъ и очипокъ съ ея головы сбилъ, и она *воло-*

сомъ на всю улицу засвѣтила; какъ дѣвки обманывая, вмѣсто того, что будто для отца, для себя покупаютъ горѣлку, да по огородамъ тихонько съ парубками пьютъ. «Полно же, не все разсказывай!» зашумѣла шинкарка на невѣстку; такъ та и замолчала...

А тамъ, на другомъ концѣ, подлѣ вербы, школяры, вмѣсто того, чтобъ въ школу итти, да кому изъ часослова, кому изъ псалтыри уроки твердить, а кому «мно-тло» складывать, они, собравшись въ кучку, сложили вершу на своего пана дьяка, да тихонько и распѣваютъ ее... Какъ же врѣжетъ ихъ панъ Симеонъ розгою, что изъ дому принесъ; да какъ погонитъ ихъ въ школу: а самъ, гоня ихъ, божится, что за эту пѣснь, кромѣ субботы, что по закону подобаетъ, будетъ ихъ пороть каждый день чрезъ весь мѣсяцъ...

А тамъ, подлѣ мельницы, вотъ тамъ что творится! Ну, ну! Тридцать казаковъ, кто съ нагайкою, кто съ надежною дубиною, кто съ веревкою, а кто съ коломъ, да всѣ же эти храбрые казаки держатся крѣпко за веревки; а тѣми веревками связано семь бабъ... А что то за бабы, такъ я вамъ разскажу.

Первая, пзжившая вѣкъ, Приська Чирячка. Съмолоду неразъ сидѣла въ кунѣ*; свела на тотъ

*Кука, желѣзная цѣпь, висѣвшая всегда у дверей церкви. Въ нее заключали на нѣсколько часовъ, во время служенія, воровъ яв-

свѣтъ всѣхъ трехъ своихъ мужьевъ и все имѣніе перевела на травы, да на коренья, да на всякія лекарства; да и лечитъ людей, отъ лихарадки ли, отъ заушницъ; снимаетъ съ дѣвокъ и парней *остуду*, переполохъ выливаетъ, слизываетъ отъ уроковъ, *сонячницы* завариваетъ... и чего-то она не знала! Къ ней изо всѣхъ мѣстъ, даже верстъ за двадцать, пріѣзжали болящіе: иному, кому жить, то и поможетъ; а кому умереть, то тотчасъ послѣ ея воды и умретъ; то Приська и говоритъ: «не такъ онъ болѣлъ, чтобъ ему живымъ оставаться.» Разъ панъ Пистрякъ просилъ ее, чтобы дала ему *любощей*, чтобы его всякая дѣвка ли, молодица ли, на какую онъ окомъ накинетъ, чтобъ его и полюбила; вотъ-же-то онъ выпилъ тѣхъ любощей, да и пошелъ на вечерницы; да только-было что развеселился... какъ же сдѣлается ему дурно!... такъ и къ дому не добѣжалъ. Вотъ съ того часа и сталъ на нее гонитель.

Другая была Химка Рябокобылиха, *старъ-человѣкъ; замирала* на своей жизни: уже когда у кого что пропадетъ, то и не думай итти къ ворожеѣ: она самую умѣлую изобличитъ во лжи, а скажетъ на того,

ныхъ, колдуновъ, развратныхъ и т. под. *Остуда*, насланная на парня или дѣвку, послѣ чего никто ее не сватаетъ и за него никто не идетъ за-мужъ, пока колдунья не сниметъ остуды. *Сонячницы*, холера со всѣми ея признаками и послѣдствіями. Знахарки ихъ заговариваютъ и славятся симъ искуствомъ. *Замирать*, принимаютъ на себя старики и старухи, узнавъ, что во время болѣзни они сутки или

на кого хочетъ, да на кого сердита. А ей какъ не вѣрить, когда она замирая видѣла, какое на томъ свѣтѣ есть мученіе, и ворягамъ и табачникамъ, и лгунамъ, и потаскухамъ; такъ-было кого поймавши на бакшѣ съ огурцами, или въ анбарѣ съ саломъ, приведутъ къ ратушѣ, то когда Химка скажетъ, что не онъ укралъ, то его тотчасъ и отпустятъ, да принимаются за того, на кого Химка скажетъ, хотя бы его въ то время и въ селѣ не было. Вотъ такъ сказала-было разъ и на пана Пистряка, что будто бы онъ у человѣка пчелу подрѣзалъ. Ему оно такъ и прошло, извѣстно, какъ писарю; только уже онъ на нее съ той поры и намѣтилъ.

Третья Явдоха Зубиха, старая и престарая! Самые старые дѣды, что уже на-силу ноги волочатъ, разсказываютъ, что, какъ они были еще под-парубочими (подростками), такъ она уже и тогда была такая старая, какъ и теперь; такъ-что, если бы не солгать, было ей лѣтъ пятьдесятъ отъ роду. И говорятъ про нее люди, что она какъ днемъ, то и стара, а какъ солнце заходитъ, такъ она и молодѣетъ; а въ самую полночь станетъ молоденькою дѣвочкою; а тамъ

болѣе были въ безчувствіи. Тутъ-то сплетаютъ они разныя нелѣпости: разсказываютъ, что видѣли на *томъ* свѣтѣ: награжденія добрымъ и наказанія злымъ — и все по своимъ понятіямъ. На кого сердиты, для тѣхъ видѣли приготовленныя мученія; а для пріятелей или благодѣтельствующихъ имъ приготовленное мѣсто для блаженства. Распустивъ свои басни, пользуются уваженіемъ отъ всѣхъ и мнѣніе ихъ рѣшитъ каждое дѣло.

и станетъ старѣться, и ко всходу солнца опять станетъ такая старая, какъ была вчера. Вотъ она, какъ помолодѣетъ, то и надѣнетъ бѣлую сорочку и косы распустятъ, какъ дѣвка, да и пойдетъ по селу доить коровъ, овецъ, козъ, кобылъ, сукъ, кошекъ; а въ болотахъ лягушекъ, ящерицъ, змѣй.... Уже такая не выдоитъ, кого задумаетъ! Разъ панъ писарь Григорьичь читалъ передъ громадою какое-то предписаніе отъ начальства, и хотя передъ тѣмъ дней съ пять пилъ, а тутъ слова складывалъ порядочно и уже-было взялся по верхамъ читать, какъ вотъ и идетъ Зубиха, да и глянула на него—и только всего, что усмѣхнулася—такъ чтожъ? онъ тотчасъ бумагу о-земь, полы подтыкалъ, рукава засучилъ, да и пустися передъ громадою скакать «векгери» (дѣтская игра; скачутъ въ-присядку съ приговорами). Смѣхъ былъ такой, что не то что! Вотъ съ того часу и сталъ панъ Пистрякъ, только хоть погуляетъ, то тутъ-же и немного пожегнетъ химеры. Вотъ такая-то была эта Явдоха!

Четвертая, Пàзька Псючиха, не такъ стара. Такъ та все тихомолкомъ не хвалясь колдуетъ. Только и видятъ ее, какъ всѣ положатся спать: вотъ она и выйдетъ на дворъ, да и махнетъ рукою. То, куда махнула, оттуда и облака — хоть и не теперь и не скоро еще, но поïдутъ. А кто бы къ ней ни пришелъ, чтобъ или поворожила, или дала какихъ лекарствъ, или хоть что-нибудь такое; такъ, что бы ей на поклонъ ни принесъ, ничего не возьметъ и говоритъ:

«я ничего не знаю; идите-себѣ прочь.» Ну, ну! такая-то и не знаетъ!

Пятая была Домаха Карлючкивна. Какъ съ-молоду еще была дѣвкою, такъ была такъ хороша, что и разсказать не можно. Ростомъ-себѣ не величка, хоть въ какую хату не войдетъ, а головою потолка достанетъ; сухая; на долгихъ ногахъ; волоса на головѣ какъ волна на гребнѣ; а когда разинетъ ротъ, такъ лопата войдетъ; носичекъ какъ у ястреба; а какъ смотритъ глазками съ Конотопа, такъ однимъ глядитъ въ Кіевъ, а другимъ въ Бѣлгородъ — да и тѣ какъ-будто сметаною залѣплены; а личикомъ бѣленькая какъ чумацкая сорочка; да еще къ тому, словно граблями, вся рожа исцарапана. Вотъ съ такою-то красою сидѣла она въ дѣвкахъ, сидѣла; прежде ждала поповича; послѣ спустила на писарей изъ ратуши; потомъ желала бы выйти и за хлѣбороба, такъ ба! и личманъ (пастухъ) не смотритъ! Нечего дѣлать: повязала сѣдую голову, перешла жить въ пустую избу на лугу, при болотѣ, да и стала волшебствовать, да людямъ пакости дѣлать. Уже и не думай никто ее затрогать; вотъ только не поклонись ей учтиво, или, не примѣтивши, толкни, или что-нибудь; то тотчасъ и затрещитъ: «будешь меня, пескій сынъ, помнить; подожди-тка!» То такъ и есть: или ходючи споткнешься, или за обѣдомъ подавишься; или пьяный что-нибудь потеряешь, а уже не пройдетъ тебѣ такъ; хоть — какъ говорятъ — не теперь, а въ

четвергъ, хоть черезъ годъ, только уже ея похвалка не пройдетъ тебѣ даромъ. . . . Даже страшно про нее больше и разсказывать! Цуръ ей! . . . еще, чтобъ не приснилась. . . . .

Шестая была Векла, стараго Штыри — когда знаете — невѣстка; а седьмая Устя Жолобиха . . . . такъ пускай уже кто другой разсказываетъ, а мнѣ некогда. Чего-то Конотопскій народъ зашумѣлъ и закопошился, и передъ кѣмъ-то разступаются и даютъ къ пруду дорогу . . . такъ уже вѣдь *не до поросятъ, когда свинью смалятъ*. . . .

V.

Смутенъ и невеселъ, надувшись, какъ тотъ Индѣйскій пѣтухъ передъ своими курами, храброй Конотопской сотни панъ сотникъ Никита Власовичъ Забрёха, важно выступая, идетъ къ Конотопскому пруду. Хотя на немъ и синяя черкеска съ закинутыми на спину рукавами и татарскимъ поясомъ подпоясана, и ножъ на цѣпочкѣ за поясъ заложенъ, и лицо умыто, и борода подбрита, и на головѣ шапка, да какъ у него глаза были заспаны и обдуты, то и видно было, что онъ цѣлую ночь куликалъ. Да и правда же была: съ печали цѣлую ночь пилъ наливку. Такъ послѣ такой работы, когда не выспишься, то и будешь долго чмелей слушать; я уже это знаю. Такъ какъ же ему не быть смутнымъ и невеселымъ? Хоть

и подошелъ къ людямъ, которые передъ нимъ всѣ шапки сняли и покланяются ему. . . . а онъ идетъ надувшись-себѣ и ни на кого и не смотритъ, только щоки раздуваетъ, чтобы всѣ знали, что онъ *тутъ-здѣсь* есть старшій.

Вотъ подошелъ къ пруду, окинулъ глазомъ сюда-туда, да и крикнулъ грозно: «а что?»

— Совершеніе уготовася! отозвался къ нему Конотопской сотни писарь Прокопъ Григорьичь Пистрякъ, стоя подлѣ караульныхъ, которые берегли вѣдьмъ, быстро приглядываясь, чтобъ которая изъ нихъ не превратилась или въ сороку, или въ свинью, да не ушла бы. Какъ же услышалъ голосъ своего начальника, такъ тотчасъ снявши щапочку и подошелъ къ нему, и поклонясь ему низко, сказалъ: «вожделѣннаго умоизступленія, съ дневнымъ мѣстопребываніемъ, вамъ, панъ сотникъ, утре-усугубляемъ!»

«Спасибо! сказалъ Власовичь, не понявши, что ему наговорилъ панъ Пистрякъ, тоже не умѣвшій къ-ладу слова сказать, а такъ, что на умъ взбредетъ; да при этомъ словѣ только немного приподнялъ шапку съ головы, да скорѣй и наплюснулъ ее опять на голову, да и сказалъ важно, всѣхъ оглядая и ни на кого не смотря: «здоровы!» А это уже извѣстно, и вездѣ такъ поводится, что чѣмъ кто глупѣе,

тѣмъ онъ горделивѣе, и знай надувается, какъ кусокъ кожи на огнѣ.

«Здоровъ будь, батько, вельможный панъ сотникъ!» заклекотала громада, загудѣли мужчины, затрещали женщины, запищали дѣти, да и поклонились ему всѣ низехонько....

Вотъ Григорьичь и шепчетъ пану Никитѣ на ухо: сотворяйте же дѣлопачинаніе; угобзите въ нашей палестинѣ порядокъ. . . .

«Цуръ дурня, да масла кусокъ! сказалъ ему въ отвѣтъ Власовичь: «какъ мнѣ укòбзить, или какъ тамъ ты говоришь, когда я ничего и не понимаю, чтò это такое и есть.»

— Такъ не творите же мнѣ восклоненія ни во единомъ дѣлѣ—сказалъ писарь и пошелъ къ своему дѣлу.

Эге! да хотя нашъ панъ сотникъ Никита Власовичь и не имѣлъ въ головѣ *девятой клепки*, но еще столько разсудку стало, чтобъ разобрать, что коли чего не разумѣешь, за то и не берися. Совсѣмъ не понималъ дѣла, такъ и не перечилъ ни въ чемъ; не такъ, какъ нашъ генеральный судья — царство ему! Тотъ-было — и не думай его остановить — къ дѣлу ли, не къ дѣлу, знай подписы-

ваетъ, что попадетъ. Писарь-было останавливаетъ, такъ куда! — Не хочу, говоритъ, чтобъ дѣло валялося; подпишу, вотъ ему и конецъ. То писарь-было, какъ только увидитъ, что судья въ коллегію идетъ, тотчасъ и прячетъ всѣ бумажки, а то онъ ихъ съ-разу всѣ и поподписываетъ, а тѣмъ и непортитъ нужныя. Разъ — о смѣхъ былъ! — я еще служилъ тогда въ коллегіи, и какъ былъ малый по девятнадцатому году, то уже учился склады писать; писарёнки взяли, да и написали такую бумагу, чтобъ судьѣ отказатся отъ свѣта, а его жену выдать за-мужъ за пана Обознаго, что съ нею частенько въ лѣсокъ за грибами ходитъ. Ну; да и положили тотъ листъ передъ судьею; только-таки что онъ вошелъ, сѣлъ, увидѣлъ тотъ листъ, потянулъ къ себѣ, перекрестился, да и говоритъ: «чтобъ не долго морить! пускай мнѣ благодарятъ, что скоро дѣло рѣшилъ; а виноватый пусть жалѣетъ на себя . . .» да чиркъ! и подписалъ *рукою властною*. А мы всѣ: кихъ, кихъ, кихъ, кихъ! Насилу писарь насъ въ-зашеи прогналъ, и растолковавъ судьѣ тотъ листъ, порвалъ его на куски . . . . . Ну, да нужды нѣтъ; будемъ свое договаривать.

Вотъ панъ Власовичь стоитъ-себѣ, взявшися въ боки, какъ тотъ фертъ, что въ Кіевскомъ букварѣ; какъ вогъ и подошелъ къ нему Ѳома Калыберда, старъ человѣкъ; да снявши шапку, поклонился ему разъ пять, а потомъ осмѣлясь говоритъ: «спасибо вамъ, панъ

Власовичь, что поддерживаете старину. Еще покойникъ дѣдушка вашъ, Аѳанасій Забрёха таки — пусть надъ нимъ земля перомъ! — и тотъ не давалъ насъ обижать. Чуть немного-было засуха подхватитъ, то онъ въ туже пору за проклятыхъ вѣдьмъ возмется; да какъ трехъ-четырехъ утопитъ,* такъ гдѣ тотъ дождь возмется!... И все было хорошо! Что-то старина! Любезное дѣло!»

«Будетъ и новина не худая, сказалъ важно панъ Забрёха, да и отступился отъ Калыберды, чтобы тотъ не очень приставалъ къ нему, и чтобы иногда не запанибратался съ нимъ; а чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ него, отозвался къ Григорьичу и спросилъ: «а что?»

А тотъ, управившись совсѣмъ, идетъ къ нему, покашливаетъ и усы закручиваетъ — это уже была примѣта, что станетъ говорить изъ писанія — вотъ и говоритъ: приспе время совокупленіе учинить и погрузить нечистоту во источники водныя. А нуте, братіе, дерзайте!

Караульное казачество, услышавъ писарское повелѣніе, тотчасъ и отвязали отъ вѣдёмской связки Вѣклу Штыриху; схватили ее скорѣе за руки и за ноги крѣпко, чтобъ не вырвалась, да хохоча и

*Такъ точно бывало — и безотвѣтно.

потаскали ее къ лодкамъ. . . . . Она кричитъ: «помогите!» Дѣточки бѣгутъ за нею и плачутъ, какъ будто она уже и не жива; старый Штыря туда же за ними подбѣгаетъ, да плачетъ и бранитъ и казаковъ, и сотника, а наиболѣе писаря . . . Но ихъ никто и не уважаетъ, и еще кое-кто съ кучи кричитъ: «держи-ка, Осипъ, крѣпче; видишь, вырывается.» А иной говоритъ: — «попалась! а что?. . . Это тебѣ не коровъ въ полночь доить! . . .» Да и много коечего приговаривали, пока ее къ лодкамъ донесли, и втащивши въ одну изъ нихъ, тутъ еще крѣпче держали. Какъ же довезли къ сваямъ, тутъ связали ей руки и ноги славно, да веревки и протянули въ петли, что на сваяхъ, и подтянувши ее веревками къ верху, бухнули разомъ въ воду.... такъ, какъ камень пошла на дно. . . . только пузырьки заклокотали! . .

«Тягните назадъ, тягните! . . . Не вѣдьма она, не вѣдьма! . . .» завопила громада въ одинъ голосъ; а кто помоложе и ближе стоялъ, такъ бросились даже помогать тѣмъ, что были при веревкахъ. . . . .

— Погружайте, погружайте паче и паче тресугубо окаянную дщерь Ханаанскую! — какъ волъ ревѣлъ Прокопъ Григорьичь и удерживалъ людей, чтобъ не вытаскивали назадъ Вѣклы.

«Слушайте меня! со всѣхъ силъ кричалъ Власовичь: вѣдь я же сотникъ. Я повелѣваю, тяните назадъ! Она не всплыла на верхъ, такъ она и не вѣдьма.»

— Не вѣдьма, не вѣдьма; не всплыла . . . не вѣдьма. . . тяните назадъ! кричалъ весь народъ, и уже писаря никто не слушалъ, и вытянули Веклу совсѣмъ мертвую, отвязали отъ веревокъ, и не кладя на землю, стали на рукахъ откачивать.

Пока это дѣлалося, панъ сотникъ, отдохнувши послѣ крику да хлопотъ, подозвалъ къ себѣ Григорьича и спрашиваетъ: «скажи мнѣ на милость: зачто ты повелѣлъ ее топить? Женщина еще не старая, и богатаго, честнаго рода; неслышно было за нею никакихъ шалостей.»

— Сужду по правотѣ и безъ всякаго уклоненія дѣйствую, сказалъ Григорьичъ: оная суть хотя еще и безъ старости жена, но имать пенязей до бѣса! Проспхъ, занимахъ, и не повѣрила; стражи предахъ, и не откупалася, якоже другія-прочія. Сего ради размыслихъ ю погрузити, и не исторгнути оттолѣ, дондеже не дастъ мнѣ чего и колико прошу. Живуща, тресугубо живуща. Зрю, что уже ее откачали. А воздайте сюда Устю Жолобиху! — крикнулъ Григорьичъ караульнымъ.

Притащили Устю, и тоже все было, что и съ Веклою; только Устя, какъ пихнули ее въ воду, такъ тутъ ей и аминь! Хотя и трясли и качали, но ничѣмъ не помогли, такъ и осталась.

Спрашивалъ панъ сотникъ у писаря и про эту; такъ тихонько ему признался: желахъ — говоритъ — совокупитися съ ея дщерію, Одаріею, крѣпко лѣпообразною; а она тресугубо нечестивая, вмѣсто желаемой дѣвицы, восклонила въ карманъ мой тысячеклятую тыкву и покри предняя и задняя моя срамотою, аки рубищемъ. Такъ это за оное дѣло таковая ей пинфа. . . .»

Какъ вотъ помѣшалъ имъ Талемонъ Левурда, кланяясь низко и проситъ: будьте ласковы, панъ сотникъ Власовичь! можетъ, окунули бы немного и мою жену, потому-что чуть ли она не вѣдёмствуетъ. . . .»

«Давай ее сюда! какъ будто пропѣлъ, такъ проговорилъ панъ Забрёха: у насъ не попадайся: тотчасъ проучимъ; а наибольше тѣхъ, что добрыхъ людей, вмѣсто рушниковъ, кормятъ тыквою.» И вспомнилъ свое дѣло, вздохнулъ тяжело, и потупивъ голову стоитъ.

А Прокопъ Григорьичь, еще только услышалъ, о чемъ Левурда сталъ просить, такъ и задрожалъ, какъ цыганъ на морозѣ; глаза у него засверкали, рожа вспыхнула, губы затряслись и едва-едва могъ проговорить: а какъ ты . . . а за что . . . твою жену потоплять?... развѣ же она волшебствуетъ?

«А какъ же не волшебствуетъ? говорилъ Левурда Власовичу: вотъ слушайте сюда, добродѣю! Разъ десять такое мнѣ привидѣніе было, что въ самую глухую полночь кто-то и стучитъ ко мнѣ въ окно; стучитъ-стучитъ, пока моя Стеха, знаете, жена моя, проснется. Вотъ какъ проснется, да и выйдетъ изъ хаты, а я и засну; да уже передъ свѣтомъ воротится; вотъ я и спрашиваю: гдѣ ты — говорю — была? А она и говоритъ: ходила — говоритъ — къ коровамъ, да вотъ это озябла, и лягу. А я говорю: ложись; а она и ляжетъ, да — говоритъ — озябла, а сама какъ огонь. Такъ это видите, добродѣю, она не для коровъ вставала, а колдовать, навѣрно колдовать. А то, вотъ на той недѣлѣ, такъ я уже именно видѣлъ чорта, вотъ я какъ васъ, панъ сотникъ — пускай вы здоровы будете! — вижу. Вотъ видите какъ: поѣхалъ я на ярмарку, и располагалъ пробыть тамъ три дня; но какъ сдѣлался не здоровъ, такъ я въ тотъ же день поздно ночью и воротился. Стукъ-стукъ въ хату, жена не отпираетъ и съ кѣмъ-то разговариваетъ, да хохочетъ и огонь горитъ у нихъ; я какъ рванулъ дверь, такъ крючокъ и отскочилъ; я вошелъ, смотрю.... анъ у нея въ гостяхъ чортъ.... да вотъ, какъ видите, точь въ точь какъ Пистрякъ Григорьичь — пускай здоровъ будетъ! — такая ему и рожа, и одежда и все такое же. Я къ чорту, а онъ отъ меня; я за нимъ, а проклятый чортище въ сѣни; я сѣнную дверь задвинулъ; чортъ видитъ, что бѣда, да въ трубу.... я какъ испугаюсь,

какъ вбѣгу въ хату, да въ постель... и что-то! и тулупомъ покрылся, а самъ дрожу съ перепуга, что видѣлъ чорта и что моя жена съ нимъ дружитъ. Вотъ я вамъ и говорю: не простая моя жена, совсѣмъ не простая. Всполосните ее хоть немного, авось дождь пойдетъ.»

«А что-жъ? Такъ и всполоснуть! Панъ писарь, а ну!» Такъ сказалъ сотникъ Григорьичу..... какъ же тотъ прикрикнетъ на него, такъ, что ну!— Или вы обуяли? Или вы такъ просто одурѣли? Вамъ не довлѣетъ никакаго рѣшенія испускать безъ потребности моей; потому-что надо всякое дѣло угобзить и законное присовокупленіе соединить. А ты, аспидова Левурда! вотъ что касательно тебя законъ повелѣваетъ: онаго неключимаго Талемона Левурду, наважденіемъ своимъ приведшаго сожитіе свое, сирѣчь жену, до дружелюбія съ сатаною, не при васъ, Власовичь, говоря, убо подобаетъ забити нозѣ въ кладу. А говъ, хлопцы! Поймите его и водворите въ ратушу и присовокупите нозѣ его до клады, поелику самъ сознаніе учинилъ, что видѣлъ и осязалъ чорта; слѣдовательно онъ есть колдунъ, волшебникъ. Воутріе кіями пзбію сицеваго грѣшника!

Пока это Пистрякъ разсказывалъ, а сердечнаго Левурду уже и потащили къ ратушѣ. А Григорьичь повелъ глазомъ, да съ какою-то молодицею сглянул-

ся, усмѣхнулся, закрутилъ усъ, да и крикнулъ на караульныхъ казаковъ: а ну-те, водворяйте въ пресподнія воды Домаху Карлючкивну! — И послѣ Карлючкивны только пузырьки вскочили .... а громада видя, что она не всплываетъ, зашумѣла: «нѣтъ, она не была вѣдьма .... не была! ....»

И Приську Чирячку, и Химку Рябокобылиху, и Пазьку Псючиху топили; и нѣкоторыхъ утопили вовсе, а другихъ оттрясли; народъ же о полы руками бьетъ, да удивляется: «да гдѣжъ — говоритъ — эта вѣдьма? Вотъ всѣхъ топили и всякая тонетъ, а вѣдьма не открывается!» Никита Власовичь даже дремать сталъ; по его разсужденію такъ уже пора бы и домой: будутъ ли дожди итти или нѣтъ, ему нужды мало; не станетъ своего хлѣба, ему принесутъ; Конотопъ не малое село; безъ ссоры, брани и позывовъ не бойдется; а все же прибѣгнутъ къ сотнику. Такъ разсуждая, все, знай, зѣваетъ, да поглядываетъ на своего Пистряка, что задумался и знай пальцемъ себѣ тычетъ то въ лобъ, то въ носъ. Думалъ-думалъ, да и крикнулъ: Водвори сюда Явдоху Зубиху.

Притащили и ту, подвезли лодкою къ сваямъ, подвязали веревками, потянули въ верхъ... плюхъ!... какъ объ доску, такъ наша Явдоха объ воду, и не тонетъ, а какъ рыбка сверхъ воды, такъ и лежитъ, и болтается связанными руками и ногами, и всѣмъ тѣломъ выворачивается и приговариваетъ: купочки-купуси, купочки купоньки!

Весь народъ такъ и ужаснулся! «Вотъ вѣдьма, такъ-такъ!» закричали всѣ. А Никита Власовичь, зѣвнувши, увидѣлъ этакое чудо, такъ ротъ у него разинутый и остался. А Прокопъ Григорьичь такъ даже танцуетъ по берегу, да знай на работающихъ крпчитъ: возтягните еще! Верзите во тьму водную! — Такъ что же? Какъ ни крпчитъ, а Явдохѣ ничего не сдѣлаетъ. Подтянутъ, бухнутъ ее, сколько силы, въ воду. . . . такъ не тонетъ, да и не тонетъ; да еще и смѣется надъ всѣми и все свое продолжаетъ: купочки-купоньки!

«А вознесите сѣмо каменія и плинфодѣланія!» вздумалъ панъ Пистрякъ. Такъ и явилась цѣлая куча кирпичей и камней всякихъ, что хлопцы, услышавъ приказъ, съ-разу бросились и нанесли.

«Возложите каменія на нечестивую выю ея, и на руцѣ и нозѣ ея, и паки потопляйте ее.» Такъ командовалъ Григорьичь, подскакивая около пруда, да съ-сердцовъ даже зубами скрыпитъ.

Проворнѣйшіе навязали цѣлую кучу каменьевъ на веревку, и подвезши на лодкахъ, въ-силу три человѣка подняли ту связку, да и наложили Явдохѣ Зубихѣ на шею, и думаютъ: вотъ потонетъ. А она, вражья баба, и не думаетъ; плаваетъ поверхъ воды, да, что освободили ей руку изъ веревки, такъ она ею плескается и подсмѣиваетъ: «А что же? намис-

то мнѣ на шею навязали, а перстней и нѣтъ? Эге! Видишь, какіе добрые! Дайте-ка и перстней на руки и вмѣсто башмачковъ чего-нибудь на ноги.»

— Сокрушайте тресугубо окаянную кощунку Ханаанскую, дщерь Халдейскую! — кричалъ какъ обвареный Прокопъ Григорьичь, да даже запѣнился какъ бѣшеный, видя, что вѣдьмѣ ничего не сдѣлаетъ, и что она надъ нимъ смѣется.

Навязали на руки и на ноги каменьевъ — божился тотъ человѣкъ, что мнѣ про это разсказывалъ; а кто и говорилъ, когда знаете, Еѳимъ Хвайда, что давно уже умеръ, а онъ слышалъ отъ своего дѣда — такъ божился, что пудовъ двадцать навязали ей на шею, на руки и на ноги, да освободивъ ее отъ веревокъ, такъ ее и пустили въ воду. . . . Такъ что же будете съ бабою дѣлать? Такъ и плаваетъ сверхъ воды, и руками и ногами болтается, да знай приговариваетъ: «купочки-купуси!» А потомъ, вражья баба, отозвалася и къ писарю, да и начала его кликать: «А идн, Прокопочку, сюда! Будемъ вмѣстѣ купаться. . . Идн же, не стыдись! Вотъ и тебѣ надѣну намисто и перстней тебѣ дамъ». . . . А Григорьичь даже весь чубъ оборвалъ себѣ съ-сердцовъ, что и дрянная же баба да надъ нимъ насмѣхается... потомъ бросился къ Власовичу и говоритъ: «Несомнительно, сія баба суть отъ бабъ египетскихъ. Она, ехидна прелютая, похитила дождевыя капли и скры-

у себя въ чванцѣ или въ иномъ мѣстѣ. Повели, панъ сотникъ, возмутить ее розанами, да претерпитъ до нестерпимости, и да распуститъ хляби водныя, и да оросится земля.»

«Не пойму, панъ писарь, что вы говорите; а скажу вамъ, дѣлайте, что знаете, только скорѣе, потому-что уже обѣдняя пора. Я бы уже давно улепетнулъ бы, такъ хочется смотрѣть на эту комедію, что на бабѣ цѣлехонькій возъ каменья, а она не тонетъ, а плаваетъ сверхъ воды. Дѣлайте-себѣ, что знаете, а я буду на готовое смотрѣть; я на то сотникъ въ Конотопѣ.»

Повелѣлъ Григорьичь поймать въ водѣ вѣдьму Явдоху, такъ куда же! Хлопцы лодками и не догонятъ ее; и веревками накидываютъ, такъ все ничего: такъ быстро плаваетъ, какъ та щука, только впереди и сзади волна плещется: извѣстно, какъ вѣдьма плаваетъ, ужъ вовсе не по-нашему! Плавала, плавала; юлила, юлила: да какъ видитъ, что всѣхъ измучила, такъ и поддалась....

Что же? взрадовался народъ, какъ схватили вѣдьму Явдоху Зубиху! Всѣ кричатъ, шумятъ, бѣгутъ, встрѣчу къ ней и за ней, всякъ хочетъ туза или подзатыльника ей дать, да и есть зачто: пускай не крадетъ съ неба тучь, не прячетъ дождей у себя въ поставцахъ... Вотъ, какъ всѣ бѣгутъ около нея и за

нею, и ее даже несутъ на рукахъ, боясь, чтобы она не вырвалась и не ушла, а она и ухомъ не ведетъ! Она поетъ свадебныя пѣсеньки, какъ молодая съ дружками ходитъ. А нашъ Григорьичь впереди ея, да даже бѣжитъ съ радости, что-таки напалъ на вѣдьму, и что онъ ее теперь свернетъ въ рогъ и вымучитъ изъ нея, чтобъ отдала назадъ дожди тѣ, что выкрала: да съ радости, такіе *балясы точитъ*, что не только кто, да и самъ себя не понимаетъ, что онъ говоритъ. Потомъ и закричалъ: «а дадите сѣмо вербовыхъ и удвойте лозовыхъ и возглумите ее, елико сплы вашей будетъ!»

Гдѣ и розги взялись. Скрутили вѣдьму Зубиху Явдоху. Только чтобы класть ее, она какъ-то освободила руку, да и повела ею кругомъ по народу; вотъ же слушайте, что изъ этаго будетъ. Вотъ и положили ее; по два парубка сѣли на руки и на ноги и два взяли пребольшіе пучка розогъ, да и начали хлестать: дже-дже, дже-дже.... даже задыхались бившіи.... бьютъ-бьютъ, даже прутья летятъ.... А чтожъ Явдоха? Лёжа подъ розгами, сказку сказываетъ: «Былъ-себѣ человѣкъ Сажка, на немъ сѣрая сермяжка, войлочная шапочка, на спинѣ заплаточка. Хороша ли моя сказочка?»

«Да бейте-себѣ окаянную Ханаанку!» заревѣлъ Пистрякъ.

Хлопцы дерутъ, сколько силы, а Явдоха свое. «И вы говорите: да бейте окаянную Ханаанку! и я говорю: да бейте окаянную Ханаанку. Былъ-себѣ человѣкъ Сажка, на немъ сѣрая сермяжка, войлочная шапочка, на спинѣ заплаточка. Хороша ли моя сказочка?»

«Да дерите крѣпче!» крикнулъ, что есть силы, самъ панъ сотникъ Конототскій Никита Власовичь Забрёха, что уже его крѣпко безпокоилъ тощій желудокъ, и печонки къ сердцу подступали, потому-что и до сего времени не обѣдалъ.

Хлопцы перемѣнились, взяли новые пучки и стали пороть.... а Зубиха, знай свое толчетъ. «И вы говорите: дерите крѣпче! и я говорю: дерите крѣпче! Былъ-себѣ человѣкъ Сажка, на немъ сѣрая сѣрмяжка, волочная шапочка, на спинѣ заплаточка. Хороша ли моя сказочка?»

«Соплетите розонацію изъ тернія и удвойте удары!» командовалъ панъ Пистрякъ, долго думавши, чтобы съ нею сдѣлать.

Хлопцы чешутъ Явдоху терновыми, и Явдоха свое.....

Да и до вечера не переговоришь всего, что тамъ было! Уже не только Григорьичь Пистрякъ, но

и самъ сотникъ Забрёха началъ сердиться, что нѣтъ конца дѣлу: бьютъ, бьютъ бѣсовскую бабу; сколько рабочихъ перемѣнилося, сколько розогъ перебрали, и вербовыхъ, и березовыхъ, и терновыхъ, а ей и не досталось ничего, какъ будто только-что легла и ни малѣйше не бита и знай толкуетъ себѣ «человѣка Сажку.»

Вотъ-же, какъ это все дѣлается, и аспидову Явдоху бьютъ, пролѣзъ сквозь обступившій Явдоху народъ Демко Швандюра, старъ-человѣкъ и не простой. Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, покачалъ головою и говоритъ: «А что это вамъ за игрушка досталася? Или это пану сотнику знать скучно стало, такъ вы его забавляете, какъ малое дитя, что розгами порете какъ будто кого порядочнаго, а не больше какъ вербовую колоду?»

— Какъ колоду? Что онъ это говоритъ? Гдѣ тамъ колоду бьютъ?—загудѣла громада и разспрашиваетъ съ удивленіемъ.

«Гдѣ колода? Не видите! Смотрите же» сказалъ Швандюра, да и повелъ рукою по народу противъ солнца.... Такъ что же?... Удивленіе да и полно!... Тогда всѣ увидѣли, что лежитъ толстая вербовая колода, перепутана веревками, и на ней сидятъ четыре пресильныхъ хлопца и держатъ ее какъ можно, чтобъ не вертѣлась: а четыре бьютъ ту колоду изо всей силы добрыми розгами, какъ будто кого порядочнаго. А подлѣ той колоды лежитъ сама

по себѣ Явдоха Зубиха и не связана и хохочетъ, глядя, какъ хлопочутъ люди вмѣсто нея надъ колодою. Такъ скажете, что и не удивленіе? Это она, какъ ее клали сѣчь, такъ она рукою повела, да на всѣхъ, кто тутъ былъ, *напустила мару* (обморочила); а Демко съ свѣжими глазами пришелъ и увидѣлъ, что творится, и какъ кое-что зналъ и умѣлъ противъ чего что-нибудь сдѣлать, то онъ и отвелъ *мару* отъ людей. Вотъ тогда только увидѣли, что били не Явдоху, а вербовую колодку....

«Кихъ-кихъ-кихъ-кихъ!» захохоталъ народъ. Уже кто, нашъ панъ писарь что сердился крѣпко; а тутъ и самъ разхохотался, какъ увидѣлъ такую комедію. А что же будешь дѣлать? Извѣстно, что противъ насланнаго ничего не сдѣлаешь, когда не умѣешь отвести. Ну, посмѣявшись, принялись совѣтоваться, что съ Явдохою дѣлать? Тотъ говоритъ одно, другой другое, а Демко Швандюра, тотъ хорошо научилъ: «Таки — говоритъ — ничего не думайте, а положивши высѣките ее порядочно, пока возвратитъ дожди да рóсы, которые, я знаю, что у нея въ поставцахъ, да на полкахъ. Когда же наведетъ опять *мару*, то я отведу. Хоть она и вѣдьма, да и мы, хоть и не все, а чтó нибудь-таки знаемъ. Пускай она и природная вѣдьма *, а я только ученый, да нужды нѣтъ. Увидимъ!»

* Природная вѣдьма злѣе и знающѣе ученой.

«Такъ восклоните же ее паки! закричалъ Григорьичь, и сотворите ей школярскую сѣкуцію, яко же во оное время и намъ по субботамъ твориша....» Еще и не договорилъ, а хлопцы уже и бросились: распоясали, положили, сѣкутъ.... Уже нашей Явдохѣ не до сказокъ! Уже у нея и у самой на спинѣ.... заплатокъ семьдесять, какъ у человѣка Сажки.... Молчала-молчала, хотѣла оттерпѣться.... такъ еще не родился тотъ человѣкъ, кто бы стерпѣлъ подъ розгами!.... Потомъ какъ завизжитъ, завоетъ.... а потомъ какъ начала кричать: «Не буду до суду, до вѣку.... батюшки-голубчики!... пустите, пустите!... Ворочу и дожди, ворочу и рòсы... Буду тебѣ, панъ сотникъ.... и тебѣ, Григорьичь.... въ великой пригодѣ.... только пустите!....

«Полно!» повелъ Никита Власовичь громкимъ голосомъ и важно. А Пистрякъ все свое: «усугубляйте паче и паче!» Хлопцы не знаютъ кого слушать: половина бьетъ, а другая ожидаетъ....

— А чтобъ васъ, панъ сотникъ! такъ заворчалъ на него Григорьичь. Еще-было подобало упятерить за таковое злодѣяніе.... Это она мнѣ сдѣлала, что я послѣ перепою химеры погналъ. Вотъ какое злодѣяніе!....—

«Але! злодѣяніе!» сказалъ панъ Забрёха. «Тебѣ бы только злодѣянія и дѣлатъ. Тутъ только трихи

да мнихи (ни сё, ни то), а уже обѣдать пора. Еще будетъ ли послѣ такой жарёхи дождь или нѣтъ, кто его знастъ; а что мы голодуемъ, такъ это вѣрно. А что намъ баба съ-сердцовъ сдѣлаетъ какую пакость, такъ и того бояться надо. Вели-ка оставить Явдоху, пускай отдохнетъ послѣ такой бани. Мы еще доберемся къ ней. Пойдемъ, Прокопъ Григорьичь, ко мнѣ. У меня знатный борщъ. А послѣ обѣда разскажу тебѣ, какую мнѣ третьягодня обиду сдѣлали въ Безверхомъ хуторѣ. Ты еще этаго не знаешь.» Сказалъ это панъ Власовичь и пошелъ домой.

Прокопъ Григорьичь нашъ остался и стоитъ какъ обвареный. Взяли его думки, какую тамъ обиду въ Безверхомъ хуторѣ сдѣлали пану сотнику? Думалъ-думалъ — а Явдоху между-тѣмъ знай сѣкутъ—послѣ поднялъ къ верху палецъ и говоритъ: «Догадался! Э, э, э, э! Этаго мнѣ и нужно было. А оставьте, хлопцы, бѣдную бабу напрасно мучить. Панъ сотникъ велѣлъ-было пороть ее до-вечера, но я ее помилую.»

Подняли Явдоху, и едва-едва живую поташили ее домой. Народъ такъ и заклекоталъ за нею, все кричавши: «Вѣдьма, вѣдьма! Покрала съ неба дожди!» А Григорьичь идетъ-себѣ, да что-то думаетъ, а потомъ и говоритъ: «Такой мнѣ и нужно! Поддобрюсь къ ней; она поможетъ его утопить, а мнѣ вынырнуть съ писарьства на панство....» Да и пошелъ къ Никитѣ Власовичу обѣдать.

VI.

Смутная и невеселая ходила по своей хатѣ, проводивши кого-то отъ себя и затворяя дверь, Конотопская вѣдьма, Явдоха Зубиха, послѣ бани, что дали ей близъ пруда, при всей громадѣ, за колдовство. Кто же то былъ у нея тогда, какъ всякъ отъ нея удалялся, видя, что она есть природная вѣдьма, что и въ водѣ съ каменьями не утонетъ, и дожди съ неба крадетъ, и мару на людей насылаетъ? Але! кто? не кто, какъ нашъ Прокопъ Григорьичь Пистрякъ, Конотопскій панъ писарь. Онъ-то, услышавши отъ па на сотника Власовича, что́ было ему въ Безверхомъ хуторѣ отъ панночки Олены, онъ тотчасъ взялъ въ мысль, какъ бы-то ему своего сотника совсѣмъ съѣсть. И вотъ отъ обѣда пришелъ къ Явдохѣ, принесъ ей всякихъ гостинцевъ и помирился съ нею, что будто это не онъ самъ велѣлъ ее и топить и сѣчь, а что это самъ панъ сотникъ выдумалъ, и что будто хотѣлъ онъ ее до-вечера пороть, а онъ уже взялъ на свою голову; и сталъ ее пристально просить, что какъ бы того пана Никиту совсѣмъ въ дураки пошить. Что онъ вотъ сего же вечера придетъ ее просить, чтобъ Явдоха такъ сдѣлала, чтобъ Осиповна его полюбила и за него за-мужъ пошла; а какъ онъ поддастся въ колдовство, такъ тутъ его и ввести въ дураки, чтобъ и сотничества отрекся, а на мѣсто его поставить сотникомъ его Пистряка; и обѣщался, что

тогда Явдохѣ своя воля будетъ колдовать, какъ и сколько захочетъ.

Лукавая Явдоха какъ будто и поддалася. Подарки забрала и обѣщала сдѣлать все, чего желалъ Григорьичь — и вотъ это проводила его изъ хаты. Послѣ того долго она ходила по хатѣ, да что-то думала. Ужъ ей-то и сѣсть хочется, такъ не можетъ.... такъ-то усердно ее наказали! Она лежала и на печкѣ и на лавкѣ, такъ не можетъ лежать долго, потому-что только и можно ей животомъ прилечь, а на спинѣ или бокомъ и не думай; такъ ее исписали вездѣ.

Ходитъ по хатѣ, ходитъ да и посматриваетъ на свои кувшины, горшечки, баночки, въ конхъ со всякаго звѣря и со всякой гадины есть молоко, которое она съ нихъ надоила, превращаясь до каждой матки въ разные виды, чтобъ не пугались и давалися доиться. А всѣ тѣ кувшины, горшки, горшечки, баночки стояли, то на полкѣ, пные въ поставцѣ, были и за печкою и въ самой печи, которое уже поставлено на сметану, а которое стояло еще подъ лавкою. Подъ ея примосткою для спанья лежали всякія травы и коренья: мята, заря, терличь, папороть, собачье мыло, дурманъ, всякіе репьи, курячая слѣпота, да и много кое-чего. На примосткѣ на подушкахъ лежалъ сѣрый котъ да усатый; и только ему дѣла, что ѣлъ и спалъ; да когда что-было надумаетъ, такъ тотчасъ

къ своей хозяйкѣ и отзовется: мяу, мяу! а она усмѣхнется да и скажетъ: «такъ-таки, котусю, такъ!» А когда она что надумаетъ, то и спрашиваетъ его: «такъ-ли, котусю?» То котъ къ ней: мяу, мяу! Эге! и понимали одинъ однаго, что говорили. Больше никакаго хозяйства не было, да и начто ей? Чего пожелаетъ; то ночью превратится, собакою ли, мышью, или лягушкою, или рыбою; и чего ей надо, всего достанетъ и есть у нея.

Такъ она-то тоскуя ходила по своей хатѣ, и поглядая на собранное ею, говорила сама съ собою: «есть всякое; не пойду къ людямъ занимать.» Потомъ глянула на дверь, что только ее затворила, проводивши кого-то, и говоритъ: «Приводи только скорѣе проклятаго сотника; я ему отплачу. Я бы и тебѣ, Григорьичь, пустила фука, да пусть еще послѣ; теперь ты мнѣ прислуживай, а какъ съѣмъ аспидоваго Забрёху, тогда примусь и за тебя, Пистрякъ! Хорошо, что вотъ это ты мнѣ разсказалъ про Забрёху, да про Олену; вотъ я его женю.... достанется и тебѣ, что меня такъ отпотчивалъ, что и сѣсть не могу, и насмѣхались надо мною, и при парубкахъ порвали на мнѣ и плахту.... и сорочку, и пазуху разорвали, и очипокъ съ головы сбили, и я волосомъ свѣтила.... да били меня!... о да и били же меня!... охъ, били же меня, били, били, били.... что ни сѣсть, ни лечь не можно; а всему виною вотъ тотъ Швандюра, что снялъ съ людей мару....»

Вотъ такъ она и долго сама съ собою разговаривала, пока въ хатѣ стало совсѣмъ темно такъ, что хоть глазъ выколи.... Какъ вотъ на улицѣ залаяли собаки; она и говоритъ: «А ну, котусю, открой свои глазки и посвѣти, не они ли это идутъ? Котъ какъ разжмурилъ глаза, какъ глянетъ ими, такъ-какъ жаръ засіяли; и Явдоха и видитъ, что идетъ Никита Власовичь Забрёха, Конотопскій панъ сотникъ, а за нимъ писарь его Прокопъ Григорьичь, панъ Пистрякъ, и что-то въ рукахъ и подъ плечомъ что-то несутъ. Вотъ она скорѣе бросилась, достала каганецъ, поднесла къ коту, потерла его противъ шерсти, такъ искры съ него и посыпались, а она засвѣтила каганецъ, поставила на столъ, и сама полѣзла подъ столъ чего-то доставать.

Какъ вотъ.... рыпъ! въ дверь, и вошли панъ съ писаремъ, шапки съ палочками поставили у дверей, а сами стали осматриваться, и панъ Забрёха говоритъ: «свѣтло горитъ, а ее видно и дома нѣтъ.»

— Какъ-то ужъ нѣтъ! отозвалася Зубиха, вылазя изъ-подъ передняго угла и таща превеличайшій горшокъ, тряпицею завязанный. Вотъ гдѣ я была, вотъ это доставала горшокъ съ тучами, что-было на тридевять лѣтъ запрятала ихъ; такъ вотъ-же Конотопскій сотникъ принудилъ меня выпустить тучи и дожди отпустить.—

Да уже, титусю, полно объ этомъ; поклонился панъ Забрёха и сталъ гостинецъ доставать; вотъ тебѣ платочекъ, что мнѣ поповна вышила и подарила; такъ вотъ это кланяюсь вамъ; а вотъ это еще цѣлехонькая полтина денегъ; только будь ласкава, тётушка, не сердись на меня и извини.... что такъ.... съ тобою приключилось... тое-то... какъ-то нечаянно....

—Какъ нечаянно? даже запищала крикнувши Явдоха: какъ нечаянно? Когда бъ тебѣ кто такъ рожу списалъ... то бы не то тогда сказалъ. Не хочу твоихъ подарковъ. Цуръ тебѣ, пекъ тебѣ; убирайся съ ними! Не мѣшай, иду дождь выпускать; а то опять пеня будетъ, и завтра меня снова такъ выпорютъ, что сегодня не смогу сидѣть, а завтра уже и стоять не буду. Пустите меня, пойду дождь выпускать. —

«Титочко, матиночко! Даже въ ноги повалился сердечный Никита Власовичь, да костливыя, вѣдёмскія руки цалуетъ, да проситъ: Не буду тебя больше безпокоить; да и что мнѣ за дѣло, что нѣтъ дождя? Вотъ еще! Я здѣсь есть сотникъ, голоду терпѣть не буду; тотъ придетъ съ хлѣбомъ, тотъ съ булкою, тотъ калачомъ, а иной и мѣшокъ муки принесетъ; лишь бы только ссорились, да позывались, то для насъ, старшинъ, и дождь не нуженъ. Хоть бы ты ихъ, титусю, и по вѣкъ держала у себя. Вотъ моей бѣдѣ помоги! Извольте-ка, пожалуйте,

вотъ штофъ грушовки, вотъ полсотни рыбы тарани, она была свѣжая весною: вотъ и серпаночекъ повязывать вашу головку.... только, сдѣлайте милость, пособите моей бѣдѣ, про которую вамъ разскажу....»

— Знаю, знаю про твою бѣду; какую тебѣ знатную печеную тыкву поднесла Осиповна Олена, что на Безверхомъ хуторѣ, и какъ ты послѣ того насилу на другой день опомнился. Все знаю.

Удивился крѣпко панъ Забрёха, что откуда это она все знаетъ, какъ-будто тамъ была! И сталъ еще сильнѣе просить, чтобы она уже не сердилась и заступилась за него.

«А что же я буду дѣлать?» спрашиваетъ Явдоха: «Не идетъ за тебя хорунжевна, такъ мнѣ какое дѣло? Не идетъ, такъ ищи другой.»

— Да гдѣ ее у аспида искать? вздохнувши сказалъ Власовичь: одно то, что не придумаю; а другое, что право не хочу, потому-что смертельно полюбилъ Осиповну Олену; такъ хоть бы и судьивна, или хотя и полковниковна, такъ я и не посмотрю на нихъ, потому-что полюбилъ Олену всѣмъ тѣломъ и душею, и сердцемъ, и вижу самъ, что когда ея не достану, то либо утоплюсь, или удавлюсь, или пойду куда глаза!... Помоги, пани-матушечко!... Да чибурахъ ей

въ ноги, и даже плачетъ и проситъ, чтобъ не довела его пропасть не своею смертью, да чтобы какъ-нибудь приворожила, чтобъ она за него захотѣла выти. . . . .

«Да какъ и пойти за тебя такой дѣвушкѣ?» опять говоритъ Явдоха. «Она дѣвка-козырь, убранствомъ ли, наружностью, такъ совсѣмъ дѣвка! а имѣнія и денегъ пропасть! А ты что? Куда ты годишься?»

— Да нужды нѣтъ, титочко, матинко, нужды нѣтъ! Пускай я и скверный, и мерзкій, и всякой; а ты-таки такъ сдѣлай, чтобъ она меня полюбила, да чтобъ за меня замужъ пошла. Что полтина, такъ полтина, вотъ это на столѣ лежитъ, а вотъ сорокъ алтынъ, да еще. . . .

«Нѣтъ!» сказала Явдоха и отодвинула отъ себя деньги: мнѣ этихъ камушковъ не надо; начто мнѣ они? У меня все есть; а чего пожелаю, всего достану. Когда же такъ пристально просишь, то и змилуюсь надъ тобою, только сдѣлай мнѣ вотъ что...»

— Что прикажешь, пани-маточко, все сдѣлаю. Велишь ли Конотопъ зажечь, такъ съ-разу съ четырехъ концовъ и запалю; или велишь ли всѣхъ Конотопскихъ дѣтей, которыхъ вы, вѣдьмы, не любите, такъ всѣхъ въ одинъ день, всѣхъ до единаго и растерзаю. . . .

«Это все хорошо; но мнѣ теперь вотъ-что нужно. Возьми ты вотъ сыча того Швандюру, что снялъ мару съ людей, что-было я наслала, какъ мнѣ сѣкуцію давали; такъ возьми его подъ арестъ, будто онъ или проворовался, или тебя бранилъ, или, что хочешь налги на него и взведи бѣду, да и оббери у него все имѣніе, потому-что онъ-себѣ богатенекъ; да чтобъ на тебя родня его не ворчала, такъ ты это все отдай пану писарю....»

—Благое дѣло и мудрое рѣшеніе, пани Зубиха. Ей, истинно! И въ коллегіи такъ бы не рѣшили, сказалъ панъ Пистрякъ, сидя-себѣ на лавкѣ у окна.

А Явдоха и говоритъ: «потому-что ему спротѣ негдѣ взять, только-что такимъ образомъ пользоваться; а Швандюру возьми и выгони изъ села, чтобъ его и духъ здѣсь не пахъ. Вотъ, когда это сдѣлаешь, то и я тебѣ....»

— Мурлу, мяу! мяу! отозвался вѣдёмскій котъ; а Зубиха спохватилась и говоритъ:

«Э, нѣтъ, еще-еще; слушай еще. Домахина невѣстка Фенна Зозулиха... не можно мнѣ подлѣ ея хаты итти, такъ и попрекаетъ мнѣ про то полотно, что у нея съ огорода пропало, да какъ-то... очутилось у меня въ сундукѣ; такъ она меня воровкою называетъ и

всякія прикладки прикладываетъ. Такъ нельзя ли ее, обрѣзавши на ней платье, изъ села выгнать?»

— Для чего не можно? Только скажи, все сдѣлаю. Такъ говорилъ панъ Власовичь, ставъ повеселѣе, что вѣдьма стала уже къ нему добрѣе.

«Вотъ это все когда сдѣлаешь, то и я....»

— Мурлу, мурлу! мяу, мяу! замурлыкалъ опять котъ, и Зубиха стала вновь договариваться и говоритъ:

«Да еще вотъ въ чемъ пожалуюсь. Демко Сѣрошапка покою мнѣ не даетъ: третьягодня хвалился, что моего кота убьетъ; какъ его ни буду беречь, а онъ-таки убьетъ. Такъ его-то, панъ сотникъ, проучи, да проучи....

— Да проучу же, титусю, такъ-что до новыхъ вѣниковъ будетъ помнить, только сдѣлай и мое дѣло.... Такъ крѣпко просилъ ее панъ Забрёха, и чего-то уже онъ ни обѣщевалъ ей сдѣлать, лишь бы она такъ устроила, чтобъ хорунжевна за него вышла.

«Ну, хорошо же, сынокъ; когда такъ, то и такъ. Будетъ за тобою бѣгать хорунжевна Олена и ночи не спать, какъ и ты за нею. Кицъ, кицъ, кицъ, кицъ!»

— Мурлу, мяу, мурлу!

«Хорошо же, сказала Явдоха; а иди, панъ Власовичь, со мною изъ хаты, да и ступи съ порога на песокъ лѣвою ногою, чтобъ твой слѣдъ означился на пескѣ. Вотъ и вывела его изъ хаты и слѣдъ собрала въ платокъ и завязала; потомъ, воротясь въ хату, посадила его на лавкѣ у конца стола, а Григорьичу велѣла присвѣчивать; а сама, взявши пана Забрёху за лѣвый усъ, и начала отдѣлять волоски. Защепитъ ногтемъ волосъ, да и считаетъ: одинъ, два, три... да какъ отберетъ девять волосковъ, да девятый вырветъ совсѣмъ.... Панъ сотникъ кричитъ, панъ писарь хохочетъ, Явдоха Зубиха что-то шепчетъ да сплевываетъ, а котъ мяучитъ на всю хату...

Вотъ такъ-то у бѣднаго Никиты Власовича вѣдьма вырывала девятый волосъ съ лѣваго уса и нарвала всѣхъ ихъ восемь, достала лоскутокъ бумажки и завернула туда тѣ волоса; а панъ Забрёха, утерши слезы, что такъ и текли у него отъ дерганія, сталъ спрашивать вѣдьму, что когда уже совсѣмъ поворожила, то онъ бы и домой пошелъ?

«Иди, сынокъ, здоровъ домой, да ложись спать, да и ожидай отъ хорунжевны извѣстія, чтобъ присылалъ за рушниками....»

Панъ Власовичь, это услышавши, да за шапку, да изъ хаты, да не оглядываясь домой... Побѣжалъ

сердечный, недождавшись и писаря своего; а тотъ остался у вѣдьмы и что-то долго съ нею разговаривалъ и котъ съ ними мурныкалъ... А какъ выходилъ панъ Пистрякъ съ Явдохиной хаты, такъ слышно было что говорилъ: « и се все блàгонамѣренно устроивше, гряду въ свою палестину. Прощайте!»

«Идите здоровы!» сказала Явдоха, затворяя дверь послѣ него и отозвалась къ коту: кицъ, кицъ, кицъ, кицъ!

— Мурлу, мяу, мурлу!

Вотъ она взявши сняла съ головы очипокъ, сѣдую, какъ молоко, косу распустила, надѣла бѣлую сорочку, и безъ пояса, и плахты не подвязала, такъ и стала ходить по хатѣ, да шептать всякое колдовство, да во всякомъ углѣ три раза сплюнула; послѣ взяла букъ, да и положила его среди избы и начала что-то вновь по-вѣдёмски бормотать; потомъ взяла изъ горшечка какой-то воды, да все бормоча, спрыснула тою водою себя и букъ въ серединѣ. . . . А котъ, что есть духу, мяучитъ и даже на лапы сталъ, вытянулся и засвѣтилъ глазами еще ярче, чѣмъ огонь въ каганцѣ пылалъ.... Тутъ Явдоха скорѣе въ букъ полѣзла... а какъ вылѣзла, такъ стала дѣвкою.... Да и дѣвка-же знатная! И молода, и красива, и черноволоса.

Вотъ какъ переродилась наша вѣдьма, взяла лягушечей сметаны да кобыльяго сыра, головокъ отъ тарани и сложила на тарелку, поставила передъ своего котика, и говоритъ: «Когда, котусь, захочешь безъ меня ѣсть, такъ вотъ тебѣ лакомства. Не скучай безъ меня, пока я ворочусь.» А сама, взявши пять дойницъ, потушила огонь, вышла изъ хаты доить кого ей нужно было.

Только-таки что другіе пѣтухи крикнули, тутъ Явдоха, что есть духу, вскочила въ хату и упала замертво. А какъ отдохнула и встала... такъ опять стала старою бабою, какъ и была. Тотчасъ бросилась къ своему коту и разсказываетъ какъ будто человѣку: «Котуся, киценька! Не скучалъ ли ты безъ меня? Я не много замѣшкалась: пока пообдоила всѣхъ коровъ, овечекъ, а тутъ мнѣ еще понадобилось щучьяго молока на одно дѣло; бросилась къ пруду, да пока вражью щуку остановила, пока ее заговорила, чтобы далася здоить, какъ и крикнулъ первый пѣтухъ. Хотя онъ намъ и не страшенъ, но все-таки нужно было поспѣшать, чтобъ не засталъ на дѣлѣ другой; тогда бы такъ на улицѣ и протянулась бы!....

А котъ знай хвостомъ машетъ, да усами помаргиваетъ, да крячитъ изо всей мочи; такъ-то обрадовался, что воротилась хозяйка.

Она ему поставила еще всякаго молока и сметаны, и начала хлопотать, то мѣшаетъ, то варитъ на

колдовство, какъ вотъ и свѣтъ!... Тутъ, не много спустя, и пришла къ ней женщина, вся голова обвязана, и идетъ и охаетъ, и пришла охаетъ, и сѣла—все охаетъ.

«А откуда ты, молодица?» спросила ее Явдоха.

— Я издалека — говоритъ молодая охаючи: когда знаете хуторъ, что на сухой балкѣ, называется Безверхій.... охъ!... —

Явдоха мигнула на кота, да и говоритъ: «Нѣтъ, не слышала, и отроду не была, и не знаю, кто тамъ живетъ.... Ты же чего ко мнѣ пришла?»

— Да не вамъ говоря, прикинулась бешиха (рожа), все лицо мнѣ раздуло.... охъ!.. Такъ вотъ это люди наставили меня, чтобы къ вамъ итти.... Сдѣлайте милость, титусю, дѣлайте, что знаете, только помогите, чтобъ я сегодня еще поспѣла къ своей панночкѣ, хорунжевнѣ, Осиповнѣ Оленѣ.... Да это говоря, положила на столъ булочку, пять яичекъ и грошъ денегъ.

Зубиха тотчасъ и бросилась: положила на полу ножъ и велѣла молодицѣ стать на немъ босою ногою, противной больной щекѣ, а сама достала въ черепокъ жару и положила туда кусокъ восковой свѣчи, да ладану. А

молодицу такъ закутала, чтобы весь дымъ никуда болѣе не шелъ, какъ на нее; а сама знай шепчетъ, да сплевываетъ, да дуетъ на жаръ, а котъ мяучитъ изо всей силы. Вотъ куритъ, да куритъ, какъ тутъ молодица.... гопъ! и упала на полъ, словно не живая. Зубиха ей помогла, привела въ чувство и посадила на лавкѣ, да и говоритъ: «Не тужи теперь; присохнетъ какъ на собакѣ. Это тебѣ съ глазу; какой-то чернобровой молодецъ на тебя смотрѣлъ и завидовалъ....»

— Такъ и есть! Это-же нашъ панычъ! сказала молодица; онъ только и сказалъ: что за красивая молодица! А я такъ и сгорѣла! да отъ того часа такъ меня и взяло.....

Тутъ Явдоха и начала ее разспрашивать... о чемъ ей нужно было.... а потомъ проводила изъ хаты, и говоритъ: «Вотъ теперь хорошо! Теперь все знаю, что мнѣ нужно!.....»

VII.

Смутная и невеселая сидѣла на присьбѣ у своей хаты панночка Осиповна Олена хорунжевна на своемъ Безверхомъ хуторѣ, что на сухой балкѣ; и бѣлыми ручками гладила голову братцу своему, панычу хорунженку. Онъ сердечный въ тотъ день съ пріятелемъ, заѣзжавшимъ къ нему, поѣвши за обѣдомъ

знатно варениковъ, да карасей въ сметанѣ жареныхъ, да запивши сывороткою послѣ сбою масла, вытянули сами по себѣ по кувшину терновки, а вишневкою на дорогу запили, а передъ вечеромъ панычь уписалъ самъ-себѣ уже пять мандрыкъ,* да горшечикъ грибковъ, въ маслѣ и сметанѣ приготовленныхъ, которые очень любилъ; такъ его, кто знаетъ и отъ чего, схватило.... Вотъ онъ прилегъ къ сестрицѣ на колѣна, да какъ та гладила его по головѣ, такъ онъ и заснулъ. Тутъ пришли съ поля и коровы и овечки; вотъ ихъ тутъ подлѣ панночки и доятъ, и молоко въ кувшины собираютъ.... а она и не занимается ничѣмъ: ей какъ будто ни до чего и дѣла нѣтъ! Забыла смотрѣть на собираемое молоко, забыла братцу голову гладить, только у нея на мысли что.....

Только-что хотѣлъ-было разсказать, о чемъ наша хорунжевна думала, и отъ чего была смутная и невеселая, какъ вотъ пришла къ ней бабуся, такая старенькая, такая старенькая, что на превеликую силу идетъ. Вотъ подошла къ ней, да и говоритъ: «Дай Боже вамъ, панночка, вечеръ добрый! Помогай вамъ Богъ во всемъ!»

Даже вздрогнула Осиповна, не видавъ, откуда она взялась и какъ передъ ней стала. Потомъ не много

* Къ Петрову дню приготовляютъ *мандрыки*, лепешки изъ творогу, сметаны и проч.

оправившись и говоритъ: «Здравствуй, бабуся! а откуда тебя Богъ принесъ?»

— Да я такъ-себѣ.... Я и издалека, и не издалека; я и здѣшняя, я и совсѣмъ не отсюда. Я ни чего не знаю и все знаю; и кто по комъ тужитъ, я знаю и не знаю; и что сдѣлать, я умѣю и не умѣю. —

«Ахъ, бабуся, да ты не простая?» спрашиваетъ Олена.

— Да простехонькая, видишь! Не вашего, панскаго рода, я простая-себѣ старая баба; не знаю ни чьей печали, не знаю, кто, сидя на присьбѣ, тужитъ объ Демьянѣ, что пошелъ въ походъ съ казаками; я-таки и того не знаю, кто подлѣ колодца всю ноченьку съ нимъ просидѣла, и на прощаньѣ сняла съ руки серебряный перстень и отдала съ платочкомъ, что сама всякими шелками вышивала..... —

«Ахъ, мнѣ лихо, бабуся! Да ты все знаешь!... Не шуми же, будь ласкова; братецъ проснется, услышитъ, то будетъ мнѣ смѣяться... Пускай послѣ ужина я тебя позову, то ты у меня переночуешь, да и поговоримъ съ тобою!...»

— Подъ полнъ мѣсяцъ теперь-то и дѣлать, что надо. Пускай братецъ идетъ къ себѣ, разбуди его; а я тебѣ скажу, что надобно дѣлать, да дѣломъ спѣ-

шить. Я нарочно къ тебѣ пошла изъ Кіева послѣ вечерни. —

«Какъ это можно? Съ самаго Кіева? послѣ вечерни? Да этому не можно статься! спрашиваетъ Олена удивляясь: какъ-таки можно отъ Кіева?»

— Конечно, дойти не можно; такъ мы знаемъ, какъ оно дѣлается. Разбуди же братца скорѣе, пускай идетъ къ своему дѣлу; мнѣ нужно скорѣе поспѣшать.

«Да братцу что-то сдѣлалось; чуть ли не съ глазъ. И былъ здоровъ, да какъ пообѣдалъ, а потомъ опять поѣлъ, такъ его и схватило: сонечницы что ли, не дай Богъ!

— Это все съ глазу; да не тужи, я отведу бѣду. Вотъ разбуди братца, а я научу, что съ нимъ дѣлать, то и пройдетъ. —

Олена стала братца будить, который храпѣлъ на весь дворъ, а бабуся приготовляла свое лекарство.

Вотъ панъ хорунженко проснувшись выпилъ то лекарство и пошелъ въ свою хату; а бабуся—плюхъ! — сѣла подлѣ панночки и говоритъ:

«Тужишь, моя кокушечка за своимъ сизымъ голубочкомъ, да ба! нѣтъ его здѣсь; пошелъ далеко, въ самый Черниговъ.»

— Да отчего ты, бабуся, все это знаешь? Кто это тебѣ разсказывалъ, что я тамъ.... печалюсь что-ли... или.... что тамъ такое.... я и не знаю!... — такъ говорила стыдясь Осиповна.

«Ужъ я-то не знаю!» говоритъ бабуся: къ чему же намъ и звѣзды, когда на нихъ не смотрѣть и по нимъ знать все? Гляну съ вечера, гляну и въ полночь, посмотрю и передъ свѣтомъ, да и знаю, гдѣ что дѣлается.»

— Когда же ты знаешь все, гдѣ что дѣлается, то скажи мнѣ, бабуся, что дѣлаетъ теперь....» сказала Олена, да и покраснѣла какъ сукно, и языкъ сталъ какъ войлока кусокъ.

А бабуся прервала ее, да и говоритъ: «Демьянъ?»

— Эге, ге, ге!

«Судденко, Халявскій, Омельяновичь?»

— А тожъ! —

«Вотъ слушай, доня, что онъ дѣлаетъ: вотъ онъ былъ съ казаками на ученьѣ предъ паномъ полковникомъ, да уставши, пришелъ домой, раздѣлся, распоясался, да и легъ горюя объ тебѣ, да и тужитъ, что думаетъ, не скоро тебя увидитъ.»

— И говорятъ-таки, что ихъ не скоро распустятъ. —

«Не тужи. Можетъ, ты его и сего вечера увидишь....»

— Какъ это можно, бабуся, мнѣ его увидѣть, да еще и сего вечера? Онъ не птица, чтобъ ему прилетѣть ко мнѣ. —

«Хоть и не птица, а будетъ здѣсь передъ тобою, вотъ какъ это я. Хочешь ли, чтобы прилетѣлъ?»

— Какъ-то уже, моя голубочка, не хотѣть! Всѣ жилки дрожатъ, что хоть бы увидѣть его.... Сдѣлай милость; пускай онъ прилетитъ ко мнѣ.... да не будетъ ли ему отъ того какой бѣды? —

«Вовсе ничего; онъ на то казакъ.»

— Призови же его, пани-маточка, хоть на часочекъ, хоть на минуточку! Хоть бы я взглянула на него! Что знаешь, то и дѣлай; я ничего не пожалѣю. Все тутъ мое, дамъ тебѣ всего, чего пожелаешь.....»

«Хорошо же, доня, хорошо. Пойдемъ свое дѣлать.»

Вотъ и вошли въ большую хату, заперли двери и окна, а уже и солнышко садилось. Панночка затопила печь, сама сходила за водою, а шла, по бабушкиному приказанію, къ колодцу не прямо, а обходила улицами противъ солнца. Пришла къ колодцу, набрала ведро воды, да и вышла на восходъ солнца; другое набрала, и вышла на захожденіе солнца; а третье зачерпнувши, что есть мочи, не оглядываясь, понесла и опять не прямо, а улицами по солнцу.

Вотъ какъ принесла, и поставила къ огню горшечикъ съ водою; а бабуся вынула изъ-за пазухи травы: зорю, терличу... а больше не скажу что, чтобы кто изъ дѣвушекъ не научился ворожить, да заставлять своихъ любезныхъ прилетать къ себѣ.... Этаго всего вложила по щепоткѣ въ тотъ горщечикъ и начала варить; сама-же взяла муки пшеничной, замѣсила тѣста, и вынувъ изъ своей мошонки въ бумажкѣ кошечьяго мозгу, отковырнула пальцемъ и положила въ тѣсто. Потомъ достала у себя изъ платка, въ коемъ былъ завязанъ слѣдъ пана Забрёхи; она его раздѣлила по поламъ, и одну часть вложила въ тоже тѣсто, замѣсила и скатала лепешкою, посадила въ печь — и все съ приговорками: а хорунжевнѣ велѣла сидѣть на примосткѣ, гдѣ она ночуетъ, и ноги подвернуть подъ себя; не пугаться, и что увидитъ, не бояться ничего, и все думать про своего милаго.

Вотъ какъ лепешка спеклась, она и дала ее Оленѣ съѣсть въ три раза, запивая особо нашептанною водою. А между-тѣмъ и травы въ горшечкѣ начали кипѣть. Бабуся, подтвердивши Осиповнѣ, чтобы ничего не пугалась, взяла другую часть слѣда Власовичаго, вложила въ кипящій горшечикъ и начала мѣшать, а сама въ печь почти влѣзла и изо всей мочи кричитъ: «Терличь-терличь! десятерыхъ прикличь; изъ десятерыхъ девять, изъ девяти восемь, изъ восьми семь, изъ семи шесть, изъ шести пять, изъ пяти четырехъ, изъ четырехъ трехъ, изъ троихъ двухъ, изъ двухъ однаго да добраго — и примолвила шепотомъ, чтобъ хорунжевна не слыхала: пана сотника Конотопскаго, Забрёху Власовича Никиту. А кто ждетъ да дожидаетъ, такъ пускай-себѣ дремаетъ.» И дунула на Олену; а та, ни съ чего, ни съ того, и стала дремать.

Опять вражья баба стала горшокъ мѣшать и опять въ печь кричитъ тѣ же рѣчи: «Терличь-терличь! десятерыхъ прикличь.... и договорила на однаго, все-таки пана Власовича; послѣ и договорила: «а кто сидитъ да ждетъ, тотъ пусть-себѣ заснетъ.» Тутъ опять дунула на хорунжевну; а она сердечная и заснула совсѣмъ!....

Начала бабуся въ третій разъ мѣшать травы, и уже что есть духу кричитъ въ трубу: «Терличь!» и какъ договорила до однаго, такъ даже завизжала изо

всей силы, зовя пана Власовича; а на хорунжевну дунула и сказала: «а кто спитъ да сопитъ, такъ пускай и захрапитъ.» А отъ этаго панна Осиповна — бухъ! — на подушки и захрапѣла на всю хату.... А тутъ что-то изъ сѣней въ хатнюю дверь— гопъ! какъ камнемъ — и стонетъ, и что-то мурлычетъ, и охаетъ.... Послѣ увидимъ, что̀ это тамъ было.....

VIII.

Смутенъ и невеселъ стоялъ, руки сложа, храброй Конотопской сотни панъ сотникъ Власовичь, Никита Забрёха, въ славномъ сотенномъ мѣстечкѣ Конотопѣ, на улицѣ, подлѣ шинка, гдѣ всегда собиралась сотня, на ученье ли, или къ счоту казаковъ, что не ушелъ ли который казакъ, какъ бываетъ. Стоитъ онъ, сердечный, руки сложилъ, голову потупилъ, словно волъ передъ ярмомъ; а казаки всѣ начисто, какъ стекло, передъ нимъ стѣною стоятъ, шапки сложивши на присьбѣ у шинка, чтобы, какъ будетъ какое ученье, такъ чтобъ не спали съ головъ; а дѣти, что тутъ такъ и бѣгаютъ вокругъ казачества, чтобъ не подобрали, да не запрятали куда далеко.

Такъ вотъ-то стоятъ казаки и ожидаютъ, что съ ними будутъ дѣлать и какой приказъ будетъ; а до того кое-что промежду собою балагурятъ, какъ во-

да на спускѣ шумитъ, даже эхо раздается; и вынувши изъ-за голенищей, кто рожокъ съ табакомъ, нюхаютъ, да чихаютъ; а кто трубку, тутъ же зажегши, покуриваютъ.

Панъ Забрёха этимъ ничѣмъ не уважаетъ, и не видитъ, и не слышитъ, что подлѣ него дѣлается. Ему кажется, что онъ все еще слушаетъ, что читалъ ему панъ писарь Конотопской сотни Прокопъ Григорьичь Пистрякъ. А этотъ, давно прочитавъ что надобно, сложивши бумагу, кладетъ въ карманъ.... Какъ вотъ панъ Власовичь вздохнулъ тяжело, и громко, словно кузнечій мѣхъ, спрашиваетъ писаря:

«Сдѣлай милость, пріятель, Григорьичь! разскажи мнѣ словами, что ты тамъ въ репортѣ читалъ? Ты знаешь, что я ничего письменнаго не разжую, хоть и въ школѣ учился и «вѣрую» началъ-было учить; да на «же за ны» какъ остановился и не могъ далѣе итти, да и бросилъ грамоту. Такъ ты мнѣ не читай, а разскажи, что это за репортъ принесъ казакъ изъ Чернигова? Вѣдь же мы послали репортъ, что въ походъ не пойдемъ, хоть они намъ колъ на головѣ пускай рубятъ; намъ некогда, другое дѣло зашло; такъ чего же они умничаютъ?»

— Вся спирра Черниговская безумію вдадеся! началъ говорить, прокашлявшись, панъ Пистрякъ: восписуютъ предписаніе и бранятъ васъ, панъ со-

тникъ и меня — гмъ, гмъ! — возсозываютъ, извините въ этомъ словѣ «дурнями,» занеже мы возгнушалися ихъ повелѣваніемъ и не направихомъ стопы наша до Чернигова.» —

«Догадался, хоть черезъ десятое, пятое понялъ, что ты панъ писарь говоришь. Такъ это намъ все-таки собираться въ Черниговъ?»

— Не иначе, какъ обаче — сказалъ Григорьичь мигнувъ усомъ.

«Такъ лихорадка же имъ! Вотъ имъ кулакъ подъ носъ!» Да сложивши пальцы и сталъ вертѣть. Вертѣлъ – вертѣлъ, да на Черниговъ и тычетъ и всё прицмокиваетъ; а потомъ какъ крикнетъ: «Не пойду! Я имъ послалъ черезъ хромаго репортъ, что намъ некогда.»

А панъ Пистрякъ и говоритъ: Да нашъ хромой еще не дойде и до половины пути. Не возмущайтесь, панъ сотникъ! мы не пзыдемъ, дондеже не получимъ отвѣтствованія на наше сомнительство.

«Такъ-таки, Григорьичь, не пойдемъ. Видишь, какъ я умно выдумалъ? Не пойдемъ, да и не пойдемъ. Ну, хлопцы! Солнышко садится, ступайте ужинать; а завтра, чѣмъ свѣтъ, съ косами косить мнѣ. Пойдемъ-ка, панъ писарь, ко мнѣ ужинать. У

меня будутъ знатные вареники и яичница.... Ой бѣда! Ой, помогите!... Ой, горе! началъ панъ Власовичь не своимъ голосомъ ужасно кричать, да за бока хвататься.... Панъ Пистрякъ и казачество бросились къ нему узнать, что ему сдѣлалось? какъ онъ.... шарахъ!... поднялся въ верхъ и полетѣлъ какъ птица, все-таки крича, что есть мочи!...

Какъ же ужаснулись всѣ люди въ славномъ сотенномъ мѣстечкѣ Конотопѣ, какъ увидѣли, что ихъ прехраброй сотни панъ сотникъ, Никита Власовичь Забрёха, поднялся подъ самыя небеса, и безъ крылъ, да летитъ какъ лучшая птица! И женщины, и мущины, и малыя дѣти, да что? и старые повылазили изъ своихъ хатъ смотрѣть на такую невидальщину; и всѣ же до единаго закинули головы назадъ, глядятъ, какъ панъ Забрёха, какъ птица какая заморская, летитъ по-подъ небесами: руками машетъ словно крыльями, черкеска у него раздувается, ногами болтаетъ, шаравары напужились, самъ вспотѣлъ будто въ горячей банѣ; и летитъ и кричитъ, и гдѣ увидитъ на землѣ человѣка, то, сколько есть голосу, пить проситъ. Этакое чудо видѣвши, старые люди ужасаются, женщины съ перепугу голосятъ; а малыхъ дѣтей не однаго до смерти перепугало. Да развѣ же и не страшно?....

Прокопъ Григорьичь, видѣвши такое диво, стоитъ, поднявши голову въ верхъ, ротъ разинулъ, даже гор-

лянку видно; глаза вытаращилъ, и знай руками машетъ, какъ будто хочетъ поймать и удержать своего пана сотника, что полетѣлъ какъ гусакъ. Да и все казачество, таки-всѣ до однаго удивлялися, глядя на эту комедію.... Да какъ и не удивляться, видя, что человѣкъ о своемъ умѣ, ни съ того, ни съ сего, полетѣлъ какъ птахъ. И когда бы это въ полночь, какъ всякая нечистая сила по свѣту толчется, а то еще и солнышко только-только что зашло....

Старая Лёзниха едва отъ старости и отъ болѣзней вышла за ворота, и глядя на казаковъ, какъ они собирались, какъ между собою играли, какъ готовились къ ученью, вздохнула и говоритъ: «Слава тебѣ, Господи! что я не казакъ! Не смогу и черезъ хату перейти, а тутъ бы надобно бѣгать, да бороться, да еще подъ часъ и на конѣ ѣхать!... Не хочу, не хочу казакомъ быть!...» Да потомъ... глядь!... летитъ надъ нею что-то такое страшное.... Разсмотрѣвши, побрела къ казакамъ и разсказала имъ, чтобы они уже не дожидали своего пана сотника, потому-что онъ полетѣлъ на зимовье, за море, въ теплыя мѣста. Я — говоритъ — сама видѣла; летитъ, словно ворона, только-что не кракаетъ, а знай, пить проситъ.»

Панъ писарь и казаки, нечего дѣлать! разошлись и поразсказали тѣмъ, кто не видѣлъ, какъ Конотопскій панъ сотникъ, Никита Власовичь Забрё-

ха, полетѣлъ словно ворона... И всѣ же, кто про это ни услышитъ, вздвигнетъ плечами, удивляется и говоритъ: «жди же добра, когда и начальство наше обвѣдьмилось!»

А нашъ панъ сотникъ летитъ сердечный, летитъ отъ самаго Конотопа, и не знаетъ, гдѣ онъ остановится, и что съ нимъ будетъ... какъ вотъ!... хуторъ; и онъ чувствуетъ, что началъ опускаться все ниже, ниже.... Разглядываетъ, присматривается.... анъ это хуторъ Безверхій, что на сухой балкѣ... Вотъ летитъ да летитъ надъ избами, да въ Оленинъ дворъ, гдѣ уже онъ разъ былъ... Вотъ какъ влетѣлъ во дворъ, да къ хорунжевниной хатѣ, да въ сѣни, да прямёхонько въ хатнія двери... и какъ онѣ были изъ середины заперты, такъ онъ въ нихъ... гопъ! какъ долбнею, да тутъ и протянулся какъ колода, и не дышетъ, и не ворохнется.....

Вотъ этотъ-то стукъ услышала Явдоха Зубиха, колдуя надъ панною Осиповною.

Вотъ Явдоха и отозвалась къ нему: «не стони крѣпко и не охай, чтобы кто не услышалъ; да иди скорѣе въ хату.» Отперла ему дверь, кличетъ его, кличетъ... такъ нѣтъ ни гласу ни послушанія! Лежитъ нашъ панъ сотникъ какъ колода! Нечего дѣлать Явдохѣ, потащила его въ хату, и какъ переволокла на другое мѣсто, такъ онъ и застоналъ и гла-

за открылъ, и не знаетъ, гдѣ онъ очутился? Разглядывая вездѣ, узналъ Зубиху; тотчасъ стоная началъ ругать отца и мать ея, что сдѣлала ему такую пакость. А Явдоха знай свое толчетъ: «Не знаешь своего счастья! Да не кричи же; разбудишь всю дворню. Что же станешь дѣлать? Испугался, такъ испугался. На-тка понюхай этаго.» И поднесла ему подъ носъ тертаго хрѣну... Онъ какъ понюхалъ, такъ и чихнулъ три раза, а потомъ началъ просить пить. Явдоха взяла воды, пошептала надъ нею, взбрызнула его тою водою, потомъ слизала его языкомъ по лицу, чтобы съ глазу чего не приключилось ему, да и дала ему той воды напиться. Онъ, въ одинъ глотокъ, а горшичикъ былъ порядочный, такъ и высушилъ, да и говоритъ: «дай-ка, титусю, еще.» Але! говоритъ Зубиха: я не пить призвала тебя сюда. Оставь свои *трихи да мнихи*, да принимайся за дѣло. Видишь ли, какая краля лежитъ?

Панъ Забрёха окинулъ глазами, какъ и увидѣлъ, что панна Олена спитъ... да такъ и задрожалъ, словно обвареный!... Да и въ самомъ же дѣлѣ *краля* была!... То была хороша, а то какъ разоспалась, да и раскраснѣлась какъ красное сукно или роза въ саду!... Власовичь на цыпочкахъ затанцовалъ около нея, разглядываетъ и слюнки глотаетъ .. Забылъ и безпокойство свое, что столько перелетѣлъ, забылъ, что и пить хотѣлъ. Не идетъ на умъ ни ѣда ни вода, какъ передъ глазами бѣда!

Явдоха наконецъ отвела его и говоритъ: «Надо же дѣло дѣлать. Возьми-тка вотъ эту лягушку, отверни ей головку прочь, и еще живую, не издохшую, вбрось скорѣе въ печь.

Вотъ панъ сотникъ и сдѣлалъ все, какъ велѣла ему Явдоха, и лягушка еще пищала, а онъ ее и швырнулъ въ печь.

Какъ спеклась и изсушилась та лягушка, Явдоха достала ее, оборвала все мясо, а косточки пособирала и стала изъ нихъ выбирать: вотъ и нашла одну, точнехонько какъ вилочка, и научила Власовича, что съ нею дѣлать.

Панъ Забрёха приложилъ ту вилочку къ сердцу панны хорунжевны.... Она тотчасъ и заговорила во снѣ: «И что мнѣ панъ Халявскій! плюю на него!... Никитушка, мой голубчикъ! гдѣ ты? Явись ко мнѣ... хоть бы я поглядѣла на тебя!...»

Власовичъ съ радости какъ захохочетъ.... такъ Явдоха взяла его за руку, и отведши научила, что ещѣ сдѣлать, и дала ему косточку изъ лягушки же, какъ-будто крючокъ, и велѣла Забрёхѣ дотронуться подъ сердце хорунжевны.... Она послѣ этаго такъ и запылала и начала говорить во снѣ: «Не хочу за Халявскаго!... не принуждайте меня!... Отдайте меня за Забрёху... Когда не отдадите... уйду!... Никитуш-

ка!... душинька Власовичь! часъ отъ часу больше люблю тебя!...»

Тутъ Явдоха отвела Власовича отъ панночки и говоритъ: «Видишь, какъ я сдѣлала, что она на Халявскаго плевать будетъ, а за тобою будетъ убиваться. Теперь совсѣмъ; пора домой. Не тужи ни объ чемъ, и ожидай, какъ она будетъ присылать за тобой и увиваться около тебя. Ну скорѣе поѣдемъ.»

— Какъ же мы, тетушка, поѣдемъ? Когда опять летѣть, то цуръ ему! Ей, не могу!....

«И, нѣтъ уже, сынокъ; и мнѣ тебя жаль. Теперь поѣдемъ; и хоть ты дорогою дремли, хоть и спи, то не бойся ничего. Передъ свѣтомъ будемъ дома. Я завтра опять тутъ буду и дамъ паннѣ Оленѣ вотъ эту лягушечью косточку, чтобъ носила при себѣ; пока будетъ носить, по тѣхъ поръ будетъ любить тебя. Выйдемъ же изъ хаты и поѣдемъ, а то панночка уже скоро проснется.»

Вотъ Зубиха собрала все свое, сложила, какъ ей надо было, взяла донце и веретено, и вышла съ Власовичемъ изъ хаты, говоря Забрёхъ: «садись на донце по-казацки какъ на коня; а я гдѣ-нибудь прицѣплюсь, мнѣ не въ-первое.»

Только-таки что Власовичь занесъ ногу, Явдоха какъ свиснетъ, какъ цмохнетъ!... донце поднялось вверхъ, на немъ панъ сотникъ верхомъ, а сзади подсѣла Явдоха, да все веретеномъ погоняетъ, да цмокаетъ, да приговариваетъ какъ на кобылу—и поднялись подъ самыя небеса...

Сидитъ нашъ Конотопскій сотникъ Никита Власовичь на донцѣ, словно на конѣ! Ноги безъ стремянь такъ и болтаются, а чтобъ не упасть, держится руками за то донце... а оно летитъ! все летитъ и еще быстрѣе, чѣмъ Яцкова хромая приблудка. Назади сидящая Явдоха даже визжитъ отъ холоду, потому-что вѣтерокъ холодный крѣпко ее продувалъ.

Не успѣли они хорошенько осмотрѣться, какъ уже и Конотопъ не далеко. Явдоха что-то пробормотала, и вотъ донце все ниже, все ниже... да плюхъ! подлѣ Забрёхиныхъ воротъ и упало... Панъ Власовичь какъ гопнулъ, да и не очувствовался, и не взвидѣлъ, какъ Явдоха съ донцемъ исчезла. Вошелъ къ себѣ въ свѣтелку, потасплъ огонь и бебекнулъ на постель, да подумавши сказалъ: «у меня есть теперь хорунжевна!» и захрапѣлъ изо всей силы.

IX.

Смутна и невесела, проснувшись, сидѣла на кровати панна хорунжевна Олена Осиповна въ своей хатѣ, въ Безверхомъ хуторѣ, что на сухой балкѣ.

Сидитъ, зѣваетъ, глазки протираетъ и сама себя не понимаетъ, гдѣ она, что она, что съ нею дѣлалось, что такое снилось ей, и отъ чего ей такъ грустно и тяжело.

Какъ вотъ гдѣ ни взялась Конотопская вѣдьма Явдоха Зубиха. Вошедши въ хату и говоритъ: «Добрый день тебѣ, панночка! Чего ты такая смутная и невеселая?»

— Ахъ, бабуся! теперь я все вспомнила! Что ты это со мною надѣлала? — Такъ охаючи говорила панна хорунжевна.

«Але! молчи да дышь! На-тка вотъ этотъ мѣшечикъ, да повѣсь на снурочкѣ на шею, то и все будетъ хорошо.» Да это говоря и повѣсила его ей на шею: а въ томъ мѣшечкѣ лягушечья задняя правая лапка, да изъ нея же высушеное сердце, да лобовая косточка, да немного Никитинаго слѣда. Только-что это ей привѣсила, такъ панна Олена и повеселѣла, какъ изъ воды вышла. Глазки такъ и горятъ, щоки раскраснѣлись, а сама и на постелѣ не усидитъ, бросилась къ Зубихѣ и даже плачетъ, да проситъ:

«Титусю, голубочка, пани-маточка! Что хочешь дѣлай, только отдай меня за Конотопскаго пана сотника Забрёху; я-таки, хорошо и не знаю, какъ его зовутъ. Отдай, отдай скорѣе меня за него!»

— Вѣдь же онъ тебя сваталъ, да ты поднесла ему печеную тыкву? —

«Да то я была дура и сумасшедшая... не разсмотрѣла его хорошо, не разспросила людей, не послушала брата... Теперь мнѣ свѣтъ немилъ безъ него!..»

— Вѣдь же ты любишь паныча Халявскаго, Омельяновича, судьенка?...

«Да то я была дура и сумасшедшая!... Послѣ вчерашняго дня и цуръ ему, и пекъ ему отъ меня. Одно у меня на умѣ, что хоть лишь бы повидѣть Забрёху, да наглядѣться на него, да приголубить его.... да чтобъ онъ женился на мнѣ....» да говоря это, чибурахъ съ постели къ ногамъ Зубихи, и лежитъ, и плачетъ, и проситъ: «Сдѣлай. титусю, чтобъ онъ меня взялъ! Я тебя три года буду называть родною матерью,* буду тебя и уважать и почитать. Когда же онъ отъ меня отречется, пойду куда глаза, сама себѣ смерть причиню!....»

— Да полно же, полно; уймись! говорила ей Явдоха, и подняла ее съ земли, и посадила на лавкѣ. Вотъ войдетъ твой братецъ, ты ему не стыдясь все разскажи; пускай скорѣе ѣдетъ въ Конотопъ къ пану Забрёхѣ, да и скажетъ, чтобъ присылалъ людей за рушниками. Вотъ же и братецъ идетъ къ те-

* За сдѣланное какое большое одолженіе обрекаются на урочное время звать и почитать отцемъ, матерью, дядею, братомъ и т. под. По минованіи срока все приходитъ въ прежнее отношеніе, и титулованіе прекращается.

бѣ, а я пойду въ Конотопъ, и съ Забрёхою сдѣлаю все, что нужно. Не тужи, да дѣломъ поспѣшай.—Сказавши это, вышла изъ хаты; а панна хорунжевна въ слѣдъ ей крпчитъ: «и платокъ, и свадебную шишку тебѣ дамъ!...»

Какъ вотъ и вошелъ къ ней братъ ея панъ хорунженко.

«Что, братецъ, ты уже здоровъ? спросила его сестра.

— Теперь уже ничего; все прошло. —

«Ну, братецъ, не тужи. Скоро тебѣ можно будетъ итти въ монахи» стала говорить панна Олена, потупивши глазки въ землю. «Я уже.... выбрала... себѣ жениха....» сказала Олена, да отъ стыда покраснѣла какъ ракъ.

— А кого?

«Пана сотника Конотопскаго Забрёху.»

— Что печеною тыквою попотчивала? —

«Эге!»

— Вѣдь же ты, кажется, что-то пристально поглядывала на пана Халявскаго? —

«Цуръ ему, и не вспоминай про него, а сдѣлай милость, поѣзжай въ Конотопъ, да скажи и попроси, чтобы завтра.... или хоть сегодня присылалъ сватовъ; а въ воскресенье и свадьба....»

— Да что это тебѣ вздумалось такъ спѣшить? спросилъ ее панъ хорунженко; а самаго взяло за животъ, что уже ему недолго гулять въ мірѣ.... Еще, можетъ, хоть немного осмотрѣлась бы; а то шить-бѣлить, завтра велик-день. —

«Умру, когда черезъ недѣлю не выйду за пана сотника! Я его эту ночь видѣла во снѣ. Что за красивый! какъ нарисованный.... Сдѣлай милость, братецъ, соколикъ, лебедикъ! поспѣшай, какъ можно. Привези и его съ собою, привези и сватовъ, чтобы скорѣе кому рушники подавать... Или сватовъ не надо; и туть насобираемъ; только его скорѣе... его ко мнѣ вези!....»

Такъ вражья Конотопская вѣдьма надѣлала, что бѣдная дѣвка даже на стѣну дерется, да сильно желаетъ выттп за пана сотника Власовича Забрёху.

Нечего пану хорунженку дѣлать! Велѣлъ завтракать подать; ѣстъ и думаетъ; не наѣлся и не надумался; пожелалъ обѣдать; обѣдаетъ и думаетъ. Потомъ, какъ пообѣдалъ, такъ и надумался и говорптъ самъ себѣ: «Панъ Халявскій въ ротъ ничего не

беретъ; а панъ Забрёха, не взялъ его чортъ! не проливаетъ; чтобъ и меня еще не перепилъ? Ну, нѣтъ нужды! Отдамъ сестру за него, да съ молодицами поживу съ годъ мѣста.» Такъ надумавшись самъ съ собою, сѣлъ на возокъ, да и катнулъ въ Конотопъ, прямехонько къ пану сотнику Никитѣ Власовичу Забрёхѣ.

Тутъ наша панночка и принялась хлопотать и къ сговору прибираться: хату моютъ, столы, лавки, полки смываютъ, птицу рѣжутъ, лапшу крошатъ, горшки приставляютъ въ печахъ, рушники приготовляютъ. . . . такъ-что всѣ работницы изморилися отъ такихъ приборовъ.

X.

Смутенъ и невеселъ сидѣлъ панъ судьенко Демьянъ Омельяновичь Халявскій, въ своемъ хуторѣ, въ пустой хатѣ, откуда выгналъ всѣхъ съ-сердцовъ. И знай то сердился, то тосковалъ, то ругалъ всякаго, кто только на мысль ему приходилъ; то грустилъ, и съ печали даже похудѣлъ. Какъ же ему было и не тужить? Панна хорунжевна, что на Безверхомъ хуторѣ, гдѣ сухая балка, Олена Осиповна, которая побожилась и поклялась, что ни за кого не пойдетъ замужъ кромѣ него; что не одинъ вечеръ онъ съ нею до полночи просиживалъ подъ вербою близъ колодца; съ которою онъ и перстнями обмѣнялся; которая ему

святою пятницею божилась, что только-лишь онъ воротится изъ походу отъ Чернигова, да пришлетъ сватовъ, то она тотчасъ подастъ рушники... А онъ, на это понадѣявшись, въ Черниговѣ даже пять полтинъ изтрясъ, чтобъ его отпустили жениться... что онъ, вырвавшись изъ Чернигова, бѣжалъ какъ бѣшеный къ своему хутору, бѣжалъ и ночь и день, и лошадь уморилъ, и самъ измученный вскочилъ въ хату, да скорѣе и пугнулъ Хиврю, свою работницу, чтобъ бѣжала сзывать дядьевъ, да троюродныхъ братьевъ, чтобы скорѣе брали хлѣбъ святой, да калочи, да ѣхали бы до панны хорунжевны за рушниками.... какъ тутъ Хивря и поднесла ему пинфу, что — говоритъ — панну хорунжевну уже просватали за пана сотника Конотопскаго Никиту Власовича Забрёху, и уже и рушники подавали и сватанье запили, такъ-что ну! что только тотъ, кто не былъ на сватаньѣ, тотъ не былъ пьянъ, а то всѣ на-повалъ лежали даже до другаго дни; что завтра будетъ свадьба; что уже панночка, съ распущенною косою, извѣстно, какъ сирота, по улицамъ Конотопскимъ ходитъ съ пѣснями, и подружекъ собираетъ; что его Халявскаго тётки нарядившись пошли въ Безверхій хуторъ каравай мѣсить; что самъ панъ Забрёха пріѣзжалъ и договорилъ слѣпаго скрыпача на свадьбѣ играть.... Это все какъ выслушалъ панъ Халявскій, да какъ слушая разинулъ ротъ, такъ онъ ему такъ и остался.... А потомъ какъ затрясется, какъ будто въ лихорадкѣ.... глаза даже на лобъ ему выкатились и словно горятъ,

да какъ сложитъ кулаки, какъ хряпнетъ себя по головѣ, такъ-что насилу устоялъ; потомъ какъ началъ, какъ будто распоясавшись, ругать и панну Осиповну, и пана Хорунженка, и пана Забрёху, и дядьевъ, и тётокъ, и братьевъ, и невѣстокъ, и дружекъ, и каравайницъ, и слѣпаго скрыпача, и работницу Хиврю.... Ужъ ругалъ-ругалъ, вычитывалъ-вычитывалъ имъ все до того, что пѣна у него изо рта, какъ у бѣшенаго.... а потомъ, какъ бросится къ Хиврѣ.... такъ бы ее и растерзалъ, если бы она догадавшись не ушла.

Вотъ то-то онъ остался самъ-себѣ въ хатѣ, да и тосковалъ и тужилъ, и съ-сердцовъ парвалъ себѣ съ головы полны горсти волосъ.... да какъ вздумаетъ, что уже неможно ничѣмъ дѣла поправить, да такъ и зарыдаетъ! даже завоетъ, какъ атаманова собака, да и начнетъ драться на стѣну какъ внѣ ума!

Уже въ десятый разъ колотилъ онъ себя то по головѣ, то въ грудь, и все кулаками, и только-что надумалъ-было голову разбить объ стѣну.... какъ.... рыпъ!... и вошла въ хату бабуся старая, да престарая, сгорбилась, черезъ силу ноги таскаетъ и палочкою подпирается. Вошла, поклонилась и говоритъ: «добрый день тебѣ, паныченку!»

А панычь молчитъ, и вытараща глаза только сопитъ.

«Отъ чего это у тебя нѣтъ никакихъ приборовъ?» говоритъ баба, не уважая, что онъ смотритъ на нее, словно бѣшеный.

«Ни птицы не рѣжутъ, и муки на лапшу никто не сѣетъ? Вотъ-такъ приготовляйся! Завтра у него свадьба, а онъ-себѣ и не думаетъ!»

Не знаю, гдѣ бы очутилась эта баба, и какъ бы затрещали косточки ея, и кто бъ-то ихъ послѣ и съ собакою собралъ, какъ бы Демьянъ Омельяновичь не былъ уже разсерженъ такъ, что и неможно больше! Полонъ ротъ пѣны, языка не поворотитъ, только трясется, да сложивъ кулаки, визжитъ, словно собака. Думаю такъ, что какъ бы еще не много, то онъ бы съ-сердцовъ лопнулъ. Какъ-же таки и стерпѣть? Тутъ человѣку совсѣмъ бѣда! Только-было приготовился совсѣмъ жениться и сватовъ посылать съ хлѣбомъ, какъ тутъ ему дѣвка и отказала! И идетъ за того, надъ которымъ она и въ-глаза насмѣхалась! Какъ же было тутъ пану судьенку стерпѣть, когда еще пришла бабуся, да еще такая, что гадко щепками взять, да и та надъ нимъ смѣется. Онъ бы, говорю, истрощилъ ее на мѣлкіе куски, какъ старый вѣникъ; такъ ему отъ злости духъ захватило, и онъ не можетъ и пошевелиться. А она между-тѣмъ говоритъ:

«Чего же ты такъ лютуешь? Молчи да дышь, да слушай меня. Буду я, когда панна хорунжевна

Олена, что изъ Безверхаго хутора, не будетъ за тобою завтра чѣмъ свѣтъ.»

Какъ сказала это ему бабуся, такъ онъ съ радости даже задрожалъ, да что-то хотѣлъ сказать — и не смогъ; а вытаращца глаза, силясь, едва-едва проговорилъ: «іо!»

«Да будь же я шельмовская, анаѳемская дочь! чтобы мнѣ глаза вылѣзли, чтобъ мнѣ руки и ноги искорчило, чтобъ мнѣ стонадцать купъ лихорадокъ, чтобъ на моемъ лицѣ сѣло семьсотъ двадцать пистряковъ—да и всякими вѣдёмскими проклятіями начала клястись—когда, говоритъ, не сдѣлаю такъ, что ты завтра съ Оленою въ утреню обвѣнчаешься; только слушай меня; вѣдь ты меня уже хорошо знаешь!»

Какъ-таки этому панычу и не знать Конотопской вѣдьмы Явдохи Зубихи (это она была), когда она ему разъ язычекъ поднимала, въ-другое остуду снимала; такъ уже онъ не могъ не знать ея. Вотъ, какъ услышалъ онъ это отъ нея, такъ и стало ему на душѣ легче; тотчасъ и понялъ, что ему надо дѣлать; да скорѣе—чибурахъ!—ей въ ноги, да и проситъ: «Титочка! голубочка! сдѣлайте.... какъ знаете, такъ и сдѣлайте, чтобъ Олена была моя! Цѣлехонькій годъ буду васъ родною матерью звать; куплю плахту, очипокъ, серпанокъ; чего пожелаетъ ду-

ша ваша и кота вашего!... Только подумайте же: вѣдь Олена уже собираетъ дружечекъ; коровайницы уже до сей поры дѣжу по хатѣ носили; а панъ сотникъ Конотопскій Никита Власовичь нанялъ слѣпаго скрыпача свадьбу играть, такъ гдѣ уже!.....»

—Развѣ же я не Явдоха? Я ему сдѣлаю свадьбу! Пускай-ка истратится, пускай протрясетъ для тебя отцовскіе рублёвики; да я и его оженю. Пускай и Олена собираетъ дружекъ; пускай онѣ начинаютъ припѣвать Никитѣ; а я сдѣлаю, что сведутъ на Демьяна. Принимайся же скорѣе; прикажи, чтобы въ домѣ и пекли, и варили, и напитковъ приготовили. А ты бѣги, собирай бояръ, свашку, свѣтилку, старостовъ, да сыщи хоть какаго-нибудь отца, чтобъ порядокъ давалъ. —

Агу! нашъ судьенко развеселился: схватилъ поясъ и сталъ подпоясываться, хватаетъ шапку, чтобъ итти собирать поѣздъ; а Явдоха, выходя изъ хаты, стала пѣть свадебную пѣсню, да еще прискакиваетъ:

«У Демьяна отцовъ много,
А роднаго ни одного.
Все такіе, чтобъ напиться,
А некому пожуриться;
Все такіе, чтобъ пить и гулять,
А некому порядку дать.

XI.

Смутная и невеселая убиралась въ своей хатѣ панна хорунжевна, Осиповна Олена, на своемъ Безверхомъ хуторѣ, что на сухой балкѣ. И убирается и не убирается; нужно бы и поспѣшать, потому-что въ селѣ прозвонили уже къ утренѣ въ одинъ колоколъ и начали трезвонить; нужно ей поспѣшать къ церкви, потому-что вчера на «договорахъ» (дѣвичникѣ) такъ положили, чтобъ ей тутъ и свѣнчаться съ Конотопскимъ сотникомъ, паномъ Забрёхою, Никитою Власовичемъ; а отъ хутора до села, гдѣ вѣнчаться, будетъ верстъ пять или двѣ; вотъ и нужно ей поспѣшить, чтобъ выспѣть.... такъ руки не поднимаются! Уже она и расчесалась, уже и длинныя, толстыя свои косы въ мелкія косички поплела, стала ленты на голову накладывать.... глядь! что ни лучшая лента, то ей подарилъ панъ судьенко.... ее такъ и подрало морозомъ по спинѣ!... вспомнила его, ей взгруснулось, и она немного всплакнула. Зубиха же тутъ такъ и разсыпается! И сюда мечется, и туда бросается; и намисто навязываетъ Оленѣ на шею, и голову цвѣтами убираетъ; а нарядила ее совсѣмъ, то и выбѣжала скорѣе изъ хаты, повернулась на одной ногѣ противъ солнца, три раза пошептала что-то себѣ, обвела рукою въ ту сторону, гдѣ село, и сказала: «кто думаетъ поспѣшать, пускай не выйдетъ изъ хаты; и чтобъ до всхода солнца не нашелъ ни дверей, ни окошца.» Вошедши опять въ хату, стала снаряжать пан-

ночку Олену къ вѣнцу; велѣла ей три раза поклониться въ ноги отцу и матери, коихъ для такаго случая прiискали, а потомъ и братцу родному. Старшей дружкѣ дала пару свѣчь пятикопѣечныхъ, вѣнцы держать, платокъ — руки связать, рушникъ подъ ноги, и грошъ подъ рушникъ понамарю за свѣтильникъ. Потомъ тихохонько, чтобъ никто не видѣлъ, дала той же дружкѣ какую-то косточку, да какой-то репеёкъ, и научила ее, что и когда съ ними сдѣлать. Вотъ и пошла наша *молодая* съ старшею дружкою въ село, поспѣшая къ заутренѣ, чтобъ тамъ вѣнецъ принять съ паномъ Забрёхою, Конотопскимъ сотникомъ, Никитою Власовичемъ.

Что же дѣлала Явдоха, оставшись на Безверхомъ хуторѣ? Тамъ дѣвствовала лѣтъ сорокъ дѣвка, звали ее Солоха. Бѣдная да пребѣдная! Не было у нея ни одёжи и ничего. Волосъ на головѣ мало: на щекѣ шрамъ, зубовъ недочетъ, горбата, курноса, на одну ногу хрома, а правой, изкривленной руки ко рту не донесетъ. Вотъ такую-то кралю Зубиха взявши, убрала въ ленты и вмѣсто косъ распустила концы лентъ, одѣла въ чужую свиту, выпросила намиста и навязала ей на шею. Какъ уже совсѣмъ прибрала, Явдоха посадила ее верхомъ на палочку, сама сѣла на другую, цмокнула, нукнула,... палочки помчались изо всей силы, только пыль столбомъ за ними. Прибѣжавши въ село къ церкви, Явдоха и говоритъ Солохѣ: «Стой же ты, дѣвка, на крыльцѣ, да

держи въ рукѣ вотъ эту маковку. Какой казакъ придетъ, да возьметъ тебя за руку, да подведетъ вѣнчаться, не упрямься, не церемонься, вѣнчайся смѣло, Смотри же, ожидай до всходу солнца....» Солоха стала и дожидаетъ, а Явдоха бросилась къ своему дѣлу.

Олена же съ старшею дружкою знай идутъ да поспѣшаютъ въ село, чтобъ застать заутреню. Олена идучи расхваливаетъ Забрёху: какой-то онъ красивый, чернявый, полновидный; какіе у него усы хватскіе, и какой самъ весь славный и проворный. Какъ онѣ идутъ, то гдѣ только взойдутъ на перекрестную дорогу, то старшая дружка косточкою, что дала Явдоха, три раза панну Олену въ спину тихонько: стукъ, стукъ, стукъ! да и примолвитъ: «прочь, нелюбый!» — То Олена ее и спрашиваетъ: «что ты, сестричка, меня въ спину толчешь?» — Да то я, панночка, перьецо сняла; на кунтушъ пристало-было. То Олена и начнетъ опять про пана Власовича говорить, да уже не такъ его похваляетъ: что у него глаза не такіе, какъ у пана судьенка. На другомъ перекресткѣ и усы не такъ хороши, чѣмъ у пана Халявскаго; послѣ онъ уже и сякой, и такой, и стылокъ, и гадокъ, и мерзокъ и дуренъ. А какъ дошли къ церкви, то старшая дружка тихонько сзади и развязала снурочекъ, на которомъ повѣшенъ былъ мѣшечикъ, что привѣсила-было Явдоха съ разными снадобьями. Вотъ, какъ развязала, а тотъ мѣшечикъ и упалъ, такъ-что Олена и не почувствовала. Она тот-же мигъ

и закричала: «цуръ же ему, пекъ ему, этому Забрёхѣ; не хочу, да и не хочу за него за-мужъ. Воротимся, сестра, домой!...» — Постойте хоть немного въ церкви; когда же панъ сотникъ къ тебѣ подойдетъ, чтобъ вѣнчаться съ тобою, то ты тутъ ему и откажи. Это ему еще стыднѣе будетъ, что ты при людяхъ такую насмѣшку ему сдѣлаешь. — «Вотъ это точно хорошо, сказала Олена, «таки-тутъ ему въ глаза и плюну. Пойдемъ же въ церковь.»

Вошли въ церковь. Панна Осиповна глядь-глядь по церкви—нѣтъ пана Власовича. Уже скоро и выйдутъ, а его нѣтъ. Вотъ она, то покраснѣетъ какъ макъ, то побѣлѣетъ какъ полотно; все боится, чтобъ онъ не вошелъ, да чтобъ не потянулъ ее къ вѣнцу. Какъ вотъ, только-что начали читать къ концу, какъ... шасть въ двери! свашки, свѣтилки, бояре, дружкò, подручный, старосты: да все не простые, все съ панскихъ кунтушахъ, въ черкескахъ, въ сукнахъ такихъ, что только поцмокай!... Еще важнѣе были, чѣмъ у нашего школяра, что до философіи ходилъ, да женясь у насъ въ селѣ свадьбу игралъ. А за такимъ-то поѣздомъ вошелъ и молодой.... Кто же такой? Олена такъ и задрожала, какъ увидѣла, что это.... панъ Халявскій, Омельяновичь, кого она такъ вѣрно любила. А старшая дружечка, тѣмъ репейкомъ, что вѣдьма дала, скорѣе ее въ спину толкъ! и проговорила тихонько: «прицѣпись опять.» Олена послѣ этаго такъ и сгорѣла,

да промежъ народу протерлась къ пану Халявскому, да его за руку дёргъ! и говоритъ: «Бери меня, какъ хочешь, а бери. Когда же у тебя есть другая, то покажи, гдѣ она? Я ей тутъ же глаза выцарапаю. Тó я-было съ ума сошла; а теперь умру, когда меня оставишь!» — Да я же за тѣмъ, панночка, и пришелъ, чтобъ съ тобою законъ принять — сказалъ панъ судьенко, да и потянулъ ее къ налою. Не замедлили, пропѣли «лозу плодовитую», обвели около налоя, сказали молодымъ поцаловаться; получили съ молодаго двадцать пять копѣекъ, и отпустили домой; а сами собирались уже свѣчки гасить и другое-прочее.

XII.

Смутенъ и невеселъ ходитъ по хатѣ панъ Конотопскій сотникъ, Никита Власовичь Забрёха, наряднвшись какъ можно лучше, и выбрившись чистенько, и чубъ подстригши гладенько. Ходитъ онъ по хатѣ, куда еще съ-вечера пріѣхалъ изъ Конотопа въ село, чтобъ въ заутреню вѣнчаться съ панною хорунжевною, Осиповною, какъ вчера договорились. Только-что ударили въ колоколъ къ заутренѣ, онъ уже и вскочилъ и разбудилъ пана писаря, Пистряка Григорьича, что просилъ его въ старшіе бояре держать вѣнецъ.

Пока звонили, наше казачество брилось, обувалось, одѣвалось, а какъ уже пришла пора, то, вздѣвши новые Крымскихъ овчинъ тулупы, начали выходить....

«Да отверзайте, панъ Власовичь, безъ преткновенія. Приспѣ бо часъ. Ну-те же, ну же. Почто надъ щеколдою глумляетесь? Сокрушайте ее, отверзайте врата въ сѣни.» Такъ командовалъ панъ Григорьичь на пана сотника, что тотъ возился около дверей, да не отворялъ ихъ.

«Але! говоритъ Никита Власовичь. Отверзай ты, когда найдешь. Видишь, нѣтъ дверей.

«Чего ради сіе бысть? Двери суть на празѣ, а прагъ на дверяхъ. Востягните-тка щеколду....»

Да какая тутъ у чорта щеколда? Голая стѣна, а дверей нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ самъ посмотри.»

Бросился панъ Пистрякъ..... Хвать-хвать! шупъ-шупъ! нѣтъ дверей, да и щеколды не найдетъ; одна стѣна стала передъ нимъ. Ищетъ одинъ, ищетъ, даже вспотѣетъ; ворчитъ другой, перемѣнитъ его, станетъ вездѣ ощупывать.... нѣтъ, да и нѣтъ!

« Что за причина! Гдѣ у аспида дѣвалася дверь, визжитъ панъ Забрёха, и съ злости

даже зубами скрыпитъ, потому-что уже, слышитъ, трезвонятъ....

«Видѣхъ двери отверзающіяся сѣмо и овамо, и се не бѣ,» такъ рычалъ Григорьичь, волосы на себѣ рвавши. Потомъ говоритъ: «а что сотворимъ, панъ сотникъ? Разверземъ объятія и приступимъ на прикосновеніе, дондеже сотворимъ совокупленіе.»

Да говори мнѣ прямо, панъ писарь! Теперь не до письма, говорилъ ему, даже плачучи, панъ Власовичь. Я и такъ себя не помню, а онъ мнѣ письмомъ въ глаза тычетъ. Говори же просто.

«Прикосновеніе, осязаніе, сирѣчь, щупаніе. Дадите вашу десницу въ мою шуйцу, да и будемъ разомъ щупаніе воспроизводить вокругъ всей хаты, не сокрышася ли двери во ономъ мѣстѣ? Или не нѣкій ли врагъ, ненавидяй добра, похити ихъ?»

Насилу понялъ нашъ Никита, что писарь хочетъ дѣлать. Вотъ и принялися щупать по стѣнѣ. Одинъ идетъ въ одну сторону, а другой въ другую; щупъ-щупъ! хвать-хвать! «Есть ли, Григорьичь?» — Нѣтъ, исчезоша яко дымъ! — «Пойдемъ далѣе.» Пошли опять. «Обрѣли ли, панъ Власовичь?»—Тьфу! Пускай бы они исчезли! А уже и «достойно» звонятъ.... А! мученіе, да и полно....

Ощупаютъ всѣ стѣны, сойдутся: опять вмѣстѣ... нѣтъ дверей, да и нѣтъ! опять разойдутся, тотъ по солнцу, а другой напротивъ солнца.... щупаютъ.... сойдутся... нѣтъ! Уже бы рады, хоть бы окошко найти, такъ и то, *катъ* его знаетъ, гдѣ дѣвалося. Даже плачутъ оба. Панъ Власовичь Никита, храброй Конотопской сотни панъ сотникъ, сѣлъ на полу и принялся голосить: «но сихъ поръ и утреня отошла, а меня панна хорунжевна дожидалась-дожидалась, да можетъ, уже и домой пошла. Ой лéлечко... ой лéлечко!...» Какъ вотъ хряпъ щеколда! рыпъ двери! шасть Явдоха Зубиха, ихъ пріятельница, Конотопская вѣдьма, вошла въ хату. А она сама эту мару на нихъ напустила и дверь отъ нихъ спрятала. Вотъ и заговорила къ нимъ:

«Или вы одурѣли, или взбѣсилися? Какаго аспида вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ не идете вѣнчаться? Уже скоро выйдутъ изъ заутрени, а они тутъ изъ пустаго въ порожнее переливаютъ.»

— Охъ, тетусю! тутъ совсѣмъ бѣда! насилу проговорилъ панъ Забрёха.

Смущеніе веліе учинися, говорилъ Григорьичь: сія дверь, въ ню же происхожденіе сотворяетъ весь родъ человѣческій, бысть погибшая; и се паки обрѣтеся, но како? не вѣмъ!

«Разскажи ты, панъ Никита, мнѣ по-людски; а его никто не пойметъ. Какое вамъ тутъ приведеніе

было?» Такъ спрашивала Явдоха, будто и не знала ничего.

Да тутъ такое было, говорилъ панъ Забрёха, что какъ его и разсказать? Кто-то двери-было у насъ укралъ. Ужъ мы ихъ искали-искали, щупали-ощупывали, пришлось-было на помочь звать, а ты тутъ и вошла.»

«Те, те, те, знаю, знаю! говоритъ вѣдьма: видишь, что-было надѣлала? Да я ее переспорю. Она еще и не такое хочетъ сдѣлать съ тобою, да ты не унывай. Иди-ка съ бояриномъ скорѣе да и бери свою дѣвку. Не разсматривай, Олена ли она, или не Олена, а только бери ту, что стоитъ на крыльцѣ у церкви, да въ рукахъ красную маковку держитъ. Смотри же, не очень умничай; и на Олену, хоть и повидишь ее гдѣ, не засматривайся; то не она будетъ, а съ маковкою такъ то твоя. Видишь, прибѣжала изъ Кіева тетка пана судьенка Халявскаго; еще злѣе меня, да не столько знаетъ, какъ я. Она, прежде всего, дверь у тебя украла, а теперь на панночку Олену наслала мару, будто она и горбата, и хрома, и курноса, и будто совсѣмъ не она. Вотъ же ты не церемонься, чтобъ тетка не посмѣялась надъ нами. Смѣло вѣнчайся; а какъ придете отъ вѣнца, такъ все злое отведу, и ее старую прогоню. Бѣгите же скорѣе.» Да сказавши это, взглянула на Григорьича и мигнула ему; а тотъ кашля-

лянулъ по-дьячковски, да и сказалъ самъ себѣ: «догадался!»

Вотъ наши молодцы, поблагодаривши Явдохѣ каждый за свое, пошли скорѣе-себѣ. Пока дошли до церкви, такъ уже всѣ и вышли: только одни причетники остались, кое-что прибирая; да нѣсколько людей, то свѣчи мѣняя, то другое-что. А пана Халявскаго съ молодою да и съ поѣздомъ и духу не осталось. Солóха же стоитъ-ссбѣ на крыльцѣ, маковку въ рукахъ перемпнаетъ и жениха ожидаетъ. Панъ Никита на нее—глядь!... такъ у него въ животѣ и похолодѣло. Славная краля!

Смотрѣлъ сердечный на нее, да вздохнувши тяжело и говоритъ: «что это за уродъ стоитъ?»

— Мню, говоритъ писарь, яко сія есть единая изъ седмпдесяти дщерей царя Ирода, ихъ же онъ, окаянный, породи пагубы ради рода Хрпстіанскаго. Едина суть лихорадка, другая лихоманка, третья трясця, четвертая пропастница, пятая поганка и прочія, и прочія до седмпдесятп, имъ же нѣсть числа. Азъ же мню....

«Да не мни, панъ писарь, а говорп дѣло. Это оборотень, или это она въ самомъ дѣлѣ такая?»

Ей, господинъ! Егда воззрю на нее умными очами, то зрю панну Олену, хорунжевну, Осипповну,

превелелѣпную дѣвицу. Егда же разсмотряю ее грѣховными, плотскими очами, то обрѣтаю ее паче всѣхъ мерзостей всего лица земли. Азъ же мню, яко сіе есть обаваніе Явдохи велемудрой, рекше, Зубихи, еже устрои посмѣянія ради тресугубо анаѳемски проклятой вѣдьмы Кіевской.»

«Такъ что жъ, панъ писарь, брать ее?»

— Да берите, добродѣю. Аще совѣсть не зазритъ, берите. Сотворите совокупленіе; а по совокупленіи, всякое обаваніе исчезаетъ яко дымъ, и расточается яко прахъ перстьный.

Вотъ панъ Власовичь подтянулъ животъ, подошелъ къ Солохѣ и говоритъ: «не соизволяете ли, паночка, со мною *шлюбъ* принятъ?» А Солоха и прогнусила: «соизволяю.» Схватившись поспѣшно за руки, какъ голубь съ голубкою, вошли въ церковь.

Не замедлили и ихъ обвѣнчать. Какъ сказали «поцалуйтесь.» То панъ Забрёха не очень разсматривалъ, пригладилъ усы, да свою красивую молодую—цмокъ! даже эхо раздалось, и съ радости выкинулъ даже пять алтынъ, да все денежками, и пошелъ съ своею молодою въ Безверхій хуторъ.... А старшій бояринъ, панъ Пистрякъ, кишки надрываетъ со смѣху, да собираетъ свой поѣздъ, чтобъ скорѣе молодыхъ на посадъ посадить.

XIII.

Смутенъ и невеселъ стоялъ, повѣсивши голову даже на грудь, панъ Конотопскій сотникъ, Никита Власовичь Забрёха, въ Безверхомъ хуторѣ, подлѣ панскихъ хатъ, смотря, что панна хорунжевна, Олена Осиповна, сидитъ на посадѣ съ паномъ судьенкомъ, Демьяномъ Омельяновичемъ Халявскимъ; подлѣ него же стоитъ.... Солоха! дѣвка красивая, опрятная, разодѣтая.... Что было на ней къ вѣнцу выпрошено, плахта ли, свита, или намисто, или ленты, все это люди свое поснимали, а она и осталась съ голою головою, босая, сорочка грязная, дирявая, разорваная, и только-что кускомъ старой плахты закрылась, да и полно. Вотъ весь уборъ на ней! Вотъ такъ-то удружила ему Явдоха Зубиха, Конотопская вѣдьма, за то поруганіе, что онъ ей на рѣкѣ и подлѣ рѣки при всей громадѣ сдѣлалъ. А и не онъ же: когда по правдѣ сказать, то управлялся надъ нею панъ Пистрякъ; онъ и пана сотника на это навелъ; ну, да знаете, что на свѣтѣ все такъ идетъ: что писарь сбездѣльничаетъ, такъ ему ничего; а судья съ-дуру, не знавши дѣла, подпишетъ, такъ онъ и въ отвѣтѣ; на немъ всѣ бѣды и обрушатся.

Стоялъ-стоялъ панъ Власовичь долгонько, и ума не приберетъ, что ему теперь на свѣтѣ и дѣлать! Забѣжалъ бы на край свѣта, такъ все браку не разорвать; за тѣмъ, что при вѣнчаньи говорилъ, что не

оставитъ ее до самой смерти. А какъ глянетъ въ окно, его панна Олена сидитъ подлѣ пана Халявскаго; какъ услышитъ, что дружечки припѣваютъ не ему, а Демьяну; а слѣпой скрипачь, сидя въ сѣняхъ, что есть мочи скрипитъ Дербентскій маршъ; а бѣсовская Явдоха Зубиха, вмѣсто матери, сидитъ въ красныхъ юфтовыхъ сапогахъ съ подковами въ четверть, а на головѣ *кибалка*, что все это зять, панъ Халявскій, надарилъ; да еще она выглянетъ въ окно и насмѣхается надъ нимъ, такъ онъ даже о полы бьется руками и зубами щелкаетъ.

Панъ Григорьичь хотѣлъ-было оставить свое боярство и пристать къ чужой свадьбѣ, потому-что видѣлъ, что тутъ кушанья всякія, отличныя, и горѣлки много, и потчуютъ въ-рядъ всѣхъ безъ разбору, кто первую пьетъ, а кто уже и пятую. Поткнулся-было, такъ ему и чарки понюхать не дали и въ хату не пустили. «Иди — говорятъ — себѣ на свою свадьбу.» Вотъ онъ подумалъ что—говоритъ—живое покину, а мертваго пойду искать, плюнулъ имъ черезъ порогъ, да и пошелъ къ своему поѣзду.

Вотъ дружко́ ихъ собралъ всѣхъ, и говоритъ: «А чтожъ, панъ сотникъ! какаго пива наварили, такое станемъ пить: чего тутъ будемъ глядѣть? Надо свое дѣло исполнять. Поѣдемъ-ка въ Конотопъ; надо, какъ начали, такъ по закону и оканчивать; уже и нерано.»

Поѣхали, пріѣхали; сякъ-такъ дали порядокъ, достали кое-чего у пана Власовича съ вещей матери его, прикрыли грѣшное тѣло Солохи; стала хоть не много, не такъ гадка; посадили молодыхъ за столъ; кушаньевъ же всякихъ было наготовлено; была и горѣлка, была и варенуха. Таки нечего сказать, дѣло было на порядкѣ.

Пѣли ли дружки, или нѣтъ; танцевали ли парубки съ дѣвками, или нѣтъ, а скорѣе раздѣлили каравай.

На другой день пану Власовичу крѣпко досадно было видѣть, какъ панъ Халявскій съ своею молодою пріѣхалъ на таратайкѣ въ городъ покрываться. Впереди везутъ на предлиннѣйшемъ шестѣ шелковую запаску, да красную-красную, какъ есть самая настоящая калина; и лошадямъ чубы, а музыканту руки, скрипку, и чубъ, и одинъ усъ красными лентами перевязали. А у пана Забрёхи этаго ничего не было.

Собрались у него люди, приготовляются калачь раздѣлять; сговариваются, чѣмъ пана Забрёху дарить; сякой-такой, а онъ есть сотникъ надъ сотнею, старшина; бездѣлицею не удовлетворишь его; а онъ потомъ съ тебя и больше еще взыщетъ; придерется къ чему-нибудь. Вотъ совѣтуются между собою: иной хочетъ барашка подарить, другой поросенка, тотъ

теленка; и панъ Пистрякъ, извѣстно, какъ писарь, взявши уголь въ руки, хочетъ записывать на стѣнѣ, кто что подаритъ, а дружко собирается выкрикивать всякими голосами, какую кто скотину или птицу подаритъ — какъ вотъ и вбѣжалъ казакъ изъ Чернигова, и подалъ письмо къ пану сотнику отъ самаго полковника Черниговскаго.

Надулся нашъ панъ Забрёха, какъ Индѣйскій пѣтухъ, и началъ шикать, чтобъ всѣ замолчали, и говоритъ: «Цыть-те-ка, молчите. Панъ писарь! а прочитай мнѣ этотъ репортъ. Видишь, мнѣ некогда, я теперь на посадѣ сижу, я молодой. А читай, читай; нѣтъ ли какой новины, или какой милости? Да громче читай.»

Пока панъ Пистрякъ читалъ по складамъ да зацѣплялся надъ слово-титлами, такъ еще ничего; какъ же сталъ по верхамъ читать, такъ ну! фить-фить! да и только. Тамъ было такъ написано, что пана Забрёху, нашего-таки Никиту Власовича, зачѣмъ не послушалъ пана полковника Черниговскаго, да не пришелъ съ храброю Конотопскою сотнею въ Черниговъ, какъ ему было писано; а вмѣсто того полоскалъ въ прудѣ Конотопскихъ молодицъ, да старыхъ бабъ, словно бѣлье, да съ полдесятка ихъ на смерть утопилъ; а потомъ, какъ выискалъ между ними вѣдьму, такъ ей и поддался, и чорту душу укрѣпилъ, да и леталъ, какъ птица заморская, что всѣ люди видѣли, и

удивлялись, и перепугались, а кое-какимъ малымъ дѣтямъ и *переполохъ* выливали — такъ-то славно командовалъ панъ сотникъ надъ своею сотнею: такъ за то его съ сотничества смѣнить....

Какъ это услышалъ народъ, такъ и удивились, и стоятъ разинувши рты! А нашъ сердечный Забрёха сидитъ, словно горячимъ борщомъ поперхнулся... и говорить бы, такъ горло захватило; и поблѣднѣлъ, и посинѣлъ, и запѣнился, и слёзы распустилъ. А Григорьичь и говоритъ ему: Вотъ также, панъ сот... или бишь уже, панъ Никита! такъ тебѣ и надо. Ты было уже крѣпко разобрался, и даже писаря не слушалъ, и думалъ быть умнѣе его; да видишь, подъ небесами леталъ, да сотничество и пролеталъ. Это же еще на первомъ листѣ такъ написано, а вотъ перевернемъ на другой, что тамъ прочтемъ. Можетъ, и нашъ верхъ будетъ. Цыть-те же всѣ, слушайте! Кого начитаю надъ вами сотникомъ, такъ тотчасъ поклоняйтесь ему и идите поздравлять съ гостинцами...

Да и перевернулъ бумагу, усы разгладилъ, окинулъ всѣхъ глазомъ, чтобъ смотрѣли на него, и кашлянулъ три раза по-школярски, и сталъ читать.... Какъ же начиталъ, что Конотопскимъ сотникомъ поставили не его, какъ онъ желалъ и крѣпко надѣялся, и затѣмъ и Забрёху свертѣлъ съ сотничества; а взяли съ другой сотни судьенка, Демьяна Омельяновича

Халявскаго—какъ прочелъ это Пистрякъ, да и письмо уронилъ, и голову повѣсилъ, и долго думалъ-думалъ, потомъ поднялъ голову и говоритъ себѣ: «Нужды нѣтъ! подобьюсь подъ новаго, да и буду имъ управлять. Недолго будетъ пановать. И этаго въ дураки пошлю: какъ его смѣнятъ, тогда навѣрное буду я. Оставайся-жъ, панъ сот.... или бишь, панъ Никита съ своею Солохою; а я иду къ новому пану сотнику Демьяну Омельяновичу; и тотъ подарокъ, что готовилъ тебѣ на свадьбу, понесу ему на поздравленіе. А кто, хлопцы, со мною?»

«Я—я—я—я—заревѣла громада, и шарахнули изъ хаты, не уважая, что и чарки были налиты, и дружкò калачь разрѣзалъ. И что-то: всѣ, и дружко, и под-дружій, и бояре, и всѣ разошлись; остался самъ Никита съ Солохою; некому было приготовленнаго ѣсть и налитаго пить. Вотъ такая-то была свадьба у Никиты Власовича Забрёхи, что былъ когда-то въ славномъ сотенномъ мѣстечкѣ Конотопѣ паномъ сотникомъ!!!

XIV.

Смутенъ и невеселъ пришелъ чрезъ нѣсколько дней въ хату къ Никитѣ Власовичу панъ Конотопскій писарь Прокопъ Григорьичь Пистрякъ. И какъ вошелъ, такъ и повалился на лавку, склонился на столъ и заголосилъ.

«Не умножай горести, Григорьичь! говоритъ ему Власовичь: тутъ и безъ того тошно на свѣтъ глядѣть.... чего же ты воешь, какъ собака?

— Горе, Власовичь! горе постиже мою утробу до раздраженія! —

А мнѣ что за дѣло? сказалъ Никита, спохватившись и вспомнивши, какъ онъ отошелъ отъ него, узнавъ о его смѣнѣ и не давъ ему никакаго совѣта, да еще и въ глаза насмѣхался.

Не вспомяни моихъ первыхъ беззаконій, друже! Нынѣ и азъ грѣшный въ простоту повергохся!

«Какъ такъ?» спросилъ Власовичь; а Пистрякъ по-своему, по-письменному и разсказалъ, какъ онъ пришелъ къ новому сотнику прехраброй Конотопской сотни, Демьяну Омельяновичу пану Халявскому, и какъ тотъ — говоритъ — воззрѣлъ на него гордымъ окомъ и нечистымъ сердцемъ, аки на пса смердяща, и велѣлъ ему писать къ вельможному пану полковнику репортъ о такихъ и такихъ дѣлахъ. Григорьичь захотѣлъ поумничать, и чтобъ съ первыхъ поръ взнуздать пана сотника по-своему, чтобъ не важничалъ противъ писаря, написалъ по-своему. Панъ сотникъ понялъ, что не такъ, потому-что былъ и самъ грамотный, говоритъ писарю: «не такъ!» А писарь ему въ отвѣтъ: «такъ.» Панъ сотникъ крикнулъ:

«пиши по-моему!» А писарь говоритъ: «я на то писарь, и знаю, какъ и что надобно.» Какъ-же разозлится панъ сотникъ, какъ крикнетъ: «такъ ты уже не писарь!» и началъ ругать отца и матерь, сначала Забрёхиныхъ, а потомъ и Пистряковыхъ, и весь родъ ихъ; а тамъ и самаго писаря бранилъ-бранилъ на всѣ бока, да въ затылокъ, и выгналъ его изъ хаты, и смѣнилъ его съ писарства; а на мѣсто его опредѣлилъ подписарчука, мальчика молодаго, его же, такъ закончилъ Пистрякъ, «не единожды за возлобіе драхъ и по лядвіямъ поруганіе чинилъ.....»

Послѣ того, что день, то и сходилися они тужить, да знай куликали, потому-что не чѣмъ имъ было заняться. Прошло ихъ панство!...

Что же сдѣлалось съ Явдохою Зубихою, знаменитою Конотопскою вѣдьмою? У пана Халявскаго, Конотопскаго сотника, она жила въ роскоши. Былъ ей батракъ, была и работница опредѣлены по приказу пана сотника; и въ праздники на поклонъ съ гостинцами ходили къ ней люди, тотчасъ послѣ сотника, а прежде писаря; и никто не смѣлъ ее не только вѣдьмою, или тому подобнымъ назвать, но еще величали ее по отчеству: Семеновна, или: «пани Зубиха.» Вотъ до чего съ нею пришло! Однако она скоро зачахла, изсохла и *скоро дуба дала*. Однакоже не съ-разу и умерла. Какъ страдала!... Умира-

етъ и не умираетъ; руками и ногами не шевелитъ; а стонетъ на всю хату, такъ-что и на улицѣ слышно было. А тутъ еще котъ ея расходился, да мяучитъ за нею изо всей силы.... Вотъ тамъ-то страшно было!... Потомъ сорвали потолокъ... Тутъ, гдѣ взялся, воронъ, да черный-пречерный! влетѣвши въ хату, надлетѣлъ надъ нею, крылами махнулъ... тутъ ей и конецъ!... только зубы оскалила!... а котъ тутъ и лопнулъ какъ пузырь... а воронъ, кто его знаетъ, гдѣ и дѣвался!... Какъ-же ее по-людски хоронить? Выволокли за село, зарыли ницъ въ яму, прибили осиновымъ коломъ, да еще и сверху заправили, чтобы, часомъ, съ кола не сорвалась. Собакѣ собачья смерть!

Вотъ вамъ и Конотопская вѣдьма!

Съ Малоросс. В. Н. С.

СЦЕНА КАНЦЕЛЯРНАЯ.

(За столомъ сидитъ повытчикъ, оклавшись бумагами, въ которыхъ роется съ большимъ прилежаніемъ; нѣсколько подъячихъ расхаживаютъ по комнатѣ, одни грызутъ перья, другіе ногти. Одинъ молодой подъячій сидитъ въ углу подлѣ печки и дремлетъ).

1-й ПОДЪЯЧІЙ.

Ахъ, нынче день субботы!

2-й ПОДЪЯЧІЙ.

Невидимо недѣля протекла.

3-й ПОДЪЯЧІЙ.

Тѣмъ лучше; отдохнемъ, отложимъ мы заботы
До понедѣльника.

ПОВЫТЧИКЪ *(продолжая рыться въ бумагахъ).*

Сперва бы намъ дѣла
Привесть къ рѣшенію, и тѣмъ привлечь вниманье
Начальства, да ужъ послѣ отдыхъ, да гулянье...

3-й ПОДЪЯЧІЙ.

Такъ точно-съ! И погода нынче не красна,
Гулять невыгодно; ошибся я въ расчетѣ.
Ненастье; на дворѣ мокро, да грязь одна.

4-й ПОДЪЯЧІЙ *(подходитъ къ этому и говоритъ въ полголоса).*

Сегодня, видно, ты не будешь на охотѣ?

3-й ПОДЪЯЧІЙ *(тихонько).*

Согласенъ бы, да званъ я въ-гости.

4-й ПОДЪЯЧІЙ.

А къ кому?

3-й ПОДЪЯЧІЙ.

Къ сержанту отставному одному,
Который имянины внучки отправляетъ.
Онъ ищетъ плясуновъ—
И насъ, извѣстныхъ удальцовъ,
На вечеринку приглашаетъ.
Ужъ мы повеселимся у него!
Отъ нашихъ каблуковъ задребезжатъ окошки.
Не будетъ, говорятъ, забыто ничего:
Ни картъ, ни пива, ни ерошки.
Въ такой компаніи ты самъ
Порадуешься быть, я вижу по глазамъ....

ПОВЫТЧИКЪ *(озираясь и глазами отыскивая кого-то).*

А гдѣ онъ? Убѣжалъ? Нѣтъ вонъ! сидитъ у печи.
Эй, баричь! пробудись.... Не слышитъ тихой рѣчи.
(Обращаясь къ подъячимъ).

Нельзя ль вамъ потрясти повѣсу, господа?
Онъ крѣпко задремалъ; вѣдь нѣту въ немъ стыда.

(Одинъ подъячій подходитъ къ сидящему подлѣ печки и будитъ его; тотъ открываетъ глаза; повытчикъ кричитъ ему).

Подайте переписку,
Возникшую не такъ давно, по иску
Недобродѣева.

(Молодой подъячій встаетъ, вынимаетъ изъ шкафа дѣло и подаетъ повытчику, который, перебирая листы, продолжаетъ).

Вотъ это бы совсѣмъ
Окончено; лишь нужно докладную,
Которую составить вамъ рекомендую,
Тѣмъ болѣе, что вы не заняты ничѣмъ.
Я сущность переписки вкратцѣ растолкую:
Проситель жалуется въ томъ,
Что яко бы жильцы деревни Подгородной,
О праздничной порѣ, подпивъ неблагородно,
Его чуть не засѣкли топоромъ;
А потому, за таковое истязанье,
Онъ проситъ учинить съ нихъ должное взысканье.
Изъ показаній же означенныхъ крестьянъ
Напротивъ явствуетъ, что самъ онъ злой буянъ
И въ озерѣ чужомъ ершей ловилъ безъ вида;
За то, дискать, ему и сдѣлана обида.

Съ одной-то стороны, конечно, такъ,
Нельзя сего оспорить: ибо
Въ чужомъ участкѣ пользоваться рыбой
Воспрещено; про это знаетъ всякъ.
Съ другой — нельзя опять
И самовольства оправдать.

Быть въ дѣлѣ собственномъ судьею
Никто не можетъ, паче же побою,
Безъ слѣдствія, суда, другаго подвергать.
Все это должно описать
Подробно, обстоятельно, и купно
Съ изложеннымъ рѣшеньемъ....

МОЛОДОЙ ПОДЪЯЧІЙ *(глядя въ окно и зѣвая.*

Дождикъ крупной!

ПОВЫТЧИКЪ.

Да вы моихъ, сударь, не слышите рѣчей?
Пускаете спокойно все мимо ушей.
Теперь усматриваю ясно,
Что съ вами говорить и васъ учить — напрасно.

МОЛОДОЙ ПОДЪЯЧІЙ.

По случаю дождя,
Нельзя ли мнѣ пойти домой?

ПОВЫТЧИКЪ *(съ досадою).*

Куда угодно. *(Молод. подъяч. уходитъ).*
Ну, съ чѣмъ же это сходно?
Онъ неучь, онъ дитя!
Часъ цѣлый толковалъ безъ отдыха ему я,
Надѣялся добиться толку отъ него....
Куда! Стоитъ-себѣ какъ вкопанъ, какъ статуя,
Не понимаетъ ничего.
Какъ будто говоришь нарѣчьемъ иностраннымъ!

Мнѣ это кажется, по чести, очень страннымъ!
И рвется все домой.... Вы знаете его?
Что дѣлаетъ пріятель, вѣчно сидя дома?

1-й подъячій.

Его хозяйка мнѣ знакома;
Поскажетъ про него, такъ дыбомъ волоса:
Такія водятся за хватомъ чудеса!
Повѣрите ли? Днемъ и ночью, въ будни, въ праздникъ,
Сидитъ наединѣ все съ книгою проказникъ!
Порою, ставши въ уголъ, подъ окномъ,
Бормочетъ про себя невнятное тишкомъ.
Не худо, право бы, смотрѣть за нимъ построже:
Не служитъ ли молодчикъ нашъ Масонской ложѣ?

повытчикъ.

Ну, съ книгой быть еще не важная бѣда...
Нельзя постановить намъ правилъ безъ изъятій....
Брать книжку въ руки можно, но тогда,
Какъ есть свободный часъ отъ должностныхъ занятій.
Слыхалъ я, что читать полезно, господа;
Что будто книги тѣмъ, которые читаютъ,
Разсудка прибавляютъ.

4-й подъячій.

Чужимъ-то разумомъ всякъ можетъ быть уменъ!
Нѣтъ, будь-ка онъ своимъ гораздъ, безъ книгъ ученъ.

2-й подъячій.

Помилуйте, да книги всѣ — чума,
Не только безполезны для ума.

Вотъ если бъ, такъ сказать, онъ навострился въ дѣлѣ!
А то читаетъ все заморскій вздоръ,
Журналы, напримѣръ, гдѣ тотъ и разговоръ,
Что взгляды высшіе съ разборомъ важныхъ цѣлей....
Какъ будто надобность большая знать объ нихъ....
Гдѣ часто пустяковщину городятъ
И головы людей нетвердыхъ, молодыхъ,
Съ послѣдняго разсудка сводятъ!
Такъ точно у него,
У нашего дитяти, смыслъ въ-бѣгахъ, посредствомъ
Негодныхъ этихъ книгъ. Я знаю бредъ его:
Онъ занимается *поэтствомъ* *.

3-й ПОДЪЯЧІЙ.

А! то есть, онъ стишки плететъ.
Ну, выбралъ же почетное занятье!
Да это все равно, что грѣшное объятье
Безчестной женщины, какъ нѣкоторый родъ....

4-й ПОДЪЯЧІЙ.

Недаромъ стихотворцы всѣ твердятъ о музахъ,
Которыя, по ихъ словамъ, въ какихъ-то узахъ
Содержатъ ихъ!

ПОВЫТЧИКЪ.

Ужъ это подлинно, что страхъ,
Когда нашъ молодецъ помѣшанъ на стихахъ!

* Слово, взятое съ натуры.

Отъ всѣхъ другихъ безумствъ избавиться есть мѣры....
Но кто бы, заразясь *поэтствомъ*, поумнѣлъ —
Еще не виданы примѣры.
Пропадшій человѣкъ, и только, нашъ пострѣлъ!

Эм — — въ.

ЧЕРНОВАЯ КНИГА ПУШКИНА*.

Василію Андреевичу Жуковскому.

Sic transit gloria mundi....
Devise de Louis XIV.

Смотрю съ волненіемъ, съ тоскою умиленной
На книгу-сироту, на бѣлые листы,
Куда усопшій нашъ рукою вдохновенной
Сбирался вписывать и пѣсни и мечты,
Куда фантазіи созрѣвшей, въ полной силѣ
Созданья дивныя онъ помѣщать хотѣлъ.....
И гдѣ, доставшійся безвременно могилѣ,
Онъ начертать ни слова не успѣлъ!....

* Пушкинъ заказалъ себѣ черновую книгу. Она, послѣ его смерти, перешла къ В. А. Жуковскому, который написалъ въ ней нѣсколько недоконченныхъ стихотвореній, и потомъ подарилъ ее мнѣ съ наказомъ дополнить и докончить ее.

Смотрю и думаю: судьбою легконравной
Какой удѣлъ благой, возвышенный и славный
Страницамъ симъ пустымъ назначенъ прежде былъ!
Какъ много творческихъ, высокихъ помышленій,
Какъ много свѣтлыхъ думъ, безцѣнныхъ откровеній
Онъ имъ повѣрилъ бы!...
И гробъ всё истребилъ!....

Принявъ наслѣдіе утраченнаго друга,
Свидѣтель горестный и смерти и недуга,
Другой восторженный, мечтательный поэтъ
Болѣзненно взиралъ на сей нѣмой завѣтъ...
И сердце въ немъ стѣснялось отъ испуга.
«Давно ли,» думалъ онъ, «давно ли предо мной
«*Онъ*, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, здоровый, молодой,
«Мечталъ о будущемъ, загадывалъ, трудился?....
«И вотъ онъ навсегда отъ глазъ моихъ сокрылся!...
«Нѣтъ! полно въ даль смотрѣть!... не подъ моимъ перомъ
«Ты, книга, оживешь духовнымъ бытіемъ!....»

И мнѣ, и мнѣ сей даръ! Мнѣ слабой, недостойной,
Мой *сердца духовникъ* пришелъ его вручить,
Мнѣ пѣснью робкою, неопытной, нестройной
Стихъ чудный Пушкина велѣлъ онъ замѣнить!
Но не исполнить мнѣ такаго назначенья,
Но не достичь мнѣ геніяльной вышины!....
Я женщина: во мнѣ и мысль и вдохновенье
Смиренной скромностью быть скованы должны.

Гр--ня Ев. Р---на.

Апрѣль 1839.
С. Петербургъ.

ЛЕБЕДЬ.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полетъ
И неподвижными очами
Въ себя впиваетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Она, между двойною бездной,
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ —
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окруженъ.

О. [illegible]-въ.

ОСТРОВЪ.

I. А. Баратынскому.

Je remble, et dans ma bouche abondent les paroles,
Quand son nom gigantesque, entouré d'auréoles,
Se iresse dans mon vers de toute sa hauteur.

V. Hugo.

Есть дикая скала въ пустынѣ океана.
Она, близнецъ земли, ровесница вѣкамъ,
Какъ страшный остовъ великана
Въ добычу брошена бунтующимъ волнамъ.
И небо Африки надъ той страной далекой
Разженной кровлею легло,
И солнце, раскалясь, лучемъ своимъ глубоко
Изсохшій черепъ ей прожгло.
И зелень блѣдная, изъ жалости, мѣстами
Прикрыла наготу отшельницы ковромъ,
Повисла надъ ея кремнистыми плечами,

И узкимъ поясомъ прошла по ней кругомъ.
Въ ногахъ у ней ревутъ гиганты океана
И гложутъ день и ночь гранитную ступень
И стелется окрестъ печальный крепъ тумана,
И мѣшкатно идетъ надъ нею знойный день.

Здѣсь-то, міромъ отчужденный,
Полусвѣта властелинъ,
И отецъ побѣдъ надменный,
И безстрашный паладинъ,
Здѣсь любимецъ бранной славы,
— — — — — — — — — — — —
Идолъ созданной державы —
Подъ ударомъ рока палъ!
Здѣсь свободы похититель,
— — — — — — — — — — — —
И развѣнчанный властитель
Кончилъ долгій свой походъ!
Ни Маренго, ни Іена,
Ни Эйлау, ни Ваграмъ
Не спасли тебя отъ плѣна —
И не спасся здѣсь ты самъ!

Не съ отважными орлами,
Не съ трехгранными штыками,
Не съ стѣной твоихъ дружинъ,
Громоносный исполинъ,
Не на бѣшеномъ конѣ,
Не въ губительномъ огнѣ
Ты принесся на скалу,
Расчищая путь орлу!

— — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — —

Здѣсь, подъ гнетомъ тяжкой думы,
То печальный, то угрюмый,
Битвы прежнія ты звалъ
И о Франціи вздыхалъ.
Не при громѣ барабана,
А подъ стономъ океана
Встрѣтилъ ты послѣдній часъ —
И угасъ!...

Саванъ твой былъ — плащъ воинскій;
Валъ громадно-исполинскій
Хладный прахъ твой отпѣвалъ,
Вкругъ могилы грохоталъ,
И не маршалы твой гробъ
Опустили въ земный склепъ!

Надъ гранитною гробницей
Ужъ не вьется твой орелъ,
Но надъ ней огнемъ зарницы
Блещетъ славы ореолъ!.....

С. Стромиловъ.

СОЧУВСТВІЯ.

Графинѣ Софьѣ Александровнѣ Бобринской.

> C'était un de ces êtres qui attachent par la délicatesse de leurs sentiments, la bienveillance de leur âme, l'égalité de leur humeur, l'originalité de leur caractère, par un esprit vif et éclairé, s'intéressant á tout, et comprenant tout.
>
> Châteaubriand.

Встрѣчаются на жизненной дорогѣ
Такія существа, которымъ Богъ велѣлъ
Другимъ разукрашать ихъ бытія удѣлъ,
И скорби здѣшнія, и здѣшнія тревоги
Неутомимою заботой услаждать.
Святыми чарами догадливости нѣжной
Къ тоскующимъ сердцамъ, къ душѣ больной, мятежной
Они участья рѣчь умѣютъ примѣнять.
Волшебной кротостью и разумомъ высокимъ
Они смягчаютъ гнѣвъ, враждующихъ мирятъ;

Они себѣ межъ насъ міръ ясныхъ думъ творятъ,
И въ немъ блаженствуя, съ вниманіемъ глубокимъ
За нашими волненьями слѣдятъ,
Чтобъ руку помощи и голосъ ободренья
Подать уставшему въ изнеможенья часъ;
Чтобъ робость оживить; чтобъ рушить заблужденье;
Чтобъ тайную слезу принять съ блестящихъ глазъ.

И каждому, въ комъ точно сердце бьется,
Въ комъ дарованья есть, въ комъ свѣтлый умъ горитъ,
При нихъ, у нихъ отраднѣе живется —
И ими избранный къ нимъ радостно спѣшитъ.

Я знаю комнату въ дому изящно-пышномъ,
Въ концѣ блестящихъ залъ, въ таинственной тиши...
Тамъ есть убѣжище для мысли и души.
Туда лишь отзвукомъ, лишь ропотомъ чуть слышнымъ
Доходитъ свѣта шумъ, гулъ жизни городской....
Тамъ рай; тамъ дышетъ всё искусствомъ вдохновеннымъ,
Умѣньемъ жить, радушіемъ безцѣннымъ;
Тамъ всё устроено причудливой мечтой,
Воображеніемъ и вкусомъ совершеннымъ.
Въ бесѣдѣ искренней, въ привѣтной простотѣ,
И сердцу женщины и голосу поэта
Равно внимаютъ тамъ; вдали суетъ и свѣта
Тамъ сладко шепчется о милой суетѣ.
О! счастливъ, кто унесъ изъ свѣтлаго пріюта
Воспоминанія пріятнаго запасъ,
Кто тамъ успѣлъ провесть блаженныя минуты,
Кого тамъ снова ждетъ очарованья часъ!...
О! счастливъ, чьи слова, чей взоръ тамъ принимаютъ

Съ улыбкой ласковой, съ участіемъ живымъ....
Кого какъ друга тамъ порою поминаютъ,
Кого встрѣчаютъ тамъ съ сочувствіемъ роднымъ!...

Гр--ня Ев. Р---на.

БЕЗПОКОЙСТВО.

Зачѣмъ, на лонѣ тишины,
Въ безпечности благополучной,
Мы непонятно смущены
Тоской заботливости скучной?
Когда бездѣйствіе и лѣнь
Глубоко душу усыпляютъ,
Въ дремотѣ топятъ каждый день
И мирно жизнь уничтожаютъ —
Какой-то мстительный укоръ
На сердце падаетъ невольно,
Твердитъ печальный приговоръ —
И сердцу тягостно и больно...
И вотъ дремоты лишено,

И приглашаемое бдѣньемъ,
Робѣетъ горестно оно
Предъ независимымъ стремленьемъ,
Передъ порывомъ неземнымъ,
Предъ цѣлью творческой высокой —
И страждетъ грустію глубокой,
Изнеможеньемъ роковымъ:
Оно и ропщетъ, и жалѣетъ,
И негодуетъ на себя —
И вдохновенія не смѣетъ
Призвать, ничтожность полюбя.
Ему бы нуженъ праздникъ духа —
Гульба въ предѣлахъ неземныхъ,
Пиръ ненасыщеннаго слуха —
Пространство звуковъ золотыхъ;
Но къ высотамъ не могутъ крылья
Отяжелѣвшія парить —
И жребій жалкаго безсилья
Нѣмѣть въ оковахъ и грустить!...
Такъ лучше, сердце, не смущайся
Предъ эхомъ творческихъ трудовъ,
Спи тяжелѣй, не откликайся
На ихъ измѣнническій зовъ!

Эм — — въ.

КОНЧИНА ЮНОШИ-ЖЕНИХА.

Между гименомъ и могилой
Отъ жизни къ смерти, Агатонъ,
Срокъ ночи былъ тебѣ сужденъ —
Срокъ ночи мрачной и унылой!
Несчастный юноша! не пиръ
Та ночь несла тебѣ вѣнчальный,
Не ложе брака въ звукѣ лиръ —
Но плачь и стоны погребальны.
Увы! покрылъ мгновенно прахъ
Одежды брачны, и зѣницы,
И недовитыя плѣницы,
И кудри, блещущи въ цвѣтахъ!
Ронялъ и факелъ пламень блѣдный,
Свѣти на путь къ ложницѣ той,
Которую, о смертный бѣдный,
Никто не раздѣлилъ съ тобой!

Съ Греческ. Озеровымъ.

РАЗСВѢТЪ.

Тихо къ тучамъ прикоснулась
Чья-то свѣтлая рука:
Небо мрачное проснулось,
Разлетѣлись облака!
Нѣги полонъ, лучь прекрасной
Пробѣжалъ по выси горъ —
И востокъ, съ улыбкой ясной,
Обратилъ къ намъ свѣтлый взоръ.
И прозрачно-серебристой
Заигралъ живѣй потокъ;
Дунулъ амброю душистой
Перелетный вѣтерокъ.
Вотъ и солнце за горою
Показалось наконецъ;
Ярко блещетъ надъ главою
Золотой его вѣнецъ!
Отлетѣли сновидѣнья!
Мракъ, дремота... ихъ какъ нѣтъ!

Чары тьмы и усыпленья —
Все умчалъ съ собой разсвѣтъ!
Не крушись, пѣвецъ печальный!
Не срывай съ чела вѣнокъ!
Тамъ — за сѣнью погребальной—
Блещетъ свѣтлый огонекъ!
Вѣруй сердцемъ въ Провидѣнье;
Вѣра—лучшій другъ души.
Приноси въ часы моленья
Дань безропотной слезы.
Жизнь твоя, какъ сонъ, прервется;
Тѣло прахомъ разпадется —
И возьметъ его земля!
Но душа, вспорхнувъ косаткой,
Вознесется къ нѣгѣ сладкой
Неземнаго бытія!
Жди же радостно призванья!
Совершатся упованья!
Вѣрь: есть праведный Судья.
Міръ предъ Нимъ благоговѣетъ;
Онъ печаль твою согрѣетъ,
Наградитъ за все тебя....
Такъ Ему благодаренье!
Онъ Хранитель нашъ отъ бѣдъ:
Наше солнце Провидѣнье —
И наступитъ нашъ разсвѣтъ!....

А. Вердеревскій

ВЪ ЖИЗНИ ТЕМНОЙ.

Въ жизни темной и унылой
Мнѣ свѣтился образъ милый.
Образъ милый потемнѣлъ —
Мракъ густой меня одѣлъ.

Дѣти малыя боятся
Въ темномъ мѣстѣ оставаться,
И поютъ они въ-потьмахъ,
Чтобъ прогнать свой дѣтскій страхъ.

Точно также одинокой,
Я пою во тьмѣ глубокой —
И хоть пѣснь невесела,
А тоску разогнала.

Изъ Гейне. Катковъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИЛОЙ ЖЕНЩИНѢ

Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

Въ веселой рѣзвости мила,
Въ тоскѣ задумчивой милѣе.....

Козловъ. *Чернецъ.*

Нѣтъ, вы не знаете ее,
Вы, кто на балахъ съ неи встрѣчались,
Кто ей безмолвно покланялись,
Все удивленіе свое
Въ дань принося уму живому,
Непринужденной простотѣ,
И своенравной красотѣ,
И глазокъ взору огневому!....
Нѣтъ, вы не знаете ее,
Вы, кто слыхали, кто дѣлили
Ея бесѣду; кто забыли
Заботъ и дѣлъ своихъ житье,
Внимая ей въ гостиныхъ свѣтскихъ!....

Кто суетно ее любилъ,
Кто въ ней лишь внѣшній блескъ цѣнилъ,
Кто первый пылъ мечтаній дѣтскихъ
Ей безъ сознанья посвятилъ —
Нѣтъ, тѣ ее не понимали;
Тѣ искру нѣжности живой
И чувствъ высокихъ лучь святой
Въ ея душѣ не угадали!

И вы, степенные друзья,
Вы, тѣсный кругъ ея избранныхъ,
Вы, разумъ въ ней боготворя,
Любя въ ней волю мыслей странныхъ,
Вы мните знать ее вполнѣ?
Вы мните, что въ ея душѣ
Для васъ нѣтъ тайны сокровенной?...
Но вамъ являлась ли она,
Раздумья томнаго полна,
Въ тоскѣ тревожной и смятенной,
Когда въ разувѣренья часъ
Она клянетъ тщету земную,
Обманы сердца, жизнь пустую.....
Когда съ прелестныхъ черныхъ глазъ
Слеза жемчужная струится,
Когда мечта ея стремится
Въ міръ лучшій, въ міръ для ней родной,
Гдѣ обрѣтетъ она покой?...
Ее я помню въ дни такіе:
Какъ хороша она была!....
Какъ дружба къ ней меня влекла!
Какъ сердца взрывы роковые

Я сердцемъ чуткимъ стерегла!....
Нѣтъ, не улыбки къ ней пристали,
Но вздохъ возвышенной печали;
Нѣтъ, не на сборищахъ людскихъ
И не въ нарядахъ дорогихъ
Она самой собой бываетъ:
Кто хочетъ знать всю цѣну ей —
Тотъ изучай страданье въ ней,
Когда душа ея страдаетъ!....

Г--ня. Ев. Р---на.

Село Анна.
Апрѣль. 1839 года.

ПОКРОВИТЕЛЮ.

В. П. П.

Въ свои небесныя скрижали
Одно изъ тайныхъ, добрыхъ дѣлъ
Недавно Ангелы вписали:
Недавно горестный удѣлъ
Сиротки грустной былъ утѣшенъ,
И на вѣсахъ суда небесъ
Священный подвигъ вѣрно взвѣшенъ —
Онъ имя смертнаго вознесъ!
То имя свято мнѣ. Одна, я
Незамѣчаема была,
И какъ былинка полевая,
Въ глуши покинутой цвѣла!
Мой цвѣтъ увялъ бы безуханно,
Не выждавъ радостнаго дня,
Когда бъ отрадою нежданной
Ты не привѣтствовалъ меня!
Горда участіемъ высокимъ,
Я жить и цвѣсть еще хочу:
Пусть я за призракомъ далекимъ
По свѣту искрой пролечу,
Блесну, угасну — но забвенье
Не оскорбитъ души моей:
Ей будетъ памятно мгновенье,
Когда ты ласкою своей

Вознесъ мой даръ и вдохновенье!
Когда ты, дѣтскаго пера
Замѣтя жалобныя строки
(Суровыхъ опытовъ уроки),
Явился геніемъ добра,
Семьи единственной опорой,
Надеждой матери больной,
Давно убитой, для которой
Дѣтьми лишь свѣтелъ міръ земной.
Вся жизнь ея тоской повита;
Ея дитя томитъ недугъ —
И ты одинъ для нихъ защита,
Одинъ скорбящихъ врачь и другъ!
Мой робкій даръ не избалованъ
Молвой и ласкою людской,
А чаще умъ мой былъ взволнованъ
Нераздѣленною тоской!
Ты, какъ нежданное свѣтило,
Ему явилъ отрадный свѣтъ —
И сердце снова ощутило
Забытой радости привѣтъ!
Мои слабѣющія руки
За лиру съ трепетомъ взялись,
И въ-мигъ признательные звуки
На струны робкія слились!
Когда загробное забвенье
Съ землей на прахъ мой упадетъ —
Одно привѣтное мгновенье
Со мною въ вѣчность перейдетъ!

Елисавета Шахова.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой-нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнажившій.
Двѣ области — сіянія и тьмы —
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикій смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда чуть явственный намѣкъ.

II.

Были бури, непогоды —
Да младые были годы!

Въ день ненастный, часъ гнетучій,
Грудь подыметъ вздохъ могучій,

Вольной пѣснью разольется —
Скорбь-невзгода распоется!

А какъ вѣкъ-то, вѣкъ-то старой
Обручится съ лютой карой —

Купный грузъ съ груди усталой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой:

Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ.

III.

Еще какъ патріархъ не древенъ я. Моей
Главы не умастилъ таинственный елей:
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенье.
И я даю тебѣ мое благословенье,
Во знаменьѣ иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою челомъ склонись, о ты,
Подобіе цвѣтовъ царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной!

Ев. Баратынскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ XV ТОМА.

Стран.

(Первой нумераціи.)

I. Современныя записки.

Хроника Русскаго въ Парижѣ. 5

II. Критика.

Макбетъ Шекспира. 18

III. Разборъ новыхъ книгъ.

Новыя сочиненія. 39

Новые переводы. 70

Новыя изданія. 78

IV. Объявленіе.

О продолженіи Современника. 82

(Второй нумерац.)

V. Новая исторія.

Отрывки изъ исторіи Партизановъ Пиренейскаго полуострова. *И. В. Невѣдомскаго.* 1

VI. Біографическіе матеріалы.

Знакомство Вашингтона-Ирвинга съ Вальтеръ-Скоттомъ. *съ Англійскаго. Р. К. Аполлонской.* 39

(Третьей нумерац.)

VII. Повѣсти.

Конотопская вѣдьма. *Съ Малоросс. В. Н. С.* 1

VIII. Стихотворенія.

Сцена канцелярная. *Эм - - - ва.* 130

Стран.

Черновая книга Пушкина. *Гр--ни Ев. П. Р - - ной.* 137

Лебедь. *Ѳ. И. Т - - ва.* 139

Островъ. *С. И. Стромилова.* 140

Сочувствія *Гр--ни Ев. П. Р - - ной.* 143

Безпокойство. *Эм - - ва.* 146

Кончина юноши-жениха. *Съ Греческаго. Ознобишина.* 148

Разсвѣтъ. *А. Вердеревскаго.* 149

Въ жизни темной. Изъ Гейне М. Н. Каткова. 151

Воспоминаніе о милой женщинѣ. *Гр--ни Ев. Р - - - ной.* 152

Покровителю. *Е. Шаховой.* 155

Антологическія стихотвовенія. *Е. А. Баратынскаго.* 157

Конецъ пятнадцатаго тома.